

О ЕВАНГЕЛИИ ОТЪ МАРКА.

Разборъ мнѣнія Ф. Х. Баура о происхожденіи и характерѣ евангелія отъ Марка. (Das Markus evangelium nach seinem Ursprung und charakter. V. Dr.F. Chr. Baur. Tubingen. 1851.).

Сочиненіе Баура „Das Markus evangelium nach seinem Ursprung und Charakter,“ имѣя своимъ предметомъ главнымъ образомъ евангеліе Марка, вообще касается вопроса о возникновеніи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій. Вопросъ этотъ далеко не новый; въ богословскихъ школахъ протестантскаго міра онъ былъ поднятъ почти за столѣтіе до Баура, и съ тѣхъ поръ протестантскіе богословы различнымъ образомъ рѣшали и теперь еще рѣшаютъ его. Но и доселѣ онъ остается вопросомъ. Причина понятна: выходя изъ началъ протестантства, отвергающаго положительное преданіе и авторитетъ церкви въ дѣлахъ вѣры, и такимъ образомъ не имѣя подъ собою твердой почвы, протестантскіе ученые не могли и не могутъ не дать въ своихъ богословскихъ изслѣдованіяхъ широкаго простора своеволю разума и безграничному произволу личнаго субъективизма. Но рѣшенія, основывающіяся на воззрѣніяхъ чисто субъективнаго свойства, могутъ ли быть вполнѣ правильными, могутъ ли разсчитывать на всеобщее признаніе, могутъ ли устранить попытки перерѣшнить уже рѣшенное прежде? Въ области субъективизма имѣютъ право на существованіе и дѣйствительно существуютъ самыя странныя, самыя односторонніе взгляды; въ ней каждый мыслитель самъ для себя высшій и въ то же время единственный. авторитетъ и пото-

му для него возможно и законно лишь одно отношеніе ко взглядамъ другихъ, отношеніе критическое, отрицательное. Доказательствомъ этого можетъ служить исторія взглядовъ протестантскихъ богослововъ на синоптическія евангелія, на ихъ возникновеніе и взаимное отношеніе. Мы считаемъ не излишнимъ сдѣлать, хотя краткій, историческій обзоръ названныхъ взглядовъ до взглядовъ Баура включительно. Обзоръ этотъ покажетъ намъ на дѣлѣ всю шаткость и ненадежность почвы, становясь на которую, протестантскіе богословы разрабатываютъ вопросы, касающіеся евангелій, покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю безосновательность и произвольность ихъ воззрѣній; и такимъ образомъ мы, не приступая еще къ обстоятельному разбору сочиненія Баура „Das Markus evangelium...“ будемъ имѣть уже сильное доказательство его несостоятельности, такъ какъ Бауръ, во все время своей ученой дѣятельности, наравнѣ съ другими вращался въ области субъективизма и произвола и такъ какъ названное его сочиненіе стоитъ въ тѣсной внутренней связи и имѣетъ много общаго съ сочиненіями его предшественниковъ; хотя нужно замѣтить, что Бауръ послѣдовательнѣе другихъ проводилъ свои взгляды, находясь подъ вліяніемъ современныхъ ему философскихъ воззрѣній и руководствуясь ими.

Обзоръ взглядовъ протестантскихъ ученыхъ на возникновеніе и взаимное отношеніе синоптическихъ евангелій мы дѣлаемъ, придерживаясь сочиненія Гольдмана „Die synoptischen Evangelien“.

До второй половины прошедшаго столѣтія первенство ев. Маттея въ ряду синоптиковъ протестантскіе ученые ставили выше всякаго сомнѣнія. Вообще полагали, что евангелисты писали въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ евангелія ихъ расположены въ канонѣ. Это правильное, основывающееся на преданіи мнѣніе, впервые было поколеблено Кюппе ¹⁾; за тѣмъ позднѣе отъ него отказался Михаэлисъ; ²⁾ Шторръ наконецъ прямо и

¹⁾ Marcus non epitomator Matthaei, 1782.

²⁾ Einleitung in die Schriften des neuen Bundes, 4 Aneg. 1788, 11, § 144.

рѣшительно высказалъ мнѣніе прямопротивоположное.³⁾ Шторръ призналъ Марка первымъ евангелистомъ. Маркъ, по нему, писалъ прежде Луки, и Лука пользовался Марковымъ евангелиемъ. „Кто признаетъ дѣломъ простаго случая, говоритъ Шторръ, если два различныя изложенія одной и той же исторіи, столь богатой замѣчательнѣйшими событіями, въ высшей степени сходны между собою?—а таковы евангелія Марка и Луки. Очевидно, что одинъ изъ нихъ, при составленіи своего евангельскаго разсказа, имѣлъ передъ глазами евангеліе другаго: или Маркъ сдѣлалъ извлеченіе изъ Луки, или Лука въ основу своего евангелія положилъ евангеліе Марка. Но перваго мнѣнія допустить нельзя, поелику половина евангелія Луки не имѣетъ ничего общаго съ еванг. Марка. Да и было ли нужно Марку дѣлать извлеченіе изъ евангелія Луки, если онъ имѣлъ возможность слышать евангельскіе разсказы изъ устъ Петра? Лука же не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ положить въ основу своего евангелія проповѣдь (Evangelium) Петра и распространить своими собственными прибавленіями ея содержаніе.“ Евангеліе Матоея, по Шторру, было написано вскорѣ послѣ евангелія Марка и внѣ всякой отъ него зависимости.—Гипотеза Шторра была первымъ звѣномъ въ длинной цѣпи попытокъ, которыя были предпринимаемы съ цѣлію точнымъ образомъ опредѣлить взаимное отношеніе синоптиковъ, помимо древняго вѣрованія церкви, которое протестантскіе богословы перестали считать для себя обязательнымъ. — Бушингъ⁴⁾ и Эвансонъ⁵⁾ признавали послѣднимъ въ ряду синоптиковъ Марка, Фогель⁶⁾ Матоея. — Но еще прежде гипотезы Шторра было положено начало, такъ называемой, гипотезѣ первоевангелія (urevangeliumshypothese), представители кото-

³⁾ Über den Zweck der evangelischen Geschichte und der Briefe, Johannis, 1788. De fontibus evangeliorum Matthaei e Lucac, 1794.

⁴⁾ Harmonie der vier Evangelisten, mit ihren eigenen Worten Zusammengesetzt.

⁵⁾ The dissonance of the four generally received evangelies, 1792.

⁶⁾ Galber Journal für theol. Literatur, 1, 1804.

рой, прежде чѣмъ сказать что либо о взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій, хотѣли рѣшить вопросъ о ихъ возникновеніи. Въ умахъ протестантскихъ мыслителей богослововъ, оторвавшихся отъ почвы преданія, очень легко могло возникнуть предположеніе, что всѣ синоптики почерпали содержаніе для своихъ евангелій изъ одного, теперь уже не существующаго, первоевангелія. И дѣйствительно уже Лессингъ, 7) Землеръ 8) и позднѣе Нимейеръ 9) считали общимъ источникомъ для синоптиковъ евангеліе въ Евреямъ, а Корроди, 10) Шмидтъ 11) и другіе еврейскій оригиналь Матѳеева евангелія.—Нѣкоторые говорили, что синоптики могли основываться на греч. переводѣ первоматѳея. Съ особенною тщательностію занялись развитіемъ гипотезы первоевангелія Эйххорнъ 12) и Бертольдъ 13).

По гипотезѣ Эйххорна въ ея первоначальномъ видѣ, первоевангеліе было написано на Сирохалдейскомъ языкѣ около 35 года. Оно содержало въ себѣ отдѣленія, общія всѣмъ тремъ синоптикамъ, главные факты евангельской исторіи, расположенные въ правильномъ — говоря вообще — порядкѣ. Но оно прошло чрезъ сотню рукъ, при чемъ переписчики вносили въ

7) Neue Hypothese über die Evangelisten, als blos menschliche geschichtsschreiber betrachtet, 1778.

8) Въ своемъ предисловіи къ изслѣдованію богословскихъ споровъ Баумгартена (1762) Землеръ высказалъ правильные, вообще говоря, взгляды на синопт. евангелія; затѣмъ въ своемъ переводѣ сочиненій Townson'a о четырехъ евангеліяхъ онъ призналъ многіе еврейскіе и сирскіе первоисточники (1783); наконецъ онъ согласился съ выводами Stroth'a о евангелии отъ Евреевъ.

9) Conjecturae ad illustrandum plurimorum. N. T. scriptorum silentium de primordiis vitae Iesu Christi, 1790.

10) Versuch einer Belenchtung der geschichte der Biblkanon, II, 1792.

11) Einleitung in das N. T. 1.

12) Allgemeine Bibliothek der biblbc. Literatur, V, 1794. Einleitung in das Nene Testament I. 1804.

13) Historisch—Kritischeu, Einleitung, III.

него нѣчто новое, что было заимствуемо изъ устнаго преданія людей, заслуживавшихъ довѣрія; такъ возникли различныя редакціи первоевангелія. Затѣмъ первоевангеліе было переработано въ цѣломъ длинномъ рядѣ сочиненій, пока наконецъ не приняло насюющей своей тройной формы — формы трехъ синоптическихъ евангелій, въ которыхъ осталось отчасти нѣчто общее, отчасти же появилось много оч. значительныхъ разностей. Если такъ, то ни одинъ синоптикъ не пользовался другимъ, но также и ни въ одномъ изъ синоптическихъ евангелій не сохранилось первоначальнаго неповрежденнаго текста; эти евангелія представляютъ собою греч. переводы одной редакціи первоевангелія, но съ самостоятельными добавленіями. — Такимъ образомъ, особенно при дальнѣйшемъ развитіи своей гипотезы, Эйххорнъ взглянулъ на евангелія съ точки зрѣнія чисто исторической. У него евангелія явились далеко не первыми въ своемъ родѣ произведеніями; они возникли послѣ другихъ подобныхъ обыкновеннымъ путемъ литературно-историческаго развитія.

При переработкѣ своей гипотезы Эйххорнъ призналъ несомнѣннымъ существованіе греч. перевода первоевангелія и нѣсколькихъ также греч. его редакцій. Что касается Бертольда, то онъ изложилъ гипотезу первоевангелія въ слѣдующемъ видѣ. По всей вѣроятности — таково мнѣніе Бертольда — первоевангеліе было составлено въ Иерусалимѣ всѣми апостолами, каждымъ изъ нихъ записано и затѣмъ предоставлено во всеобщее употребленіе; безъ сомнѣнія каждый апостолъ непременно имѣлъ при себѣ экземпляръ этого первоевангелія, какъ необходимое руководство при проповѣди, и это было причиною единства и согласія въ новомъ ученіи. Какъ многія другія новозавѣтныя писанія, такъ и это руководственное первоевангеліе было, по Бертольду, написано по Арамейски.

Долгое время на гипотезу первоевангелія было обращено особенное вниманіе. Но въ средѣ ея защитниковъ вскорѣ былъ поднятъ спорный вопросъ о первенствѣ одного евангелиста предъ другимъ. Эйххорнъ приписывалъ его Матѳею, Гратцъ —

Марку. Въмѣстѣ съ тѣмъ Эйххорнъ, признавши, что евангеліе Марка составлено на основаніи той именно редакціи древняго первоевангелія, которая послужила источникомъ для евангелій Матѳея и Луки, чрезъ это самое рѣшительно склонился на сторону Грисбаха, который въ то время обнародовалъ свои сочиненія: *De fontibus unde evangelistae suas de resurrectione Domini narrationes hauserint*, 1784, *commentatio, qua Marci evangelium totum e Matthaei et Lucae commentariis deceptum esse monstratur*, 1789—90. Мнѣніе Грисбаха, высказанное въ этихъ сочиненіяхъ и въ послѣдствіи съ большею обстоятельностью развитое многими учеными,¹⁴⁾ состояло въ томъ, что Маркъ въ основу своего евангелія положилъ повѣствованія Матѳея и Луки; и такъ какъ Маркъ сравнительно съ этими послѣдними привнесъ въ свое евангеліе не много новаго, то Грисбахъ поставилъ Марка ниже остальныхъ двухъ синоптиковъ. Грисбахъ своими сочиненіями заставилъ ученыхъ обратить вниманіе на, такъ называемую, гипотезу пользованія (*Benutzungshypothese*), высказанную еще Шторромъ. Гипотеза эта получила большее развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ мало по малу оставленъ путь, по которому шелъ Эйххорнъ, съ тѣхъ поръ, какъ Гугъ высказался противъ первоматѳея (*Urmatthaeus*), писавшаго будто бы на арамейскомъ языкѣ, противъ первоначальной арамейской записи, вообще противъ первоевангелія¹⁵⁾. По Гугу, всякій евангелистъ пользовался своимъ предшественникомъ и въ то же время критиковалъ его. Матѳей писалъ погречески. Затѣмъ всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что Маркъ имѣлъ предъ глазами только Матѳея. Онъ переработалъ Матѳея въ послѣдовательномъ порядкѣ, причемъ присовокупилъ свои критическія замѣчанія. Лука наконецъ дополнилъ обоихъ, снова пересмотрѣвъ источники, которыми пользовался. Особенности, которыя Гугъ замѣчаетъ въ евангеліяхъ, онъ объясняетъ цѣлью, которая имѣлась въ виду при написаніи cadaго евангелія.

¹⁴⁾ Какъ то: Saunier, Тейле, Зиффертомъ, Фришце, Гфререромъ, Делиремъ и др...

¹⁵⁾ *Einleitung in die Schriften des Neuen Testaments*, II, 1808.

Такъ Матѳеи имѣлъ въ виду догматич. цѣль, — именно хотѣлъ доказать іудеямъ мессіанское достоинство Іисуса. Маркъ написалъ евангеліе съ характеромъ чисто историческимъ; онъ опустилъ многое, что было уже рассказано Матѳеемъ, и, руководствуясь указаніями ап. Петра, поставилъ нѣкоторыя событія на другомъ мѣстѣ, и не тамъ, гдѣ стоятъ они у Матѳея. Лука пользовался своими предшественниками, придерживаясь впрочемъ болѣе Марка. Всѣ три синоптика заботились о точности и исторической достовѣрности и съ этою цѣлю исправляли другъ друга; поэтому при встрѣчѣ съ разностями въ синоптическихъ евангеліяхъ слѣдуетъ болѣе довѣрять позднѣйшему изъ синоптиковъ.

Съ другой точки зрѣнія взглянуть на вопросъ о возникновеніи и взаимномъ отношеніи между собою синоптиковъ Шлейермахеръ. Онъ, подобно Эйххорну, смотрѣлъ на синоптическія евангелія, какъ на произведенія далеко не первоначальныя, но въ то же время не считалъ необходимымъ принятіе одного какого либо источника синоптическихъ евангелій и потому онъ отвергъ гипотезу о первоевангеліи, допустивъ, вмѣсто первоевангелія, существованіе многихъ записей отдѣльныхъ событій изъ евангельской исторіи, событій, имѣвшихъ почему либо особенное значеніе для того или другаго лица, записавшаго ихъ. ¹⁶⁾ Еще Клерикъ (Clericus) указывалъ на многочисленныя рукописныя источники, изъ которыхъ синоптики заимствовали свои евангелія, ¹⁷⁾ подобныя предположенія мы находимъ у Землера, І. Д. Михаэлиса и Коппе. Но непосредственнымъ предшественникомъ Шлейермахера слѣдуетъ считать Павлуса (Paulus). По его мнѣнію уже Марія, Іоаннъ и др. письменнo изложили событія того или другаго, почему либо замѣчательнаго дня; изъ этихъ записей возникли цѣлыя дневники, записки (*ἀπομνημονεύματα*), а изъ сихъ послѣднихъ наконецъ еван-

¹⁶⁾ Kritischer Versuch über die Schriften des Lucas, 1817. (Werke 1, 2, 5. 1—220). Einleit. in, s. Neve testament (Werke 1, 8. s. 217 и т. д.).

¹⁷⁾ Hist eccles. 11. prim. saec. 1716 s. 429.

гелія. ¹⁸⁾ Мѣсто записокъ Павлуса и Шлейермахера заступаютъ, такъ называемые, діегезы—обстоятельныя изложенія отдѣльныхъ событій. Появленіе этихъ діегезовъ не было вызвано потребностію проповѣдниковъ евангелія—что Эйххорнъ утверждаетъ о первоевангеліи—а очень естественнымъ желаніемъ вѣрующихъ, особенно жившихъ внѣ Палестины, которымъ хотѣлось сохранить въ письмени особенно замѣчательныя событія. Съ теченіемъ времени возникли цѣлыя коллекціи подобныхъ діегезовъ, которые затѣмъ мало по малу были соединены въ литературные сборники (Werke). Безсвязныя, разнообразныя по своему содержанію записи были такъ образомъ первыми по времени, стройныя же евангельскія рассказы явились послѣ нихъ и были изъ нихъ составлены. При помощи такого предположенія Шлейермахеръ думалъ удовлетворительно объяснить возникновеніе синоптическихъ евангелій: По его мнѣнію, постоянная смѣна то общихъ всѣмъ синоптикамъ, то исключительно принадлежащихъ только одному изъ нихъ,—смѣна отдѣльныхъ историческихъ рассказовъ ясно указываетъ на множество источниковъ. вмѣсто того, чтобы сравнивать между собою всѣ три евангелія, гораздо лучше, во словамъ Шлейермахера, разсматривать каждое изъ нихъ въ отдѣльности и въ каждомъ изъ нихъ находить тѣ правила и точки зрѣнія, при помощи которыхъ произошло соединеніе отдѣльныхъ рассказовъ. Вслѣдствіе такого предположенія, синоптическія евангелія являются у Шлейермахера агрегатами отдѣльныхъ рассказовъ, небольшихъ записей, уснаго преданія, переработками, возникшими въ вѣкъ послѣ-апостольскій безъ одной общей руководящей мысли, безъ соблюденія точности въ хронологіи. Лука по Шлейермахеру исключительно руководствовался діегезами; Маркъ, евангеліе котораго отличается по большей части апокрифическимъ характеромъ,—Папьевымъ первомаркомъ (urmarkus); Матвеей наконецъ собраніемъ рѣчей ап. Матвеея, о которомъ упоминаетъ Папій. Такимъ образомъ, по Шлейермахеру, въ основѣ двухъ послѣднихъ евангелій (Марка и

¹⁸⁾ Hall. Allgem. Literaturzeitung, 1815, № 105.

Матѳея) являются уже не отрывочные діегезы, а значительныя, по объему, самостоятельныя сочиненія—именно λόγια Матѳея и Παπίεω оригиналь Марка.

Непосредственно за „опытомъ“ Шлейермахера выступилъ съ своимъ опытомъ Гизелеръ, имѣя также намѣреніе объяснить взаимное отношеніе синоптиковъ. Вопреки Шлейермахеру, который признаетъ только одинъ путь передачи еванг. сказаній—путь письменный, Гизелеръ старается выставить на видъ и исторически оправдать другой путь—путь устной традиціи.—Гизелеру предшествовалъ Еккерманъ, который допускалъ сложившійся въ одни опредѣленныя формы устный евангельскій рассказъ апостоловъ въ связи съ небольшимъ письменнымъ первоевангеліемъ и утверждалъ, что этотъ устный рассказъ въ цѣломъ своемъ составѣ впервые былъ изложенъ въ Арамейскомъ евангеліи Матѳея.¹⁹⁾ Къ этому же склонялись Гердеръ²⁰⁾ и Кайзеръ.²¹⁾—Гизелеръ обращаетъ вниманіе на то, что только необходимость могла побудить апостоловъ къ письменному изложенію евангел. сказаній. Первоначальнымъ потребностямъ могла вполнѣ удовлетворить устная традиція. Стереотипный діегезъ еванг. исторіи долженъ былъ явиться вслѣдствіе необходимости образованія апостольскихъ помощниковъ и евангелистовъ, вслѣдствіе же потребности очень часто рассказывать эту исторію обращеннымъ должно было возникнуть однообразіе какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Возникла сама собою норма устнаго преданія, такъ какъ память стереотипизировала содержаніе, что обыкновенно встрѣчается въ средѣ людей безъ научнаго образованія. Этотъ устоявшійся типъ образовалъ потомъ естественную основу для записей. Когда въ слушателяхъ возникло желаніе имѣть παραδόσις ἑγγράφος, то напи такъ назыв.

¹⁹⁾ Theologische Beiträge, 1796, v, 2, s, 148. — Erklärung aller dunklen Stellen des Neuen Testaments, 1, 1806, s. XI. f.

²⁰⁾ Von der regel der Zusammenstimung unserer evangelien, 1797.—Здѣсь первоначальною записью преданія признается евангеліе Марка.

²¹⁾ Biblische Theologie, 1, s. 224; 77.

евангелисты записали готовое уже содержаніе съ свободою, протекающею изъ самаго существа дѣла, — каждый ему одному свойственнымъ образомъ съ полнымъ впрочемъ согласіемъ какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ частностяхъ. Извѣстные обстоятельства произвели то, что уже въ живомъ еванг. преданіи образовалось два различныхъ основныхъ типа, соотвѣтственно различнымъ предметамъ поученія (Belehrung). Различіе между синоптиками объясняется тѣмъ, что само преданіе подверглось видоизмѣненіямъ, вслѣдствіе различныхъ направленій въ первоначальномъ христіанствѣ; такъ ев. Матѳеѣй представляетъ собою іудейско-христіанскій типъ, еванг. Лука — болѣе ячыческо-христіанскій. Естественно также, что при устномъ проповѣдываніи различные апостолы присоединяли свои особыя воспоминанія. Различіе въ порядкѣ, въ которомъ располагаемы были событія, само собою произошло отъ той свободы, которой не могла не допустить, хотя и установившаяся, норма устнаго преданія...

Остаются затрудненія относительно языка. Халдейскій языкъ устнаго преданія могъ продержаться не далѣе, какъ до 2 ст. и потомъ долженъ былъ смѣниться греческимъ. Греки, которые были вообще расположены къ записямъ, начали заключать въ письменна устное преданіе, при чемъ — какъ понятно само собою — первые опыты долженствовали быть очень несовершенными.

Въ то время, какъ Гизелеръ обнародывалъ свой опытъ, значительнымъ авторитетомъ — говоря вообще — пользовалась гипотеза пользованія (Benutzungsgipotese), особенно въ томъ видѣ, въ какомъ изложилъ ее Гугъ. Ученые не хотѣли лишь согласиться съ Гугомъ въ томъ, что евангелисты пользовались другъ другомъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ канонѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ ученые почувствовали всю важность положеній Гизелера и потому стремились къ примиренію взглядовъ того и другаго. Этой эклектической точки зрѣнія придерживались, слѣдуя особенно Грисбаху и Гезелеру, уже Шварцъ, Шоттъ, Нейдеккеръ, но въ особенности Де-Ветте и Креднеръ. Де-Ветте

въ первомъ изданіи своего сочиненія—*Eineitung*, 11, 1826, s 145 признаеть для Матѳея и Луки одинъ общій устный источникъ. Общее построеніе у Матѳея и Луки такъ сходно, что должно признавать, что или Матѳеей служилъ источникомъ для Луки, или оба они пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ. Маркъ хотя и зналъ евангелія Матѳея и Луки, но забылъ рѣчи, содержащіяся у нихъ, такъ какъ онъ не пользовался непосредственно трудами своихъ предшественниковъ. Вообще Маркъ, по де-Витте, имѣеть второстепенное значеніе. Въ послѣднихъ изданіяхъ его сочиненія Маркъ представляется просто только сократителемъ двухъ другихъ синоптиковъ, при чемъ де-Витте утверждаетъ уже, что не только Маркъ, но и Лука имѣлъ евангеліе Матѳея непосредственно предъ глазами.

Другой видъ гипотезы пользованія, слившейся въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи съ другими гипотезами, представляетъ Креднеръ, который совершенно отвергъ гипотезу Грисбаха, послѣ того какъ Кнобель ¹⁾ выступилъ противъ нее. Доказавши на основаніи внутреннихъ признаковъ (будто бы) неапостольское происхожденіе евангелія Матѳея (подлиннымъ признается у него только 3-е еванг.), Креднеръ старается на основаніи свидѣтельства Папія доказать, что еврейскія такъ наз. *λόγια* Матѳея послужили основою канонич. еванг. Матѳея. Это послѣднее возникло изъ подлиннаго Марка и „изрѣченій *λόγια*“, соединенныхъ вмѣстѣ какимъ-то жителемъ Палестины. Какъ этотъ источникъ, такъ и упоминаемая Папіемъ записи Марка мало по малу забывались, съ тѣхъ поръ какъ они явились въ формѣ нынѣ существующаго 2-го евангелія; наконецъ Лука, имѣя подъ руками *λόγια*, Матѳея, Марка и другія записи, составилъ свое евангеліе; но онъ не списывалъ съ указанныхъ источниковъ, а самостоятельно относился къ находившимся въ его распоряженіи матеріалу. Гипотеза Креднера тѣмъ болѣе м. б. названа комбинаціей всѣхъ предшествовавшихъ гипотезъ, что онъ придерживается также и гипотезы Гизелера; ибо первую основою писанныхъ евангелій онъ признаеть нѣчто похожее

¹⁾ De-evangelii Marci origine 1831.

на устное первоевангеліе, которое впрочемъ не имѣло нивакого опредѣленнаго характера и которому грозила опасность перейти въ сагу. Этимъ и данъ былъ поводъ къ письменной дѣятельности и так. обр. послѣ разрушенія Іерусалима возникли наши синоптики. Достоиню замѣчанія, что Бреднеръ всегда считаетъ Марка первымъ евангелистомъ. ¹⁾

Подобной эклектической точки зрѣнія придерживался Лахманъ; ²⁾ который первоисточникомъ евангелій также считалъ устное преданіе, включенное въ письменнѣ отдѣльными группами разсказовъ. По мнѣнію Лахмана, первоначально появилось пять отдѣльныхъ законченныхъ повѣствованій о еванг. событіяхъ, изъ коихъ первое своимъ средоточнымъ пунктомъ имѣло Крестителя, второе—выступленіе Христа на обществ. служеніе, третье—Его галилейскую дѣятельность, четвертое—дѣятельность позднѣйшую, пятое Его—смерть. Изъ этихъ отдѣльныхъ повѣствованій составилось одно писанное евангеліе которое скорѣе всего есть еванг. Марка. Евангеліе Матѳея есть комбинація, составленная изъ этого преданія и собранія изрѣченій ап. Матѳея.

Послѣ столь многочисленныхъ опытовъ обнаружилась со всею ясностію несостоятельность и шаткость критич. точки зрѣнія, которой придерживались ученые. Самыя смѣлыя и конечно произвольныя комбинаціи, отвлеченныя теоріи, невѣроятнѣйшія гипотезы появились въ огромномъ количествѣ; по все это не привело ни къ какому болѣе или менѣе удовлетворительному результату и вопросъ о возникновеніи и взаимномъ отношеніи синоптич. евангелій остался нерѣшеннымъ.

Новая эпоха въ рѣшеніи вопроса о взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій началась съ Штрауса, со времени появленія его теоріи миѳовъ. Правда самъ Штраусъ очень немногое сдѣлалъ относительно сказаннаго вопроса, такъ что

¹⁾ Das neue testament nach zweck ursprung und suhalt 1843, 11, s. 242.

²⁾ De ordine narrationum in evangelіis synopticis: studien und kritiken, 1835.

вполнѣ можно согласиться съ Гильгенфильдомъ который далъ о Штраусѣ между прочимъ слѣдующій отзывъ: Штраусъ не только не сказалъ ничего новаго о возникновеніи евангелій, но и ничего опредѣленнаго, такъ какъ онъ за исключеніемъ того положенія, что двойная зависимость Марка отъ Матѳея и Луки не подлежитъ сомнѣнію, органичивается лишь указаніемъ на ненадежность церковнаго преданія и признаетъ основой евангелій вообще устную традицію ¹⁾ Но „Leben Jesu“ Штрауса, произведши на современниковъ въ высшей степени тяжелое, потрясающее впечатлѣніе, вызвала цѣлую массу сочиненій, въ которыхъ вмѣстѣ съ разборомъ Штраусовской теоріи мѳовъ затрогивался и разрабатывался вопросъ о возникновеніи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій. Изъ противниковъ Штрауса особенное вниманіе на этотъ вопросъ обратили Вейссе и Вильке. Вейссе придавалъ ему очень серьезное значеніе въ своемъ сочиненіи „Die Evag. Geschichte, Kritisch und philosophisch oeshandelt.“ Въ этомъ сочиненіи, вмѣстѣ съ изложеніемъ исторіи Спасителя, Вейссе соединилъ подробную и обстоятельную критическую оцѣнку ея источниковъ. На основаніи этой оцѣнки Вейссе призналъ евангеліе Марка первоисточникомъ двухъ другихъ синоптическихъ евангелій. Евангеліе Матѳея, по Вейссе, есть не иное что, какъ переработка собранія рѣчей Спасителя и евангелія Марка ²⁾ Вообще о Вейссе нужно замѣтить, что онъ первый надлежащимъ образомъ разработалъ гипотезу, поставляющую Марка во главѣ синоптиковъ.

Что касается Вильке, то онъ сдѣлалъ дальнѣйшій рѣшитель-

¹⁾ Zeit schrift fur vrissenscha ftliche Theologie, 1861 s. 145.

²⁾ Въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ Вейссе отступилъ отъ своего взгляда на евангеліе отъ Марка въ Die Evg. „Geschichte. Въ сочиненіи Die Evangelien frage in ihrem gegensvartigen stadium,“ изданномъ въ 1856 г., онъ уже смотритъ на нынѣшнее 2-е каноническое евангеліе какъ на недостаточную форму (defecte Gestalt) первоначальнаго евангелія Марка, покрайней мѣрѣ со стороны добавленій.

ный шагъ впередъ по вопросу о синоптическихъ евангеліяхъ. Въ противоположность съ туманною неопредѣленностію ученія Штрауса о томъ состояніи общественнаго сознанія, при которомъ общество какъ бы инстинктивно слагаетъ миѳы, Вильке съ рѣшительностію выставилъ на видъ факты, свидѣтельствующіе о индивидуальной своеобразности каждаго изъ синоптиковъ. Трудъ Вильке—его сочиненіе: „Urevangelist, oder exegetisch Kritische untersuchung über das Verwandschaftsverhältniss der drei ersten Evangelien“—плодъ десятилѣтнихъ усидчивыхъ занятій—основанъ на наблюденіи, что евангелисты—синоптики по большей части до подробностей согласны между собою не только въ тѣхъ частяхъ повѣствованій, которыя составлены при помощи воспоминанія, но и въ тѣхъ, въ которыхъ замѣтны слѣды рефлексіи, и что разности ихъ между собою—не результатъ преданія, а слѣдствіе ихъ авторскихъ особенностей, ихъ рефлексій... Такъ какъ Вильке сопоставилъ вмѣстѣ множество тщательныхъ частныхъ изысканій относительно евангелій,—изысканій, неудовлетворившихъ его, то онъ снова обратилъ вниманіе на трудный вопросъ о взаимномъ отношеніи синоптиковъ. Прежде, чѣмъ приступить самому къ рѣшенію этого вопроса, Вильке предварительно обозрѣлъ относящіяся къ нему труды своихъ предшественниковъ. Замѣчательны слѣдующія слова Вильке, въ которыхъ онъ съ одной стороны даетъ общую характеристику сказанныхъ трудовъ, съ другой—опредѣляетъ свое отношеніе къ занимавшему его предмету: „каждому интересующемуся истиной, говоритъ Вильке, прискорбно видѣть извращеніе того отношенія, на изслѣдованіи котораго покоятся рѣшенія серьезнаго свойства, прискорбно замѣчать, что истина остается неоткрытою потому только, что не хотятъ видѣть дѣйствительно существующаго. Нельзя не примѣчать, какъ предметъ, который не можетъ быть узнанъ безъ всесторонняго и тщательнаго изслѣдованія, обсуждается только поверхностно, совершенно безъ всякаго стремленія узнать его дѣйствительно, и какъ тамъ, гдѣ стараются показать, что даютъ результаты серіозныхъ изысканій,—предлагаютъ любезнательнымъ положенія,

не основывающіяся на какихъ бы то ни было изысканіяхъ и однакоже съ убѣжденіемъ, какъ будто бы не можетъ уже быть ничего болѣе справедливаго и несомнѣннаго, или же дается завѣдомо-ложное. И тогда ощущается тайное недовольство и пробуждается достигающее степени страстности желаніе, чтобы истина выступила на видъ, а заблужденіе было вытѣснено.“ Но при всемъ желаніи найти истину, Вильке, какъ и слѣдовало ожидать, не нашелъ ея. Онъ пошелъ тѣмъ же ложнымъ путемъ, которымъ шли его предшественники и потому его продолжительныя изысканія привели его къ результату, къ которому не однажды приходили тѣ, противъ которыхъ онъ возставалъ. Отношеніе синоптич. евангелій—таковъ результатъ, къ которому пришелъ Вильке—можетъ найти свое объясненіе въ принятіи первоевангелія, которое должно искать между ими самими; а всего правильнѣе принять второе евангеліе за такую основу прочихъ евангелій, такъ какъ содержаніе этого евангелія, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, перешло въ евангеліе Матѳея и Луки. Так. образомъ, по Вильке, евангеліе Марка составляетъ корень и основу синоптич. текста.

Но въ то время, какъ нѣмецкіе ученые ратовали противъ миѳической теоріи Штрауса и разрабатывали гипотезу о первенствѣ Марка относительно другихъ синоптиковъ,—въ это же время и отчасти этими же самими учеными мало по малу подготавливалось поле для такъ назыв. тенденціозной критики. Такъ Вильке, хотя онъ пришелъ къ своему результату, говоря вообще, совершенно независимо отъ сужденій о содержаніи евангелій, утверждаетъ однакожъ съ одной стороны авторскую самостоятельность каждаго изъ синоптиковъ, съ другой, въ особенности, старается объяснить разности между ними ихъ намѣренностію, ихъ предвзятыми цѣлями. Разности въ евангеліяхъ для Вильке суть свидѣтельства о рефлексіи и тенденціи писателей. Даже первоевангеліе, по его взгляду, обуславливается гораздо менѣе историческою связью, нежели напередъ данными общими положеніями, примѣры для которыхъ евангелисты находилъ въ В. Зав. образцахъ. Равнымъ образомъ, по Вейссе,

тѣ миѣи, которые, по мнѣнію Штрауса носятъ характеръ безсознательности, во многихъ случаяхъ обращаются въ продукты сознательной символики и аллегорій. Но еще прежде Вейссе и Вильке уже Гусъ, такъ какъ, по его взгляду, первыя евангелія подверглись сознательной переработкѣ въ позднѣйшее время, и Гизелеръ, такъ какъ онъ говоритъ о Павлинистическомъ характерѣ евангелія Луки, тѣмъ самымъ предуготовили поле для такъ назыв. тенденціозной критики. За тѣмъ, прежде нежели тенденціозная критика нашла широкое приложеніе въ Тюбингенской школѣ, нѣкоторые ученые успѣли представить въ своихъ сочиненіяхъ всѣ возможныя послѣдствія Тюбинген. направленія. Такъ „саксонскій анонимъ“ старался доказать, что евангелисты всего менѣе были простодушными рыбаками, какими обыкновенно представляютъ ихъ; напротивъ въ ихъ писаніяхъ нѣтъ ни одного слова, даже самаго незначительнаго, которое было бы употреблено безъ сознательнаго намѣренія и безъ особой опредѣленной цѣли. Особенно онъ ратовалъ противъ Луки, который будто бы изложилъ преданіе въ интересахъ христіанъ Павлова направленія ¹⁾ По Бруно Бадеру ²⁾, „жизнь Иисуса“ Штрауса—ничтожная книга, ея достоинство равно нулю. Для Бруно не существуетъ всеобщаго, творящаго миѣи сознанія; напротивъ только отдѣльныя личности создаютъ миѣи; самознаніе первоевангелиста произвело все въ силу совершавшагося въ немъ діалектическаго процесса его религіознаго духа. Этотъ первоевангелистъ, по Бадеру, ни кто иной какъ Маркъ, который изъ первобытнаго христіанскаго самознанія почерпнулъ еванг. исторію и произвелъ въ христіанствѣ движеніе внезапно появившеюся книгою, которая содержитъ пластическое изображеніе противодѣйствія древнему подзаконному міру,—изображеніе, то же сказать, революція противъ него. Наши евангелія, по Бадеру, суть болѣе (Марка)

¹⁾ Die Evangelien, ihr Geist verfasser und ihr Uerhältniss zu einander, 1845 г.

²⁾ Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker, 1841, 1842.

или менѣе (Мѡ., Лука) удачныя варіаціи этого первобытнаго повѣствованія. Между тѣмъ въ Тюбингенѣ уже воспитывались даровитые ученые, которые вскорѣ сдѣлались горячими поборниками тенденціозной критики въ томъ убѣжденіи, что только при помощи этой критики возможно удовлетворительное рѣшеніе вопроса о возникновеніи и взаимномъ отношеніи синоптиковъ.

Бауръ первый рѣшился стать на историческую почву для уясненія отношеній синоптиковъ между собою. Если у Штрауса первымъ вопросомъ былъ вопросъ объ объективной реальности разсказаннаго, то Бауръ прежде всего занялся рѣшеніемъ слѣд. вопроса: какъ разсказанное относится къ сознанію разсказчика-писателя? Чего хотѣлъ и къ какой цѣли стремился составитель того или другаго евангелія? По мнѣнію Баура, особенный характеръ каждаго евангелія долженъ быть опредѣленъ на основаніи всего, что есть въ евангеліи специфическаго и индивидуальнаго, чисто субъективнаго, а этотъ характеръ въ свою очередь долженъ быть уясненъ изъ догматическихъ противоположностей первоначальнаго христіанства. Инициативу въ этомъ дѣлѣ онъ предоставилъ впрочемъ своимъ ученикамъ:

Швеглеръ первый открылъ дѣятельность Тюбинген. школы и началъ положеніемъ, что взаимное отношеніе синоптическихъ евангелій не можетъ быть вполне выяснено; но если возможно на этотъ вопросъ пролить какой нибудь свѣтъ, то не иначе, какъ чрезъ сопоставленіе синопт. евангелій съ тѣми отношеніями и противоположностями, въ которыхъ вращалась вся вообще древняя христіанская церковь. Въ тѣснѣйшей связи съ этими отношеніями и противоположными направленіями стоитъ вліяніе Петрова преданія на составленіе втораго евангелія, а вліяніе Павлова на составленіе третьяго; при ближайшемъ разсмотрѣніи Маркъ конечно является скорѣе сократителемъ евангелія Матѡея, Матѡей истиннымъ представителемъ іудействующаго христіанства. Евангеліе же послѣдняго стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ евангеліемъ Евреевъ. По Швеглеру, евангелія суть писанія съ тенденціей; они возникли изъ отрывочныхъ преданій, окрашенныхъ

въ тотъ или другой субъективный цвѣтъ ¹⁾). Слѣд. работая въ такомъ направленіи, Швеплеръ, который результаты своихъ занятій могъ обнародовать уже въ 1846 г., явился предшественникомъ Баура почти во всѣхъ главныхъ пунктахъ.

Въ своемъ главномъ, къ разсматриваемому вопросу относящемся, трудѣ ²⁾ Бауръ также призналъ Матѳея сравнительно древнѣйшимъ евангелистомъ, и его евангеліе достовѣрнѣйшимъ — конечно относительно — изложеніемъ исторіи Спасителя, такъ какъ оно содержитъ еще многія подлинныя рѣчи, напр. гл. 5—7. 13., и въ этихъ своихъ частяхъ опирается на преданіи апостольскомъ. Но если евангеліе Матѳея можно признавать основою прочихъ евангелій, то не должно однакоже забывать, что оно потерпѣло измѣненіе прежде нежели получило свою настоящую форму. — Такой взглядъ на евангеліе Матѳея объясняется тѣмъ, что къ главнымъ предпочтеніямъ Тюбингенской школы относится гипотеза традиціи (Traditions hypothese), въ силу которой содержаніе евангелій считается продуктомъ преданія, продуктомъ, способнымъ укладываться въ разнообразныя произвольныя формы, и потому главная задача тюбингенской критики состоитъ въ томъ, чтобы, на основаніи особенностей отдѣльныхъ записей преданія, опредѣлить тѣ противоположныя направленія той или другой партіи, которымъ эти записи обязаны своимъ происхожденіемъ. — Древнѣйшая запись есть *εὐδγγέλιον κατ' ἐβραίου* апостольскаго происхожденія, составленная на арамейскомъ языкѣ; запись, которая носила на себѣ слѣды Евѳонитскихъ воззрѣній и была извѣстна подъ именами то Матѳея, то Петра. Изъ этого оригинальнаго труда составились другія редакціи еванг. исторіи и между прочимъ наше греч. евангеліе Матѳея, на которое слѣдуетъ смотрѣть какъ на свободную переработку евангелія Евреевъ. Вторая за тѣмъ запись была запись Луки, отличная отъ теперешняго канонич. евангелія Луки. Это сомнѣніе, вполне проникнутое Павлинистическими

¹⁾ Nachapostolisches Zeitalter.

²⁾ Kritische Untersuchungen über die kanonischen evangelien 1847.

тенденціями. На основаніи этого перво-Луки и канонич. Матвеея возникло евангеліе Марка—извлеченіе, составленное въ интересѣ примиренія съ дѣлю сгладить крайности обоихъ источниковъ, изъ которыхъ было извлечено. Маркъ однако не прямо списываетъ; но онъ и не имѣетъ подъ руками новаго источника, не имѣетъ въ своемъ расположеніи своихъ собственныхъ матеріаловъ и развиваетъ нѣкоторыя отдѣльныя черты чисто теоретически.

Послѣ евангелія Марка появилось теперешнее канонич. евангеліе Луки, разнообразныя элементы котораго могутъ быть опредѣлены при помощи евангелія, перво-Луки, или Маркіонова. Особенности евангелія, считающіяся Павлинистическими, уже заключаются въ евангеліи перво-Луки.

Эта тенденціозная критика во многомъ согласилась съ гипотезою Грисбаха, потерявшею уже было значеніе, согласилась, имѣя въ виду то, что, съ признаніемъ самостоятельности за евангеліемъ Марка, обнаружилась бы ея полнѣйшая несостоятельность. Критика эта съ своими своеобразными положеніями нашла благосклонный пріемъ лишь въ средѣ послѣдователей Тюбингенской школы и ея начала, безъ особеннаго впрочемъ увлеченія, были развиваемы въ „Theologischen Sahrbucher, но рѣшительно опровергались учеными противоположнаго лагеря, каковы съ одной стороны Тиршъ, съ другой Генгетенбергъ. Тиршъ хотѣлъ поддержать всѣми оставленную теорію традиціи; для сего онъ воспользовался гипотезою Гизелера о устномъ преданіи и такъ назыв. гипотезою Марка, которую онъ считаетъ—твердымъ оплотомъ при защищеніи исторической достовѣрности Евангелія, хотя въ то же время надѣется отстоять подлинность греч. еванг. Матвеея. Что касается Генгетенберга, то онъ смотрѣлъ на евангелія, придерживаясь точки зрѣнія Гуга.

Дальнѣйшая стадія въ разработкѣ разсматриваемаго вопроса начинается въ 1849 г. съ появленіемъ ученыхъ трудовъ Эвальда. Тюбингенская критика,—такъ какъ она старалась

разрѣшить вопросъ о возникновеніи при помощи догматическаго анализа, — оставила почти безъ всякаго вниманія собственно критич. часть. Ею были оставлены въ сторонѣ филологическія изысканія и вообще всѣ тѣ, касающіяся формальной стороны, изслѣдованія, которыя должны предшествовать всякому выводу, опирающіяся на данныя, собственно-фактическихъ. Тенденція—вотъ что исключительно имѣлось въ виду и что отыскивалось въ самыхъ незначительныхъ подробностяхъ самыхъ незначительныхъ рассказовъ; исключеніе составлялъ одинъ только Целлеръ. Евальдъ, съ страстною энергіей возставшій противъ прежнихъ своихъ товарищей, видѣлъ въ подобныхъ приѣмахъ недостатокъ пониманія, „звѣрскую дикость несчастной Тюбингенской школы“, съ которою онъ чувствовалъ необходимость бороться. Евальдъ былъ убѣжденъ, что относительно занимавшаго его вопроса не существуетъ непреодолимыхъ трудностей. „Нѣтъ ничего сокровеннаго, чтобы не открылось, и нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не обнаружилось,“—съ такимъ лозунгомъ принялся Евальдъ за свою работу. Впрочемъ, такъ какъ вопросъ былъ рѣшаемъ уже нѣсколько разъ и разсматривался съ различныхъ сторонъ, то само собою понятно, что Евальдъ не могъ при его рѣшеніи пойти совершенно новымъ путемъ. Поэтому—хотя онъ и игнорируетъ своихъ предшественниковъ, однако-же возникновеніе новозавѣтной исторической литературы описываетъ также, какъ и Шлейермахеръ. Первоисточникомъ этой литературы онъ считаетъ преданіе, указываетъ на возникшую потребность увѣковѣчить драгоценныя воспоминанія, соединить во едино отрывочныя рассказы. Такъ, по его мнѣнію, сначала сгруппированы были рассказы о важнѣйшихъ событіяхъ, напр. о страданіяхъ Спасителя. Затѣмъ была сдѣлана попытка весь историческій матеріалъ соединить въ одно цѣлое, и, благодаря этой попыткѣ, возникъ первый источникъ евангельскихъ рассказовъ. Этотъ первый опытъ, принадлежащій ап. Филиппу, появился на еврейскомъ языкѣ; это было сравнительно небольшое сочиненіе безъ обширныхъ рѣчей, безъ

предварительной исторіи. Особенно ярко въ немъ выдавались моменты крещенія и преображенія. Этимъ первымъ сочиненіемъ пользовались многіе: Лука сдѣлалъ изъ него заимствованія, Маркъ внесъ его въ свое евангеліе почти цѣликомъ. Между тѣмъ въ то же время образовалось „собраніе изреченій Иисуса“, которыя были предварительно сгруппированы и систематически расположены, что видно и теперь въ нагорной рѣчи, въ притчахъ и т. д. Этотъ (будто-бы) замѣчательный и вполне законченный трудъ Евальдъ описываетъ очень подробно. Составитель его Матѳей, писавшій на еврейскомъ языкѣ; но уже Папій зналъ нѣсколько греч. его переводъ. Впрочемъ всѣ синоптики и особенно Матѳей пользовались только однимъ изъ этихъ переводовъ.—На основаніи двухъ этихъ сочиненій, впрочемъ безъ механическихъ заимствованій изъ нихъ, возникло третье сочиненіе—наше второе каноническое евангеліе, въ сужденіи о которомъ Евальдъ совершенно расходится съ учеными Тюбингенской школы. Евальдъ видитъ въ немъ особенную свѣжесть, живописность подробностей, содержаніе полное жизни. Маркъ, который заимствовалъ также нѣчто изъ устныхъ разсказовъ Петра, написалъ свое евангеліе въ Римѣ. Впрочемъ наше евангеліе Марка представляетъ не первоначальную редакцію: оно отчасти добавлено вставками (напр. 1, 2; 16, 9—20.), отчасти сокращено. Въ канонъ же оно внесено послѣ вторичной передѣлки, которой подверглось послѣ появленія евангелія Матѳея.—Впрочемъ, такъ какъ это сочиненіе, подобно двумъ первымъ опытамъ, представляетъ собраніе лишь внѣшнихъ фактовъ; то нужно было изобразить „высшіе моменты исторіи“, увѣковѣчить факты, въ которыхъ обнаружались внутреннія божественныя достоинства Христа. Правда (по словамъ Эвальда) и Маркъ представляетъ попытку въ этомъ родѣ, когда напр. онъ разсказываетъ о преображеніи, или о происшествіи во храмѣ; но цѣлый рядъ возвышенныхъ образовъ, представляющихъ божественную сторону исторіи, заключается въ четвертомъ евангеліи. Евальдъ однакожъ отличаетъ отъ этого чет-

перваго евангелія другой болѣе ранній четвертый источникъ, въ которомъ съ большею подробностію разсказана исторія искушенія и смерти Иисуса, Иерусалимъ названъ святымъ городомъ и т. д. Этимъ источникомъ пользовались особенно Матѳеей и Лука.—Пятымъ по порядку явилось каноническое наше евангеліе Матѳея, въ которомъ всѣ четыре источника, и особенно второй, переработаны въ духѣ тенденціозномъ. Составитель евангелія былъ христіанинъ изъ іудеевъ и писалъ для іудеевъ и іудействующихъ христіанъ.—Такъ какъ въ евангеліяхъ находятся слѣды поэтическаго изложенія исторіи (напр. пѣснь Дѣвы Маріи), то Евальдъ допустилъ существованіе еще трехъ новыхъ источниковъ, для объясненія глав. образ. особенностей евангелія Луки. — Въ заключеніе синоптической „письменности“ появился девятый источникъ—евангеліе Луки—большое сочиненіе, составленное на основаніи всѣхъ указанныхъ источниковъ, за исключеніемъ евангелія Матѳея.

Между тѣмъ появился новый рядъ комбинацій, причемъ главное вниманіе было обращено на евангеліе отъ Марка. Комбинаціи Баура нашли себѣ противниковъ внутри самой Тюбингенской школы. Гильгенфельдъ снова поставилъ Марка между Матѳеемъ и Лукою, основательно доказавъ его независимость отъ Луки и сдѣлалъ попытку глубже, чѣмъ это было прежде, выникнуть во внутренней характеръ Маркова евангелія ¹⁾. Исходною точкою для своихъ изслѣдованій Гильгенфельдъ взялъ не позднѣйшее четвертое евангеліе, а древнѣйшее первоначальное и старался доказать по преимуществу два положенія: 1). Апостольская основа перваго евангелія—сочиненіе, написанное въ строго-іудействующемъ духѣ, слабленномъ значительно въ нашемъ евангеліи отъ Матѳея,—должно быть признано источникомъ всѣхъ евангельскихъ повѣствованій: 2). Если еванг. исторія развивалась послѣдовательно, то слѣдуетъ признать Марка предшествовавшимъ Луцѣ, такъ какъ евангеліе Марка, на которомъ отразилось краткое вліяніе Петра, представляетъ собою соединеніе перваго

(¹). Das Marcus Evangelien 1850.

канонич. евангелія съ преданіемъ Римской церкви, евангеліе же Луки—переработку всѣхъ предшествовавшихъ источниковъ въ духѣ исключительно Павлинистическомъ. Так. обр. Гильгенфельдъ относительно втораго евангелія, которое онъ поставилъ внѣ зависимости отъ евангелія Луки и относительно третьяго, поставленнаго имъ внѣ зависимости отъ Маркіонова евангелія, совершенно разошелся съ Бауромъ; но онъ вполне согласенъ съ нимъ во взглядахъ на первое евангеліе, о которомъ онъ произноситъ сужденіе съ точки зрѣнія исключительно догматической.

Бауръ протестовалъ противъ опытовъ Евальда и Гильгенфельда и, придерживаясь гипотезы Грисбаха, издалъ особое сочиненіе „Das Marcusevangelium“, въ которомъ постарался доказать полную зависимость Марка отъ Матвея и Луки. Это сочиненіе и будетъ подлежать нашему разбору.—Въ заключеніе сдѣланнаго нами историческаго обзора взглядовъ протестантскихъ богослововъ на возникновеніе и взаимное отношеніе синоптич. евангелій до Баура включительно прибавимъ, что взгляды Баура и основанной имъ Тюбингенской школы недолго обращали на себя вниманіе въ ученomъ мѣрѣ. Со смертью основателя и представителя школы, она потеряла всякій вѣсъ и значеніе въ дѣлѣ науки. Но, съ отверженіемъ взглядовъ Тюбингенцевъ, протестантскіе ученые не кончили однако съ вопросомъ о возникновеніи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій. И по настоящее время они рѣшаютъ его, и по настоящее время они не выработали результатовъ, съ которыми бы возможно было всѣмъ единодушно согласиться.—Но возможно ли не придти къ заключенію о несостоятельности всѣхъ изложенныхъ нами взглядовъ, имѣя въ виду ихъ произвольность, безосновательность и—нерѣдко—странность, ихъ взаимное противорѣчіе, порицаніе и отрицаніе ихъ самими же протестантскими богословами, и—далѣе—возможно ли усумниться въ правильности такого заключенія? По нашему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію такое заключеніе вполне правильно какъ вообще относительно всѣхъ вы-

шеизложенныхъ взглядовъ, такъ и въ частности относительно взглядовъ Баура и между прочимъ его взгляда на евангеліе отъ Марка, изложеннаго въ сочиненіи „Das Markus evangelium“. Подробный разборъ названнаго сочиненія подтвердить, надѣемся, правильность нашего предварительнаго заключенія о его несостоятельности. Къ этому разбору мы и приступимъ теперь.

Слѣдую своему принципу рѣшать вопросы, касающіеся евангелій, ихъ происхожденія и характера на основаніи самихъ же евангелій, Бауръ подвергъ евангеліе Марка, съ цѣлью опредѣлить его происхожденіе и характеръ, самому подробному анализу. Разобравъ почти каждую главу Маркова евангелія, въ связи съ параллельными мѣстами двухъ другихъ синоптиковъ, онъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ относительно проанализированнаго имъ разсказа евангельскаго.

1) Евангеліе Марка не есть самостоятельное произведеніе самостоятельнаго писателя. Составитель его, руководствуясь цѣлію дать читателямъ объективно историческій разсказъ о событіяхъ евангельской исторіи, заимствовалъ все содержаніе своего разсказа, за весьма немногими незначительными исключеніями, у Матѳея и Луки, преимущественно же у перваго, причемъ онъ старался быть по возможности нейтральнымъ, избѣгать крайностей евангелія Матѳея, написаннаго въ духѣ иудействующихъ христіанъ, и евангелія Луки, проникнутаго универсальными идеями Павла ¹⁾.

2) Если писатель Маркова евангелія составилъ свой евангельскій разсказъ, пользуясь исключительно Матѳеемъ и Лукою; то само собою понятно, что онъ писалъ не подъ вліяніемъ и руководствомъ апостола Петра,—какъ обыкновенно думаютъ,—не пользовался его устною евангельскою проповѣдью, какъ единственнымъ и непосредственнымъ источникомъ для своего евангелія. Силу высказаннаго положенія не могутъ ослабить ни А.) свидѣтельства древнихъ, приводимыя обыкновенно въ

¹⁾ Markus evangelium 110. 143. 150.

подтвержденіе противоположнаго мнѣнія, т. е. въ подтвержденіе того, что Маркъ писалъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ ап. Петра, ни В.) внутренніе признаки, ясно будто бы указывающіе на участіе Петра въ составленіи Маркова повѣствованія. Ибо:

А) свидѣтельства древнихъ вообще, и въ частности главнѣйшее и древнѣйшее изъ нихъ свидѣтельство Папія, ни сколько не относятся къ евангелію Марка въ настоящемъ его видѣ.

Въ нашемъ второмъ каноническомъ евангеліи нѣтъ ничего, чтобы соотвѣтствовало сказанному Папіемъ и другими учителями церкви о происхожденіи и свойствахъ записей Марка, которыя были имъ извѣстны. И потому всякая новая попытка воспользоваться этими мнимыми свидѣтельствами о началѣ нашего Маркова евангелія только обнаруживала ихъ непригодность (Unbrauchbarkeit) для вопроса, который хотятъ, при помощи ихъ, разрѣшить ¹⁾.

В) Что же касается внутреннихъ признаковъ, указывающихъ будто бы на участіе Петра въ составленіи евангелія Марка, то подѣльныхъ признаковъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Если бы евангеліе Марка имѣло какое либо отношеніе къ Петру, то въ упоминаніяхъ о немъ оно не отстало бы крайней мѣрѣ отъ другихъ евангелій. Но оно вовсе не съ такою подробностію рассказываетъ о призваніи Петра, съ какою рассказано объ этомъ у Луки, не придаетъ такого значенія исповѣданію Петра, какое придано ему въ евангеліи Матоея и т. д., и т. д. Правда, въ евангеліи Марка то тамъ, то здѣсь встрѣчается нѣчто благоприятное для Петра: такъ Маркъ 6, 49 въ рассказѣ о хожденіи Иисуса по водамъ говоритъ, что только ученики испугались и закричали, и не упоминаетъ о маловѣрїи Петра, которое Матоей выставляетъ на видъ 14, 28—29. и т. д.; но все это не имѣетъ особеннаго значенія, поелику въ параллельныхъ мѣстахъ у Луки находится то же самое. На особен-

¹⁾ Markus evangelium 130. 131.

ную же любовь къ Петру во всемъ евангеліи нѣтъ ни малѣйшаго намека ¹⁾).

С) Что касается характера Маркова евангелія, то онъ опредѣляется отношеніемъ Марка къ прочимъ синоптикамъ. Характеръ его вообще эклектической, поелику Маркъ почти все содержаніе своего евангелія заимствуемъ то изъ Матоея, то изъ Луки и эклектизмъ свой простираетъ даже на слова. Вслѣдствіе этого построеніе его евангелія вообще отличается искусственностію; носить на себѣ ясныя слѣды рефлексіи. Кроме того частный характеръ Маркова евангелія состоитъ въ той особенной заботливости, съ какою Маркъ старается живописать и выставлять на видъ отдѣльныя мелкія черты и всему разсказу придать жизненность при помощи имъ самимъ измышленныхъ прибавленій ²⁾).

Таковы результаты, къ которымъ пришелъ Бауръ относительно евангелія Марка. Проверимъ эти результаты; и такъ какъ Бауръ пришелъ къ нимъ путемъ подробнаго анализа евангелія Марка, то прежде всего проверимъ этотъ анализъ, слѣдуя шагъ за шагомъ по стопамъ Баура.

І ГЛАВА.

(Содержаніе: проповѣдь 1. Крестителя 1—8; крещеніе І. Христа 9—10; пребываніе І. Хр. въ пустынь 12, 13; проповѣдь Его въ Галилеѣ 14, 15; призваніе первыхъ учениковъ 16—20; ученіе Спасителя и чудо, совершенное Имъ въ Капернаумской синагогѣ 21—27; исцѣленіе тещи Петровой и другихъ больныхъ и бѣсноватыхъ 29—34; удаленіе Спасителя изъ Капернаума въ пустынное мѣсто и отшествіе съ учениками на проповѣдь въ Галилею 35—39; исцѣленіе прокаженнаго 40—45.)

Бауръ, разбирая первую главу, сличаетъ ее главнымъ образомъ съ параллельными мѣстами евангелія Луки; ибо онъ преимущественно старается раскрыть доказательства зависимости

¹⁾ Markus evang. 133—135.

²⁾ Markus evang. 138. 150—152.

2-го каноническаго евангелія отъ 3-го, такъ какъ Гильгенфельдъ, противъ котораго направлено сочиненіе Баура „Das Markus evangelium...“ признавая зависимость Марка отъ Матѳея, вооружается противъ мнѣнія о его зависимости отъ Луки. — Разбирая 1-ю гл. евангелія отъ Марка, Бауръ доказываетъ зависимость Марка отъ Луки прежде всего тѣмъ, что Маркъ отстываетъ въ началѣ своего разсказа отъ Матѳея подобно Лукѣ. Какъ и Лука, онъ опускаетъ нагорную проповѣдь, какъ и Лука, начинаетъ повѣствованіе объ общественной дѣятельности І. Христа разсказомъ о происшествіи въ Капернаумской синагогѣ и, подобно Лукѣ, придаетъ этому происшествію особенно важное значеніе. Но такъ какъ это отступленіе отъ Матѳея можетъ быть удовлетворительно объяснено лишь общимъ характеромъ евангелія Луки, а никакъ не характеромъ Маркова евангелія: то отсюда, по Бауру, слѣдуетъ, что Маркъ отступилъ отъ Матѳея потому именно, что, при составленіи своего евангельскаго разсказа, находился въ зависимости отъ евангелія Луки. Вотъ подлинныя слова Баура: „подробный разсказъ Маркъ начинаетъ съ того времени, какъ Іисусъ вступаетъ на поприще своего общественнаго служенія. Какъ и Матѳея онъ прежде всего рассказываетъ о призваніи учениковъ Симона и Андрея, Іакова и Іоанна; но затѣмъ не переходитъ вмѣстѣ съ Матѳеемъ къ нагорной проповѣди, а описываетъ, какъ Лука, появленіе Іисуса въ Капернаумѣ, говорить о поученіи, произнесенномъ Имъ въ синагогѣ и о изгнаніи злаго духа изъ находившагося въ синагогѣ человѣка, что заставило обратить на Іисуса особенное вниманіе“..... „Такимъ образомъ главное значеніе придается Маркомъ и Лукою прежде всего вступленію Іисуса въ Капернаумъ. Если у Луки этому предшествуетъ событіе въ Назаретѣ, то Іисусъ вступаетъ, у него, въ Назаретъ для того только, чтобы быть отвергнутымъ своими соотечественниками и изъ Назарета вслѣдствіе этого придти въ Капернаумъ, какъ такое мѣсто, въ которомъ начало Его дѣятельности не осталось безъ послѣдствій. Не ученіе однако же Іисуса, предложенное имъ въ Капернаумской синагогѣ, дѣ-

лаеть особенно важнымъ Его вступленіе въ Капернаумъ, а чудо, совершенное Имъ, именно изгнаніе демона. Если же это дѣйствіе Иисуса и само по себѣ и какъ первое въ своемъ родѣ, замѣчательно въ высшей степени, если оно служить къ тому, чтобы выставить на видъ Иисуса во всемъ величїи Его личности и съ Его побѣждающаго демоновъ силою, какъ „святаго Божїя“, и если оба евангелиста впечатлѣніе, произведенное чудеснымъ дѣйствіемъ Иисусовымъ, описываютъ также, какъ Матѳей описываетъ впечатлѣніе, произведенное нагорною проповѣдію; то изъ этого можно заключить, что оба евангелиста вступленію Иисуса въ Капернаумъ придаютъ то же значеніе, какое Матѳей придаетъ нагорной проповѣди. Въ заключеніе нагорной проповѣди у Матѳея 7, 28, 29 говорится: ἐξεπλήρσσαντο οἱ ὄχλοι ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ· ἦν γὰρ διδάσκων αὐτοὺς ὡς ἐξουσίαν ἔχων, καὶ οὐχ ὡς οἱ γραμματεῖς; тоже самое только съ опущеніемъ слова οἱ ὄχλοι, говорится и у Марка 1, 22 и у Луки 4, 32 съ тѣмъ лишь различіемъ, что у послѣдняго во второй половинѣ предложенія поставлено ὅτι ἐν ἐξουσίᾳ ἦν ὁ λόγος αὐτοῦ. Эти слова у обоихъ евангелистовъ относятся къ ученію Иисуса въ (синагогѣ); но что они не ради только этого ученія вспоминаютъ о нагорной проповѣди и что главною ихъ цѣлію было противопоставить случившемуся на горѣ происшествіе въ Капернаумѣ, выдающаяся сторона котораго заключалась не въ ученіи, а въ изгнаніи демона,—то это видно изъ того, что они наиболѣе выставляютъ на видъ то впечатлѣніе, которое было произведено послѣднимъ чудеснымъ дѣйствіемъ Иисуса. Если ученіе произвело то дѣйствіе, что οἱ ὄχλοι ἐξεπλήρσσαντο ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ: то оба евангелиста при описаніи происшедшаго послѣ изгнанія демона, продолжаютъ, усиливая рѣчь: καὶ ἐγενετο θάμβος ἐπὶ πάντας, καὶ συνελάλην πρὸς ἀλλήλους λέγοντες, τίς ὁ λόγος οὗτος; ὅτι ἐν ἐξουσίᾳ καὶ δυνάμει ἐπιτάσσει τοὺς ἀκαθάρτους πνεύμασι, καὶ ἐξέρχονται, какъ это мы находимъ у Луки 4, 39 и почти тоже—4 Марка 1, 27. Таково различіе между обоими евангелистами и Матѳеемъ; но у кого же изъ нихъ ис-

кать теперь основанія для этого различія—у Марка или же у Луки? Основаніе можетъ быть найдено только тогда, когда различіе объяснится общимъ характеромъ котораго либо изъ двухъ евангелистовъ. Первое, что въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, — это связь, въ которой стоитъ съ универсализмомъ Павла власть Иисуса надъ демонами, власть выступающая на видъ въ евангеліи Луки съ особеннымъ значеніемъ. Если почву языческаго міра слѣдовало подготовить для христіанства, то прежде всего нужно было освободить ее отъ оскверняющаго вліянія демономъ. Съ каждымъ нечистымъ духомъ, котораго изгоняетъ Христосъ, была потрясаема сила всего демонскаго царства, и каждое дѣйствіе въ этомъ родѣ, есть наглядное доказательство силы Иисусовой, простирающейся на всю совокупность демоновъ, а также и на язычество, находившееся подъ ихъ властію. И вся дѣятельность Иисусова, начатая Имъ съ перваго появленія на поприщѣ общественнаго служенія характеризуется уже тѣмъ, что въ уста перваго, сраженнаго Иисусовою силою, демона влагаются слова, которыя онъ произноситъ отъ лица всѣхъ подобныхъ ему духовъ: ἦλθεσ ἀπολέσαι ἡμᾶς, Луки 4, 34. Затѣмъ—цѣль явленія Иисуса—именно уничтоженіе царства демоновъ, достигается также тѣмъ, что Онъ пріобрѣтаетъ возможность дѣйствовать на почвѣ языческаго міра. Съ тою же увѣренностію, съ какою демонъ признаетъ въ Иисусѣ ἄγιος τὸ Θεοῦ, онъ сознаетъ и этотъ результатъ Его дѣятельности, онъ хорошо знаетъ, что вмѣстѣ съ первымъ обнаруженіемъ власти Иисуса надъ демонами въ принципѣ уже уничтожено все ихъ царство. Послѣ этого могъ ли писатель, который предназначалъ свой евангельскій рассказъ главнымъ образомъ для языческаго міра, — могъ ли онъ не имѣть въ виду всего этого при повѣствованіи о происшествіи въ Капернаумѣ, могъ ли онъ также не признать, что происшествіе это составляетъ главный моментъ только что начавшейся общественной дѣятельности Иисуса? Уже на этомъ одномъ основаніи мы вправѣ побужденіе отступить отъ Матѳея приписать не Марку, но только Лукѣ, такъ какъ отступленіе

отъ Матѳея можетъ быть удовлетворительно объяснено только характеромъ евангелія Луки“. Высказавши эти соображенія и обративъ за тѣмъ вниманіе на то обстоятельство, что Маркъ вовсе опускаетъ нагорную проповѣдь, тогда какъ Лука помѣщаетъ ее въ своемъ евангеліи, хотя и въ не началѣ,—Бауръ продолжаетъ: — „Маркъ могъ имѣть другія основанія къ тому, чтобы не дать вовсе мѣста нагорной проповѣди; но могъ ли онъ—еслибъ ему не предшествовалъ Лука—прийти къ мысли не только пройти молчаніемъ нагорную проповѣдь, но и вмѣсто нея поставить именно то, что тамъ же находится у Луки, и помѣщеніе чего въ этомъ мѣстѣ можетъ быть объяснено лишь тою тенденціею, которою проникнуто евангеліе Луки. *)).

Приведенная выдержка достаточно на первый разъ знакомитъ съ отношеніемъ Баура къ дѣлу, съ тѣми приѣмами, которые употребляетъ онъ при объясненіи особенностей въ евангельскомъ разсказѣ Марка. Не трудно замѣтить, что приведенныя нами соображенія Баура клонятся вовсе не къ тому, чтобы объяснить несходство съ Матѳеемъ и сходство съ Лукою, встрѣчающіяся въ половинѣ первой главы евангелія Марка, но къ тому лишь, чтобы оправдать во чтобы то ни стало предвзятую мысль, найти для нея достаточныя основанія. Въ самомъ дѣлѣ необходимо ли обращаться къ универсализму (мнимому конечно) Павла, которымъ будто бы проникнуто 3-е каноническое евангеліе, необходимо ли допущеніе особой тенденціи въ этомъ евангеліи, допущеніе зависимости Марка отъ Луки для объясненія того, что Маркъ въ началѣ своего евангелія опустилъ нагорную проповѣдь и началъ свое повѣствованіе объ общественной дѣятельности Спасителя разсказомъ о происшествіи въ Капернаумѣ? Рѣшительно нѣтъ. Все это такъ просто и естественно, что не требуетъ для своего объясненія особыхъ усилій мысли, тѣхъ или другихъ гаданій и предположеній. — „Маркъ опускаетъ нагорную проповѣдь“.—Но самъ Бауръ замѣчаетъ, что Маркъ могъ опустить нагорную проповѣдь, имѣя для этаго свои особыя основанія. И дѣйствительно это опущеніе вполне удо-

*) Mtс. evg 5 5.—9.

влетворительно объясняется цѣлю, которую имѣлъ Маркъ при написаніи своего евангелія: именно тѣмъ, что онъ хотѣлъ изложить главнымъ образомъ факты изъ жизни Спасителя, составить исторію Его дѣятельности; вслѣдствіе этого фактичность составляетъ одну изъ отличительныхъ характеристикъ чертъ Маркова евангелія, съ чѣмъ согласны всѣ, и вслѣдствіе же этого мы въ немъ не находимъ не только нагорной проповѣди, но и прочихъ обширныхъ рѣчей и бесѣдъ Спасителя, съ которыми знакомятъ насъ другія евангелія. „Маркъ вмѣсто нагорной проповѣди помѣщаетъ рассказъ о происшествіи въ Капернаумской синагогѣ и этимъ начинается повѣствованіе объ общественной дѣятельности Спасителя, чего онъ не могъ бы сдѣлать, если бы ему не предшествовалъ въ томъ Лука“. Но развѣ одинъ Лука относить къ началу общественнаго служенія Спасителя Его дѣйствія въ Капернаумѣ? И Матвеемъ тотчасъ же за изложеніемъ нагорной проповѣди говоритъ о посѣщеніи І. Христомъ этого городъ 8, 5 хотя и не упоминаетъ о томъ, что произошло въ синагогѣ Капернаумской. Послѣ этого не естественнѣе ли утверждать, что дѣйствія Спасителя въ Капернаумѣ были на самомъ дѣлѣ одними изъ первыхъ по выступленіи Его на служеніе роду человѣческому и что Маркъ, рассказавши о нѣкоторыхъ изъ нихъ, сдѣлалъ это потому, что того требовало самое дѣло, а вовсе не потому, что онъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ Лукѣ. Маркъ, также какъ и Лука, придаетъ особенное значеніе изгнанію Іисусомъ демона изъ человѣка, находившагося въ синагогѣ, но только Лука могъ сдѣлать это намѣренно, въ силу тенденціи, которую онъ старался провести въ своемъ евангеліи“. Но изъ повѣствованій какъ Марка, такъ и Луки нисколько не видно, чтобы въ нихъ дано было особенное, главное значеніе событію въ Капернаумской синагогѣ. Какъ у Марка, такъ и у Луки непосредственно предъ описаніемъ этого событія говорится о ученіи Спасителя въ той же синагогѣ и осильномъ впечатлѣніи, произведенномъ Имъ на слушателей, чего конечно не было бы, если бы дѣйствительно Лука, и вслѣдъ за нимъ и Маркъ (первый по Бауру намѣренно, послѣдній

по зависимости отъ перваго) хотѣли прежде всего выставить на видъ Спасителя, какъ имѣющаго безграничную власть надъ демонами, и особенно еслибы они дѣйствительно хотѣли противопоставить случившемуся въ синагогѣ Капернаумской, происшедшему, по евангелію Матѳея, на горѣ. Правда, Бауръ замѣчаетъ, что какъ Лука, такъ и Маркъ выставляютъ болѣе на видъ не то впечатлѣніе, которое было произведено на присутствовавшихъ въ синагогѣ ученіемъ Спасителя, а то, которое испытали они по совершеніи Имъ чудеснаго дѣйствія. Это дѣйствительно такъ. Замѣтивши, что народъ дивился ученію Спасителя и приступилъ, послѣ разказа о изгнаніи демона, къ описанію впечатлѣнія, произведеннаго этимъ чудомъ на народъ, евангелисты говорятъ уже не объ удивленіи, но объ ужасѣ, объявшемъ свидѣтелей чудеснаго изгнанія демона, и передаютъ слова, которыя какъ бы невольно вырвались изъ устъ этихъ свидѣтелей, но могло ли быть иначе? Если ученіе Спасителя произвело сильное впечатлѣніе на іудеевъ, то тѣмъ болѣе должны были поразить ихъ и дѣйствительно привести въ ужасъ вопли нечистаго духа, терзанія, которымъ онъ подвергъ бѣсноватаго и особенно обнаруженіе всемогущей силы Спасителя, которой духъ безпрекословно повиновался, чего присутствовавшіе конечно не ожидали, думая видѣть въ Спасителѣ обыкновеннаго человѣка. Поэтому какъ Лука, такъ и Маркъ, если только они имѣли желаніе обстоятельно описать происшествіе въ Капернаумской синагогѣ, должны были, побуждаемые самымъ дѣломъ, сказать именно то, что и сказано ими о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на народъ чудодѣйственнымъ изгнаніемъ злаго духа, и уже, конечно, Лукѣ не было надобности водиться при этомъ какою либо особою тенденціею, а Марку пользоваться повѣствованіемъ Луки. И такъ гдѣ же право, гдѣ основаніе утверждать, что евангелистъ Маркъ, опустивъ въ началѣ своего евангельскаго повѣствованія нагорную проповѣдь и вмѣсто нея разказавъ о событіи въ Капернаумской синагогѣ, сдѣлалъ это вслѣдствіе своей зависимости отъ евангелія Луки?

Далѣе зависимость Марка отъ Луки Бауръ доказываетъ

сличеніемъ 32 и 36 стиховъ 4-й гл. Луки съ 22 и 27 стихами 1-й главы Марка. Не слѣдуетъ опускать изъ виду того, говоритъ Бауръ, что Лука послѣ словъ ἐξεπλήσσοντο ἐπὶ τῇ διδασχῇ αὐτοῦ 32 ст. продолжаетъ: ὅτι ἐν ἐξουσίᾳ ἦν ὁ λόγος αὐτοῦ и затѣмъ въ уста удивленныхъ изгнаніемъ бѣса влагаеть такую рѣчь: τίς ὁ λόγος οὗτος, ὅτι ἐν ἐξουσίᾳ καὶ δυνάμει ἐπιτάσσει и т. д. Выраженіе „λόγος“ ст. 36 конечно означаетъ не что иное, какъ слово обращенное къ нечистымъ духамъ и заставившее ихъ оказать безпрекословное повиновеніе Иисусу; и если теперь Лука, говоря (ст. 32) о ученіи Иисуса, употребилъ такое выраженіе „λόγος“, то очевидно, что онъ хотѣлъ обозначить однимъ и тѣмъ же выраженіемъ и учительскую дѣятельность Иисуса, и Его чудодѣйственную силу, обнаружившуюся въ изгнаніи демона, и обобщить какъ то, такъ и другое въ одномъ и томъ же понятіи Его вседѣйственного слова. Значеніе главнаго момента дѣйствія возрастаетъ, влияніе, произведенное личностію Иисуса, представляется неотразимымъ, какъ скоро и въ томъ и въ другомъ (и въ ученіи, и въ чудѣ, произведенномъ Иисусомъ) выступаетъ на видъ сила Его слова. У Марка напр. это мѣсто является вовсе не такимъ; оно носитъ у него характеръ слабаго, неяснаго отзвука. Тамъ, гдѣ Лука главный моментъ дѣйствія полагаетъ въ „λόγος“ Иисуса, Маркъ (27 ст.) говоритъ только о ученіи—διδασχῇ—Иисуса и думаетъ усилить его значеніе тѣмъ, что называетъ его новымъ. Но что жъ за смыслъ въ словахъ τίς ἡ διδασχῇ ἡ καινὴ αὐτοῦ; ὅτι и пр... толкователи не знаютъ, какъ понимать эти слова, и придаютъ имъ различное значеніе. Но всѣ объясненія ихъ неудовлетворительны. Относительно этого мѣста можно только сказать, что Маркъ, хотя при изложеніи обстоятельствъ и слѣдовалъ Лукѣ, однакожъ не могъ разгадать того, какъ смотрѣлъ Лука на эти обстоятельства и употребилъ слово διδασχῇ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблено оно у Матвея, хорошо не понимая, въ какомъ отношеніи стоитъ καινὴ διδασχῇ къ ἐπιτάσσει καθ' ἐξουσίαν..¹⁾...

¹⁾ Mrks evg, 3. 10.

— Т. е., по мнѣнію Баура зависимость Марка отъ Луки въ разсматриваемомъ мѣстѣ обнаруживается въ томъ, что 27 ст. 1-й гл. Марка является слабымъ подражаніемъ 36 ст. 4-й гл. Луки, и слабымъ потому, что Маркъ, очевидно, списывая у Луки, не понявъ, что хотѣлъ сказать послѣдній словомъ „λόγος“, употребленнымъ здѣсь уже во второй разъ; не понявши же, употребилъ вмѣсто λόγος-διδαχή, чрезъ что цѣлый стихъ получилъ какой-то неясный, неопредѣленный смыслъ. Но это совершенно несправедливо. Въ 1-хъ 27 ст. Марка никакъ нельзя назвать слабымъ подражаніемъ 36-го ст. Луки или, какъ выражается Бауръ, слабымъ, неяснымъ его отзвукомъ. Если мы сличимъ 32 и 36 ст. Луки, въ которыхъ говорится о впечатлѣніи, произведенномъ на народъ дѣйствіями Иисуса въ синагогѣ, съ 22 и 27 ст. 7. Марка, содержащими то же самое, то найдемъ, что какъ у Луки, такъ и у Марка дѣло представлено рѣшительно съ одинаковою опредѣленностію и ясностію. Въ стт. 32 Луки и 22 Марк. говорится, что всѣ дивились ученію Иисуса, хотя и неупоминается, чтобъ это удивленіе выразилось вонѣ какимъ либо дѣйствіемъ; вмѣстѣ съ этимъ указывается и причина удивленія; дивились,—ибо слово Его (λόγος) было со властію, замѣчаетъ Лука; дивились, ибо Онъ училъ, какъ власть имѣющій, замѣчаетъ Маркъ. Въ стт. 36 и 27 описывается впечатлѣніе, произведенное уже другимъ обнаруженіемъ власти и силы Иисуса—изгнаніемъ изъ бѣсноватаго демона. И въ 36 и 27 ст. говорится одинаково, что всѣ ужаснулись и на этотъ разъ обнаружили свой ужасъ возгласами. По свидѣтельству Луки 36 ст. народъ говорилъ: *Τίς ὁ λόγος οὗτος, ὅτι ἐν ἐξουσίᾳ καὶ δυνάμει ἐπιτάσσει τοὺς ἀκαθάρτους πνεύματα, καὶ ἐξέρχονται;* по Марку, онъ воскликнулъ: *τί ἐστι τούτο; τίς ἡ διδαχὴ ἡ καινὴ αὕτη, ὅτι καθ' ἐξουσίαν καὶ τοὺς πνεύματα τοὺς ἀκαθάρτους ἐπιτάσσει καὶ ὁπακνύσιν αὐτῶ;* различіе между Маркомъ и Лукою состоитъ здѣсь лишь въ томъ, что Лука въ 32 и 36 ст. употребляетъ реченіе „λόγος“, у Марка же его нѣтъ; далѣе въ томъ, что, по Марку, 27 ст. народъ высказываетъ свое удивленіе и по поводу ученія Иисусова, и по поводу изгнанія имъ де-

мона, по Лукѣ же, 36 ст. — удивляется только послѣднему обстоятельству. Но „λόγος“ Луки, употребленное имъ дважды, не придаетъ его рѣчи особаго смысла и особой выразительности, что могло бы дать Бауру основаніе поставить его рѣчь выше рѣчи Марковой. Употребляя рѣченіе „λόγος“, Лука выражаетъ то, что Иисусъ, при обнаруженіи своей силы и власти, ограничился лишь однимъ вселѣйственнымъ словомъ, непосредственно обращеннымъ къ тѣмъ, на которыхъ онъ хотѣлъ воздѣйствовать, не прибѣгая при этомъ къ какимъ либо другимъ дѣйствіямъ. Совершенно то же самое и одинаково вразумительно выражаетъ Маркъ, хотя и другими словами. Ибо выраженія: „Онъ училъ со властію, Онъ повелѣваетъ со властію нечистымъ духамъ“ не говорятъ ли ясно и опредѣленно о томъ, что орудіемъ обнаруженія силы Иисуса было лишь одно Его слово? Что-же касается того обстоятельства, что, по Марку, народъ выражаетъ свое удивленіе и по поводу ученія Иисуса, и по поводу изгнанія имъ демона, по Лукѣ же, народъ высказываетъ свое удивленіе только по поводу послѣдняго дѣйствія Иисуса: то это нисколько не говоритъ въ ущербъ разсказу Марка. Маркъ представляетъ дѣло такъ: внимая ученію Иисуса, народъ приходитъ въ удивленіе, но еще не выражаетъ своего удивленія вовнѣ, а продолжаетъ наблюдать за великимъ Учителемъ; но вотъ Учитель прерываетъ на нѣсколько мгновеній свою рѣчь и силою Своего слова совершаетъ чудо—изгоняетъ изъ бѣсноватаго демона, который безпрекословно повинуется Ему. Удивленіе народа возрастаетъ и переходитъ въ ужасъ; онъ уже не въ состояніи хранить молчанія и начинаетъ выражать восклицаніями впечатлѣнія, произведенныя на него, какъ изгнаніемъ бѣса, такъ и ученіемъ. Что это такое?—слышится въ народѣ—что это за новое ученіе? Что это за необычайная власть надъ нечистыми духами? Онъ повелѣваетъ ими, и они повинуются.—Нельзя не согласиться, что все это въ высшей степени естественно. По большей части бываетъ, что удивленные какою либо замѣчательною чертою въ представшемъ нашему вниманію предметѣ или лицѣ, мы усиливаемъ свое вниманіе и, молча, продолжаемъ слѣдить за поразившимъ насъ лицомъ или

предметомъ. Но чѣмъ болѣе встрѣчаемъ мы въ лицѣ или предметѣ поразительныхъ чертъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ наше удивленіе, такъ что мы наконецъ невольно начинаемъ выражать его или отрывочными восклицаніями, или быстрою, оживленною передачею другимъ своихъ ощущеній; причемъ одинакожь мы упоминаемъ не объ одной изъ поразившихъ насъ чертъ, послѣ всѣхъ обратившей на себя наше вниманіе; но обыкновенно разомъ перечисляемъ все, что удивило насъ и привело въ изумленіе. Это именно, какъ уже видѣли мы, и случилось, по повѣствованію Марка, съ народомъ, присутствовавшимъ въ Капернаумской синагогѣ и сначала слышавшимъ новое ученіе Спасителя, а затѣмъ увидѣвшимъ совершенное Имъ чудо.

Правда, по мнѣнію Баура, смыслъ словъ, заключающихся въ 27 ст. 1-й гл. Марк. можетъ быть только таковъ¹⁾: что это за новое ученіе, что Тотъ, Который выступаетъ съ нимъ, можетъ со властію повелѣвать нечистымъ духомъ; и велѣдствіе такого разумѣнія Бауръ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „въ 27 ст. недостаетъ связи. Отсутствие связи заключается здѣсь въ томъ, что *διδαχῆ* не можетъ быть сдѣлано, какъ *λόγος* у Луки, подлежащимъ, такъ сказать; послѣдующихъ словъ.“ Но для подобнаго разумѣнія нѣтъ достаточныхъ основаній.— Положимъ, что въ 27 ст. стоитъ *ὅτι*: послѣ словъ *διδαχῆ καὶ αὐτῆ*: тѣмъ не менѣе въ названномъ стихѣ нельзя не различить двухъ отдѣльныхъ восклицаній, относящихся къ двумъ различнымъ обнаруженіямъ дѣятельности Иисуса въ синагогѣ, и тѣмъ не менѣе изъ стиха 27 ясно видно, что народъ своимъ восклицаніемъ выразилъ свое удивленіе и ученію Иисуса Х. и чуду, Имъ совершенному. ¹⁾ Если же это такъ,

¹⁾ Meyer Comment. 1. Thls. 2 Abth: „Т: ἐστὶ τοῦτο; естественный вопросъ о случившемся, возбужденный удивленіемъ. Далѣе слѣдуетъ читать: *διδαχῆ καὶ αὐτῆ καὶ ἐξουσίᾳ καὶ τοῖς πνεύμασι τοῖς ἀκαθάρτοις.... αὐτῶ*! Народъ назвалъ то, что привело его въ изумленіе и что было для него непонятно; при этомъ онъ употребилъ не періодическую рѣчь, что очень естественно для людей, находившихся въ состояніи аф-

то—безсвязности въ 27 ст., о которой говоритъ Бауръ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. И такъ гдѣ же опять основаніе для тѣхъ соображеній, которыя высказалъ Бауръ по поводу 22 и 27 ст. 1-й главы Марка, съ цѣлю доказать зависимость этого евангелиста отъ Луки?

Первая глава Марка, по словамъ Баура, содержитъ въ себѣ еще доказательство зависимости Марка, и притомъ двойной, какъ отъ Луки, такъ и отъ Матѳея. Доказательство это, по Бауру, заключается въ недостатокъ связности и въ нѣкоторой колеблемости какъ бы между двумя различными источниками, чѣмъ отличается весь вообще рассказъ Марка, занимающій средину 1-й главы 15—39, такъ что если съ этимъ рассказомъ сравнить параллельный рассказъ Луки, то связность и единство послѣдняго невольно бросятся въ глаза. „Что только рассказъ Луки, — говоритъ Бауръ, — отличается въ этомъ мѣстѣ единствомъ и связностію—это можно видѣть изъ слѣдующаго различія между Маркомъ и Лукою, на которое доселѣ еще не было обращено вниманія. Маркъ, слѣдуя Матѳею, представляетъ Иисуса избравшимъ первыхъ своихъ учениковъ еще до выступленія на общественное служеніе 1, 16. Лука напротивъ говоритъ, что онъ избралъ ихъ послѣ 5, 1. Почему-жъ это? Не стоитъ ли это въ связи съ тѣмъ, что Лука прежде всего хотѣлъ выставить на видъ личность Иисуса во всемъ ея высококомъ значеніи? Это, по его мнѣнію, могло быть достигнуто въ томъ случаѣ, если онъ представитъ Иисуса производящимъ непосредственно впечатлѣніе. Поэтому Иисусъ, при выступленіи своемъ на общественное служеніе, является у Луки не столько учителемъ, сколько чудотворцемъ, властелиномъ нечистыхъ духовъ. Но Матѳея равнымъ обра-

фекта: новое ученіе съ силою! Онъ запрещаетъ и нечистымъ духамъ и т. д.! Народъ удивляется тому и другому, такъ какъ и то и другое отъ Иисуса (народъ удивляется не тому, что Иисусъ какъ учитель изгоняетъ также бѣсовъ, какъ думаетъ Фритцше, имѣя въ виду“ *ὅτι*). Пусть будетъ стоять здѣсь *ὅτι*; тѣмъ не менѣе отдѣльныя части восклицанія будутъ относиться къ двумъ различнымъ обнаруженіямъ дѣятельности Иисуса въ синагогѣ“.

зомъ и Маркъ, которые оба видятъ въ Иисусѣ учителя, не могутъ представить Его одного безъ учениковъ; вслѣдствіе этого Онъ, по ихъ взгляду, долженъ имѣть учениковъ уже при первомъ выступленіи на общественное служеніе и, какъ учитель, всегда находится вмѣстѣ съ ними; подобнымъ образомъ и Лука непосредственно предъ тѣмъ, какъ вложить въ уста Иисуса поученіе, соответствующее нагорной проповѣди, рассказываетъ о избраніи 12 учениковъ 6, 13 и т. д. Однакожъ, по разсказу Луки, Иисусъ безъ учениковъ исцѣляетъ, изгоняетъ бѣсовъ, возвѣщаетъ евангеліе. Поэтому въ началѣ его служенія при Немъ находятся лишь *οἱ ὄχλοι*, которые Лук. 4, 42, ищутъ Его въ пустынномъ мѣстѣ, куда Онъ удалился, между тѣмъ, по Марку—не *οἱ οὐλοῖ*, но Симонъ и бывшіе съ нимъ выходятъ, чтобы найти Иисуса и сказать Ему объ ожидавшемъ Его народѣ, и это очевидно потому только, что Маркъ, по примѣру Матѳея, при самомъ началѣ служенія Иисуса окружилъ его учениками, съ которыми впрочемъ, по указанію самаго Марка, Иисусъ въ первое время имѣлъ такъ мало общаго, что съ охотою оставлялъ ихъ. Не ясно-ли такъ обр., что и здѣсь это различіе имѣетъ свое основаніе въ методѣ Марка, который колеблется между Матѳеемъ и Лукою и комбинируетъ разсказы того и другаго ¹⁾.

И такъ разсказъ Марка 1, 15—39 отличается, по Бауру, безсвязностію и колеблемостію между двумя источниками, что обличаетъ зависимость Марка какъ отъ Луки, такъ и отъ Матѳея. Но какъ бы мы ни искали, мы не найдемъ этой безсвязности и колеблемости; ибо нѣкоторое сходство Маркова разсказа съ повѣствованіями Матѳея и Луки не даетъ никакого основанія приписать этому разсказу указанныхъ свойствъ. Самъ Бауръ не выставляетъ ихъ на видъ съ ясностію и опредѣленностію. И нужно замѣтить, что онъ не могъ этого сдѣлать. Если мы со вниманіемъ остановимся на разсматриваемомъ отдѣленіи; то увидимъ, что оно отличается и связностію и единствомъ, какъ и параллельное мѣсто у Луки, за которымъ—и

¹⁾ Mrks evg. s. 12.

притомъ за нимъ однимъ—Бауръ признаеть названныя качества. Маркъ въ отдѣленіи отъ 15 до 39 ст. изображаетъ І. Христа учителемъ, и Онъ дѣйствительно является здѣсь по преимуществу учителемъ, который за тѣмъ и пришелъ, чтобы проповѣдывать евангеліе царствія Божія. Содержаніе всего отдѣленія въ общихъ чертахъ таково: Иисусъ послѣ того, какъ былъ преданъ Іоаннъ, является въ Галилеѣ съ евангельскою проповѣдію; проповѣдуя, онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, сначала одинъ (14, 15 ст.), потомъ сопровождаемый тѣми лицами, которыя должны впослѣдствіи продолжить Его дѣло въ цѣломъ мірѣ (15—20). Проповѣдуя, Иисусъ посѣщаетъ синагоги и всенародно, во время молитвенныхъ собраній поучаетъ въ нихъ; въ то же время онъ врачуетъ одержимыхъ демонами и недужныхъ, соединяя так. образомъ съ дѣломъ проповѣди дѣло исцѣленія бѣсноватыхъ и больныхъ физически (21—28); но если Иисусъ, прекративъ на время ученіе, исцѣляетъ, то Онъ дѣлаеть это вслѣдствіе просьбъ и по чувству состраданія (29—34). И Онъ ни какъ не допускаеть того, чтобы исцѣленіе тѣлесныхъ недуговъ послужило препятствіемъ для Его проповѣди въ Галилеѣ. Если же онъ замѣчаетъ, что Его отвлекають отъ проповѣди, то, оставивъ все, обращается къ ней. Поэтому-то, когда Онъ рано утромъ, никѣмъ незамѣченный, удалился изъ Капернаума въ пустынное мѣсто и тамъ молился (35); и когда Петръ и бывшіе съ Нимъ, нашедъ Его, стали звать въ городъ, говоря, что народъ ожидаетъ Его,—Онъ далъ замѣтить звавшимъ, что главная цѣль Его не исцѣленіе недужныхъ въ одномъ мѣстѣ, а возвѣщеніе евангелія по всѣмъ селеніямъ и городамъ Галилеи. На призывъ искавшихъ Его учениковъ Иисусъ отвѣтилъ: пойдемъ въ ближнія селенія и города, чтобы Мнѣ и тамъ проповѣдывать; ибо Я для того пришелъ (38).—Гдѣ же тутъ недостатокъ единства и признаки колеблемости между двумя источниками? Правда, Бауръ говоритъ, что Маркъ упоминаеть объ апостолахъ лишь потому, что слѣдуетъ Матѳею, и что, по указанію самаго Марка, Иисусъ въ первое время Своей дѣятельности имѣлъ такъ мало общаго съ учениками, что съ охотою оставлялъ ихъ; но это

замѣчаніе Баура не только не на чемъ не основывается, но и прямо противорѣчитъ тому, что мы находимъ у Марка. Изъ разсказа Марка видно, что ученики Спасителя неотлучно находятся при Немъ со времени своего призванія, исполняя, конечно, въ этомъ случаѣ желаніе призвавшаго ихъ Учителя. По словамъ Марка, только что призванные ученики вмѣстѣ съ Иисусомъ входятъ въ Капернаумъ (21), вмѣстѣ съ Нимъ находятся въ синагогѣ и выходятъ изъ нея (29), вмѣстѣ приходятъ въ домъ, принадлежащій двумъ изъ нихъ—именно Симону и Андрею. Если же Маркъ говоритъ въ ст. 35, что Иисусъ, оставивъ учениковъ въ Капернаумѣ, одинъ рано утромъ удалился въ пустынное мѣсто для молитвы, и ученики, по требованію народа, должны были искать Его; то онъ говоритъ это единственно потому, что такъ дѣйствительно и было. Изъ евангельской исторіи мы знаемъ, что Спаситель любилъ во время Своего общественнаго служенія уединяться не только отъ народа, но и отъ учениковъ, причемъ, конечно, естественнѣе было ученикамъ, какъ людямъ къ Нему близкимъ, искать Его. Такимъ образомъ мнѣніе Баура, будто въ 1,15—39 можно подмѣтить вліяніе Луки и Матѳея на Марка, является послѣ сказаннаго совершенно произвольнымъ. ¹⁾

¹⁾ Наконецъ Бауръ, какъ на доказательство двойной зависимости Марка, указываетъ на то, что въ его евангелии опущенъ разсказъ о Капернаумскомъ сотникѣ, находящійся у Матѳея 8, 5 и дал. и у Луки 7, 1 и дал. Также и изъ того, что Маркъ проходитъ молчаніемъ разсказъ о Капернаумскомъ сотникѣ, видна его двойная зависимость. Онъ могъ бы помѣстить этотъ разсказъ или послѣ 28 или послѣ 39 ст. (почему жъ, спрашивается, онъ не могъ помѣстить его послѣ словъ: „и приходятъ въ Капернаумъ,“ заключающихся въ 21 ст. или послѣ стиха 34-го ?.) Но послѣ 28 ст. было неудобно, ибо тогда Иисусъ прямо изъ синагоги шелъ въ домъ Петра, а сотникъ, по Матѳею 8, 5, подошелъ къ Иисусу въ то время, когда Иисусъ не былъ еще въ Капернаумѣ, а только еще входилъ туда. Нельзя было дать ему мѣста и послѣ 39 ст., поелику тогда Иисусъ оставлялъ уже Капернаумъ, чтобы путешествовать по Га-

И такъ основанія, на которыя указываетъ Бауръ для того, чтобы доказать, что Маркъ въ самомъ началѣ написаннаго имъ евангельскаго разсказа зависѣлъ отъ Луки, не состоятельны, и то, на что указываетъ онъ въ 1-й главѣ ев. Марка, какъ на доказательство зависимости этого евангелиста отъ Луки, на самомъ дѣлѣ, какъ видѣли мы, нисколько не говоритъ о такой зависимости. Если мы обратимъ вниманіе на то, о чемъ не упомянулъ Бауръ при сличеніи 1-й гл. Марка съ параллельными мѣстами у Луки, то мы придемъ къ выводу совершенно несогласному съ выводомъ Баура—именно мы найдемъ, что Маркъ относительно Луки является вполне самостоятельнымъ. Достаточно остановиться на слѣдующемъ: Бауръ сличаетъ разсказы Марка, находящіеся въ 1-й гл. съ параллельными разсказами у Луки. Эти разсказы—нужно замѣтить—

лидеѣ, какъ объ этомъ согласно съ Лукою, 4, 43, послѣ разсказываетъ Маркъ. (Правда. Но если бы Бауръ сказалъ, что Маркъ могъ бы помѣстить разсказъ о Капернаумскомъ сотникѣ между 22 и 23 ст., то тогда къ его помѣщенію нашлось бы и еще болѣе неудобствъ). Къ этому могло присоединиться и собственное разсужденіе Марка (reflexion), что разсказъ, въ которомъ изреченіе Иисуса: „и въ Израилѣ не нашель я такой вѣрѣ“ Мѡ. 8, 10. предполагаетъ уже продолжительную Его дѣятельность, былъ бы не на мѣстѣ въ началѣ евангелія, когда едва лишь описано первое появленіе Иисуса на поприщѣ общественнаго служенія (да если бы Маркъ забылъ, что имъ только что сказано, 14 15 ст. о проповѣди Спасителя въ Галилеѣ и призваніи имъ народа къ покаянію и вѣрѣ въ евангеліе; то опъ можетъ б. и пришелъ бы къ такому, навязываемому ему Бауромъ, разсужденію). Посему Маркъ предпочель опустить разсказъ о сотникѣ, которому (разсказу) Лука даетъ мѣсто въ своемъ евангеліи позднѣе 7, 1, впрочемъ согласно съ Матѡеємъ, тотчасъ послѣ нагорной проповѣди“.... Но очевидно, что эти сообщенія Баура не требуютъ разбора; ихъ произвольность и бездоказательность даютъ себя замѣтить съ перваго взгляда. И не болѣе ли мы имѣемъ права и основаній видѣть въ отсутствіи разсказа о Капернаумскомъ сотникѣ въ евангеліи Марка доказательство независимости этого евангелиста отъ Матѡея и Луки.

помѣщены въ послѣдней половинѣ 4-й гл. его евангелія, а гл. 4-й у Луки предшествуютъ очень обширныя по объему главы, въ которыхъ повѣствуется объ обстоятельствахъ рожденія и дѣтства І. Христа, обстоятельно изложена проповѣдь Предтечи и пр. Если бы Маркъ былъ не болѣе, какъ компиляторъ, какимъ представляетъ его Бауръ, то онъ непременно воспользовался бы для своего разсказа содержаніемъ первыхъ трехъ главъ евангелія Луки, тѣмъ болѣе что въ изложеніи фактовъ, помѣщенныхъ въ нихъ, самъ Бауръ не указываетъ какихъ либо тенденціозныхъ оттѣнковъ, что, по его утверженію, служило для Марка главнымъ побужденіемъ опускать то или другое изъ источниковъ, которыми онъ пользовался. Притомъ факты эти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, имѣютъ прямое непосредственное отношеніе къ исторіи жизни Спасителя, изложеніе которой было задачею Марка. Между тѣмъ мы не находимъ у Марка того, что входитъ въ составъ первыхъ 3-хъ главъ 3-го каноническаго евангелія. А на этомъ основаніи мы вправѣ заключить, что Маркъ относительно Луки былъ совершенно самостоятеленъ, внѣ всякой зависимости отъ его евангелія писалъ свой евангельскій разсказъ. Впрочемъ Бауръ, закончивъ анализъ всего Маркова евангелія и исчисляя отдѣленія евангелія Луки и Матѳея, опущенныя Маркомъ, замѣчаетъ, что Маркъ прошелъ молчаніемъ первыя три главы евангелія Луки, руководствуясь художественнымъ тактомъ, стремленіемъ придать евангельской исторіи характеръ гармонически построеннаго цѣлаго, своими взглядами на исторію, какъ на нѣчто послѣдовательное, долженствующее быть непрерывнымъ цѣлымъ. „Основаніе того, почему Маркъ опустилъ исторію рожденія и дѣтства Іисуса, весьма естественно искать—такъ между прочимъ говоритъ Бауръ,—въ понятіяхъ Марка о исторической послѣдовательности и непрерывности. Въ самомъ дѣлѣ—еслибы Маркъ, по примѣру Матѳея и Луки, разсказалъ о рожденіи и дѣтствѣ Іисуса, то какой бы большой пробѣлъ оказался между этимъ разсказомъ и разсказомъ о началѣ общественной дѣятельности Іисуса? Поэтому Марку казалось несравненно лучшимъ начать евангельскую исторію

такъ, чтобы нарушеніе историч. связи не имѣло мѣста—и онъ началъ разсказомъ о Крестителѣ.“¹⁾ Но такое объясненіе не можетъ имѣть никакой цѣны. Прежде всего оно не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній, и самъ Бауръ не выставляетъ ихъ. Но если бы и были основанія согласиться съ Бауромъ и допустить, что Маркъ имѣлъ желаніе сдѣлать свой разсказъ художественнымъ по внѣшней формѣ,—тѣмъ не менѣе необходимо же признать, что главною его цѣлю было—составить достовѣрную исторію жизни Иисуса, причемъ, конечно интессы эстетическіе должны были стоять у него на второмъ планѣ и соблюденіе гармоніи въ сочиненіи составлять для него второстепенную цѣль. Но никакой писатель не рѣшится пожертвовать главною цѣлю для второстепенной, и особенно, при изложеніи дѣйствительной исторіи пожертвовать фактами, изъ желанія удовлетворить эстетическимъ требованіямъ.

То, что Маркъ въ 1-й главѣ своего евангельскаго разсказа выполнѣ самостоятеленъ относительно Луки, можно видѣть также изъ первыхъ стиховъ (1—13) этой главы, составляющихъ характеристическое своеобразное вступленіе къ повѣствованію объ общественной дѣятельности Иисуса Христа, замѣчательное по краткости и живости изложенія, въ частности изъ стиха 13-го содержащаго въ себѣ лишь краткое упоминаніе о сорока-дневномъ пребываніи І. Христа въ пустынѣ послѣ крещенія и о искушеніи Его сатаною, что у Луки составляетъ предметъ очень подробнаго разсказа 4, 1—13.

Но кромѣ указанныхъ нами значительныхъ особенностей въ 1-й гл. Маркова евангелія встрѣчаются и еще особенности хотя и менѣе значительныя, но характеристическія, принадлежащія исключительно Марку и потому также дающія право заключать о его самостоятельности относительно двухъ другихъ синоптиковъ. Это—указанія на нѣкоторыя частныя второстепенныя обстоятельства, стоящія въ связи съ главными событіями, описываемыми евангелистомъ. Такъ одинъ Маркъ говоритъ, что Іаковъ и Іоаннъ, призванные Спасителемъ, оставля-

¹⁾ Markus evangelium 138 и выше 137.

ють отца своего Зеведея въ лодкѣ не одного, но съ работниками 20 ст., что, по выходѣ изъ синагоги, Спаситель пошелъ въ домъ двухъ своихъ учениковъ Симона и Андрея и что туда вошли также Іаковъ и Іоаннъ 29 ст.; что вечеромъ къ дверямъ дома собрался весь городъ, 33 ст. Далѣе также одинъ только Маркъ замѣчаетъ ст. 40—45, что І. Христосъ по милосердію своему простеръ руку и коснулся прокаженнаго, затѣмъ, посмотрѣвъ на него строго, тотчасъ же отослалъ его; что исцѣленный, несмотря на запрещеніе говорить о томъ, что съ нимъ было, началъ провозглашать и рассказывать о происшедшемъ. Въ заключеніе своего анализа 1-й гл. Марка Бауръ упоминаетъ объ указанныхъ особенностяхъ, но не останавливается на нихъ, а лишь, по поводу ихъ, замѣчаетъ слѣдующее: „приговоръ о исторической достовѣрности этихъ особенностей стоитъ въ связи съ результатомъ всего изслѣдованія. Если относительно Марка должно обнаружиться, что чѣмъ точнѣе сличаютъ его съ его руководителями, тѣмъ зависимѣе и несамостоятельнѣе является онъ; то точно также тѣмъ менѣе возможно будетъ придать особенное значеніе тѣмъ чертамъ, при разсмотрѣніи которыхъ очень часто становится очевиднымъ, что онѣ не болѣе, какъ результатъ рефлексіи, дающей замѣтить себя въ цѣломъ разсказѣ, и что онѣ составляютъ лишь особенность Марка, какъ писателя.“ Посмотримъ же что обнаружитъ дальнѣйшее изслѣдованіе Баура и нашъ разборъ его изслѣдованія.

Н. Елеонскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ЕВАНГЕЛІИ ОТЪ МАРКА.

Разборъ мнѣнія Ф. Х. Баура о происхожденіи и характерѣ Евангелія отъ Марка. *)

Мрк. 2, 1—3, 1—6.

Содержаніе: исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ 2, 3—12; призваніе Левія 2, 14—17; разговоръ о постѣ 2, 18—22; рассказъ о срываніи учениками колосьевъ 2, 23—28; исцѣленіе чловѣка, имѣвшаго иссохшую руку 3, 1—6.

Рассказы, заключающіеся во 2, 1—28; 3, 1—6, мы находимъ и у остальныхъ синоптиковъ. Различіе только въ томъ, что у Марка эти рассказы расположены въ такомъ же порядкѣ, какъ у Луки; между тѣмъ какъ у Матѳея послѣдніе рассказы помѣщены позднѣе. Между ними и первыми двумя рассказами, включая сюда также разговоръ о постѣ, Матѳеѣй помѣстилъ нѣсколько другихъ повѣствованій.—Сличая разсматриваемое отдѣленіе Евангелія Марка съ параллельнымъ отдѣленіемъ Евангелія Луки, мы въ нихъ не находимъ ничего, чтобы свидѣтельствовало о зависимости перваго евангелиста отъ втораго. Въ этихъ отдѣленіяхъ, при общемъ сходствѣ, нѣтъ такихъ, рѣзко выдающихся, пунктовъ, которые говорили бы о меньшей самостоятельности Марка сравнительно съ Лукой. Бауръ однакоже находитъ въ нихъ данныя, которыя будто бы служатъ подтвержденіемъ защищаемаго имъ положенія о зависимости 2-го каноническаго Евангелія отъ 3-го. „Если Маркъ и Лука, говоритъ Бауръ, идутъ здѣсь рука объ руку, то нельзя сказать, чтобъ отступленіе того и другаго отъ Матѳея мог-

*) Продолженіе. Кн. Ш. 1879 года.

ло быть удовлетворительно объяснено только изъ намѣреній и цѣлей Марка. Если Маркъ съ точностію обозначаетъ мѣсто дѣйствій Иисуса, то это не даетъ разсказу Марка особеннаго преимущества. По Марку 2, 1, Иисусъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, опять возвращается въ Капернаумъ, между тѣмъ какъ Лука не опредѣляетъ мѣста дѣятельности Иисуса 5, 15 и т. д. и только не посредственно передъ разсказомъ, заключающимся 12—14 ст. замѣчаетъ, что Иисусъ былъ въ одномъ изъ городовъ 5, 12. Но есть ли сообразность въ томъ, что по Марку 2, 1 Иисусъ снова возвращается въ Капернаумъ, тогда какъ по тому же Марку 1, 38 и Лукъ 4, 43 Иисусъ говоритъ, что Онъ на то и посланъ, чтобы обойти и прочіе города и возвѣстить въ нихъ Евангеліе царствія Божія. Маркъ еще усиливаетъ замѣчаніе Луки, когда говоритъ о Иисусѣ *ἦν κηρύσσων εἰς τὰς συναγωγάς αὐτῶν εἰς ὅλην τὴν Γαλιλαίαν*. Какимъ же образомъ Иисусъ, исцѣливъ только прокаженнаго, по выходѣ изъ Капернаума, снова появляется въ этомъ городѣ, между тѣмъ, какъ Онъ хотѣлъ обойти всю Галилею? Лука поэтому не безъ намѣренія пигдѣ 5, 1. 6, 11. не называетъ Капернаума по имени и если вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ, во взглядѣ на описываемую имъ здѣсь дѣятельность Иисуса твердо придерживается прежде установленной точки зрѣнія: то недостатокъ этого у Марка (*Gegentheil bei Markus*)—(т. е. недостатокъ того или другаго опредѣленнаго взгляда, который бы клалъ извѣстный отгѣнокъ на его повѣствованіе) можетъ быть объясненъ лишь зависимостью Марка отъ Луки. И если Лука 6, 11 не говоритъ, подобно Марку, что фарисеи въ то уже время держали формальный совѣтъ съ Иродіанами (о убіеніи Иисуса), а замѣчаетъ только, что они разсуждали между собою о томъ, какія мѣры предпринять имъ противъ Иисуса, то это замѣчаніе должно быть признано вполнѣ соответствующимъ тому раннему времени, въ которое едва только началась дѣятельность Иисуса и въ которое вражда фарисеевъ впервые лишь обнаружилась¹⁾....

¹⁾ Mrks. cog. s. 16. 17.

Такимъ образомъ не находя прямыхъ положительныхъ доказательствъ своего взгляда, Бауръ прибѣгаетъ здѣсь къ доказательствамъ косвеннымъ — старается представить рассказъ Марка менѣе совершеннымъ, нежели рассказъ Луки, найти въ немъ нѣкоторыя несообразности, отсутствіе опредѣленнаго взгляда на событія и изъ всего этого вывести заключеніе о зависимости Марка отъ Луки.

Прежде всего Бауръ находилъ у Марка несообразность въ точномъ обозначеніи мѣстъ, въ которыхъ дѣйствовалъ Христосъ и глав. образ. въ указаніи на Капернаумъ, какъ на мѣсто исцѣленія разслабленнаго. По мнѣнію Баура, Маркъ, говоря въ I ст. 2-й гл. о возвращеніи Іисуса въ Капернаумъ чрезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ этого города, какъ бы забываетъ, что Іисусъ выразилъ желаніе обойти всю Галилею съ проповѣдію Евангельскою, для чего, конечно, требовалось много времени, а не нѣсколько дней. Вслѣдствіе этого у Марка является несообразность, нѣкоторое противорѣчіе. Но никакой несообразности, никакого противорѣчія у Марка здѣсь нѣтъ. Ибо во I-хъ Маркъ во все не дѣлаетъ указанія на то, что Іисусъ возвратился въ Капернаумъ по выходѣ изъ него спустя очень немного времени. „*Δι ἡμερῶν*“, употребленное Маркомъ въ I ст. 2 гл. при упоминаніи о возвращеніи Іисуса въ названный городъ, никакимъ образомъ не обозначаетъ короткаго незначительнаго промежутка времени. Выраженіе это неопредѣленное; изъ него можно видѣть только то, что прошло извѣстное количество времени между первымъ и вторымъ посѣщеніемъ Капернаума Іисусомъ; но каково было это количество времени—значительно или незначительно „*δι ἡμερῶν*“ не указываетъ. Неопредѣленность этого выраженія прекрасно передана въ славянскомъ переводѣ словами: „по днѣхъ.“ За тѣмъ, если выраженіе *δι ἡμερῶν* само по себѣ не говоритъ ничего опредѣленнаго, то изъ контекста рѣчи можно видѣть, что Евангелистъ Маркъ, употребляя такой оборотъ рѣчи, хотѣлъ обозначить имъ скорѣе значительный періодъ времени, нежели короткій его промежутокъ. Такъ приведши въ 38 ст. 1-й гл.

слова Спасителя, обращенныя къ Петру: „пойдемъ въ ближнія селенія и города, чтобы Мы и тамъ проповѣдывать; ибо Я для того пришелъ“, — Маркъ продолжаетъ: и Онъ проповѣдывалъ въ синагогахъ ихъ по всей Галилеѣ и изгонялъ бѣсовъ (зн. совершилъ по выходѣ изъ Капернаума много чудесъ, а не одно, какъ безъ всякаго рѣшительно основанія замѣчаетъ Бауръ). За тѣмъ, рассказавши объ исцѣленіи прокаженнаго, Маркъ замѣчаетъ, что Иисусъ, по совершеніи этого чуда, находился въ мѣстахъ пустынныхъ и что туда къ Нему приходили отовсюду. Но для путешествія по всей Галилеѣ съ Евангельскою проповѣдію, для проповѣданія за тѣмъ народу въ пустынныхъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, употреблено было очень не мало времени и Маркъ, послѣ упоминанія обо всемъ этомъ, поставивши выраженіе δι' ἡμερῶν, хотѣлъ, конечно, обозначить имъ весь тотъ періодъ времени, который обнималъ собою всю указанную дѣятельность Иисуса, слѣд. періодъ очень значительный. — Во 2-хъ, если бы даже выраженіе δι' ἡμερῶν у Марка обозначало дѣйствительно очень краткій промежутокъ времени, то и тогда бы мы не въ правѣ были упрекнуть рассказъ его въ несообразности и противорѣчіи. Извѣстно, что Галилея была весьма незначительною по пространству областью весьма небольшой страны Палестины; а потому очень было возможно Спасителю и Его ученикамъ въ короткое сравнительно время обойти съ проповѣдью большую часть селеній и городовъ Галилейскихъ и снова возвратиться въ Капернаумъ, изъ котораго начато было путешествіе. Притомъ же рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній полагать, что δι' ἡμερῶν обозначаетъ именно то время, которое протекло со дня изшествія Спасителя изъ Капернаума для проповѣди въ Галилейскихъ селеніяхъ и до возвращенія Его въ тотъ же городъ. Непосредственно предъ тѣмъ, какъ упомянуть о возвращеніи Христа, Маркъ рассказываетъ о замѣчательномъ чудѣ, совершенномъ Спасителемъ — именно о исцѣленіи прокаженнаго. Вслѣдствіе этого всего естественнѣе предположить, что δι' ἡμερῶν означаетъ лишь время,

которое прошло до возвращенія Господа въ Капернаумъ со времени послѣдняго чуда, Имъ совершеннаго.

Далѣе какъ на доказательство зависимости Марка отъ Луки въ разсматриваемомъ нами отдѣленіи, Бауръ указываетъ на то, что Лука въ своемъ отдѣленіи, паралельномъ Маркову, остается вѣрнымъ будто бы той точкѣ зрѣнія, которая была установлена имъ прежде на дѣятельность Иисуса, между тѣмъ у Марка здѣсь ничего подобнаго не находится, причемъ однакожь онъ вполне согласенъ съ Лукою. Но въ отвѣтъ на это замѣчаніе достаточно сказать, что какъ въ предшествующемъ отдѣленіи (1-я гл.), такъ и въ разсматриваемомъ, Маркъ изображаетъ Спасителя главнымъ образомъ, какъ учителя; и Онъ является предъ нами дѣйствительно какъ учитель, а не какъ чудотворецъ, не смотря на многія, творимыя Имъ чудеса. Такъ Спаситель Капернаумскимъ жителямъ, собравшимся около дома, въ которомъ Онъ находился, говоритъ слово (2, 2); народу, пришедшему за Нимъ на берегъ моря, преподаетъ поученіе (2, 13.); при исцѣленіи разслабленнаго объясняетъ фарисеямъ то, какою властію Онъ облеченъ (10. 11); въ домѣ мытаря Левія указываетъ на цѣль Своего пришествія и вмѣстѣ выясняетъ Свой отношенія къ грѣшникамъ (—17) и т. д. Все это ставитъ разсматриваемое отдѣленіе въ тѣсную, органическую связь съ отдѣленіемъ предшествующимъ и налагаетъ какъ на то, такъ и на другое одинъ общій и притомъ опредѣленный оттѣнокъ, что съ достаточною ясностію и несомнѣнностію говоритъ объ авторѣ разсматриваемаго нами отдѣленія какъ о писателѣ, который далеко не былъ компиляторомъ, помѣщавшимъ въ своемъ рассказѣ только то, что давали ему другіе самостоятельные писатели.

Наконецъ Бауръ, какъ мы видѣли, находигъ болѣе естественности у Луки, который, рассказавъ о исцѣленіи сухорукаго, замѣчаетъ, что „фарисеи пришли въ бѣшенство и говорили между собою, чтобы имъ сдѣлать съ Иисусомъ,“ и считаетъ менѣе естественнымъ Марка, послѣ того же самаго разсказа замѣтившаго, что фарисеи, вышедши, немедленно соста-

вили съ иродіанами совѣтъ противъ Иисуса какъ бы погубить Его (3, 6.). Отсутствие у Марка естественности, по мнѣнію Баура, обнаруживается въ томъ, что формальнаго совѣщанія между фарисеями и иродіанами, о которомъ говоритъ Маркъ, не могло быть въ раннее время, когда дѣятельность Иисуса только что начиналась и когда вражда къ Нему фарисеевъ могла въ первые лишь обнаружиться. Фарисеи, раздраженные первыми дѣйствіями Иисуса, при первомъ разсужденіи между собою объ этихъ дѣйствіяхъ могли только возбудить вопросъ: чтожь дѣлать имъ съ человекомъ, поступающимъ такимъ образомъ? т. е. дѣло могло произойти только такъ, какъ передаетъ Лука. И слова Марка: *καὶ ἐξεληθόντες οἱ φαρισαῖοι, εὐθέως μετὰ τῶν ἡρωδιανῶν συμβήλιον ἐποίησαν κατ' αὐτῶν, ὅπως αὐτὸν ἀπολέσωσι* 3, 6 — суть не болѣе, какъ указаніе на то, что имѣло случиться лишь въ отдаленномъ будущемъ.

Но во 1-хъ никакъ нельзя сказать, чтобы дѣятельность Иисуса только что началась въ то время, когда, по свидѣтельству Марка, фарисеи держали съ иродіанами совѣтъ о томъ, какъ бы имъ погубить Иисуса. Напротивъ до того случая, который подалъ поводъ къ этому совѣщанію, Спаситель сдѣлалъ уже многое и обнаружилъ Себя великимъ предъ всѣми людьми какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Онъ дважды прошелъ по Галилеѣ, проповѣдуя Евангеліе царствія Божія въ галилейскихъ синагогахъ сначала одинъ (1, 14.), потомъ въ сопровожденіи избранныхъ Имъ учениковъ (1, 39.); и во время этихъ путешествій съ проповѣдью Онъ, при всякомъ представившемся случаѣ, чудодѣйствовалъ—изгонялъ бѣсовъ (1, 25, 39. 34.), исцѣлялъ многихъ страдавшихъ различными болѣзнями (Г, —34, 31, 40—42), такъ что молва о Немъ, какъ о великомъ учителѣ и чудотворцѣ, разошлась по всей окрестности въ Галилеѣ (1, 28.), вслѣдствіе чего народъ всюду слѣдовалъ за Нимъ, гдѣ бы Онъ ни находился — въ городѣ ли, въ мѣстахъ ли пустынныхъ. Если же такъ, то фарисеи и прежде могли слышать о Немъ отъ другихъ, видѣть и слышать Его

сами, раздражаться Его дѣйствіями и словами и думать о томъ, какъ бы воспрепятствовать Ему распространять Свое вліяніе на массы народа. Поэтому нѣтъ ничего несообразнаго и неестественнаго въ томъ, что фарисеи, послѣ исцѣленія сухорукаго Спасителемъ, въ день субботній держали, по словамъ Марка, формальное совѣщаніе съ иродіанами о томъ, какъ бы погубить Иисуса. Предшествующей дѣятельности Спасителя вполне достаточно для того, чтобы привести дорожившихъ своимъ вліяніемъ фарисеевъ къ рѣшимости вступить въ соглашеніе съ иродіанами и вмѣстѣ съ ними обсудить мѣры, при посредствѣ которыхъ можно бы было погубить человѣка, сдѣлавшагося для нихъ ненавистнымъ.

Во 2-хъ если даже допустить, что дѣятельность Спасителя дѣйствительно едва только началась, какъ замѣчаетъ Бауръ, и исцѣленіе въ день субботній было однимъ изъ первыхъ чудесныхъ Его дѣйствій, то и въ такомъ случаѣ никакъ нельзя найти что либо несообразное и неестественное въ упоминаніи Марка о формальномъ совѣщаніи фарисеевъ съ иродіанами, какъ бы погубить имъ Иисуса,—совѣщаніи, которое они имѣли тотчасъ же, по совершеніи чуда надъ сухорукимъ. Какъ исцѣленіе сухорукаго, такъ и вся непосредственно этому исцѣленію предшествовавшая дѣятельность Спасителя даютъ видѣть, что Спаситель съ первыхъ минутъ Своего общественнаго служенія началъ поступать совершенно вопреки ученію, взглядамъ и понятіямъ фарисеевъ (Мрк. 2, 7. 16. 18. 24) и при всемъ томъ тотчасъ пріобрѣлъ великое вліяніе на народныя массы въ ущербъ вліянію фарисейскому. Но люди, убѣжденные въ правильности своихъ взглядовъ и мнѣній, привыкшіе встрѣчать повсюду безусловное согласіе съ этими взглядами и мнѣніями, люди, пользующіеся притомъ почетомъ и высоко поставленные въ своемъ обществѣ, не могутъ терпѣть протестовъ и прекословіій, попытокъ ослабить ихъ авторитетъ. И достаточно не только цѣлаго ряда дѣйствій, но даже одного дѣйствія, одного слова, направленнаго противъ подобныхъ людей, чтобы заставить ихъ предпринять тотчасъ же мѣры къ устра-

ненію человѣка, совершившаго такое дѣйствіе, произнесшаго такое слово, къ воспрепятствованію его дѣятельности развиваться въ неблагопріятномъ для нихъ направленіи.

Марк. 3, 7—4, 1—34.

(Содержаніе: разсказъ объ удаленіи Іисуса, послѣ исцѣленія сухорукаго въ день субботній, къ морю въ сопровожденіи учениковъ и великаго множества народа, при чемъ Онъ исцѣлилъ многихъ бѣсноватыхъ и страждущихъ различными недугами 3, 7—12; разсказъ объ избраніи 12-ти апостоловъ 3, 13—19; обвиненіе Іисуса книжниками Іерусалимскими въ томъ, что Онъ имѣетъ въ Себѣ веслзсвула и его силою изгоняетъ бѣсовъ и вызванное этимъ обвиненіемъ обличеніе книжниковъ со стороны Іисуса 3, 22 — 30; разсказъ о посѣщеніи Іисуса Его Матерью, братьями и сестрами, причемъ Спаситель назвалъ Своими ближними тѣхъ, кои исполняютъ волю Божию 3, 31—35; наконецъ притча о сѣятелѣ, объясненіе этой притчи ученикамъ и вообще то, что было сказано Господомъ по поводу названной притчи 4, 1—34.).

Въ отдѣленіи 3, 7—4, 1—34 Евангелистъ Маркъ является вполне самостоятельнымъ и своеобразнымъ какъ относительно расположенія разсказовъ, такъ относительно ихъ изложенія. Маркъ располагаетъ разсказы въ иномъ порядкѣ, нежели въ какомъ они расположены у другихъ Евангелистовъ—синоптиковъ и излагаетъ съ большей подробностію, что придаетъ имъ—этимъ разсказамъ—особенный характеристическій отгѣнокъ, отличающій ихъ отъ паралельныхъ мѣстъ въ Евангеліяхъ Матоея и Луки. И Бауръ не отказываетъ разсматриваемому отдѣленію Евангелія Марка въ извѣстнаго рода своеобразности и самостоятельности; но будучи вѣренъ своему основному взгляду на Марково Евангеліе, какъ на компиляцію изъ двухъ другихъ синоптическихъ Евангелій, онъ утверждаетъ и доказываетъ, что Маркъ, при относительной самостоятельности въ указанномъ отдѣленіи, обнаруживаетъ тѣмъ не менѣе свою

зависимость отъ двухъ другихъ синоптиковъ вообще и въ частности отъ Луки.

Бауръ прежде всего останавливается на разсказѣ о избраніи 12-ти апостоловъ и въ этомъ разсказѣ находигь не одно указаніе на зависимость Марка отъ Луки. Сличивъ Марковъ разсказъ о избраніи апостоловъ съ паралельными разсказами другихъ синоптиковъ, Бауръ находитъ, что Матѳеей не особенно выставляетъ на видъ это обстоятельство. 10, 1—онъ уже предполагаетъ его, такъ какъ только по поводу посланія апостоловъ на проповѣдь замѣчаетъ, что ихъ было 12-ть и что они имѣли такія и такія-то имена. Что касается Луки, то онъ избраніе апостоловъ изображаетъ такъ, что оно въ его Евангельской исторіи получаетъ особенное значеніе, составляетъ въ ней, такъ сказать, эпоху. Тотчасъ же по избраніи апостоловъ, Иисусъ, по Лукѣ, является окруженнымъ толпами Своихъ учениковъ и великимъ множествомъ народа, который пришелъ изъ Иудей и Иерусалима, поморія Тирскаго и Сидонскаго послушать Его ученія и попросить Его о исцѣленіи больныхъ. И присущая Ему цѣлительная сила изливается изъ Него обильнымъ потокомъ. Поелику же, по замѣчанію Баура, Маркъ вполне согласно съ Лукою выставляетъ на видъ этотъ моментъ, то онъ никакимъ образомъ не можетъ быть названъ самостоятельнымъ; относительно Луки напротивъ это согласіе свидѣтельствуеетъ о зависимости его отъ Луки.—Указавъ на согласіе Марка съ Лукою въ повѣствованіи о избраніи апостоловъ, Бауръ вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что у Матѳея, особенно же у Луки избраніе апостоловъ поставлено въ тѣсной связи съ нагорною проповѣдью. „Лука, говоритъ Бауръ, разсказъ о избраніи апостоловъ помѣстилъ непосредственно предъ нагорною проповѣдью въ томъ убѣжденіи, что между той и другимъ находится существенная связь.“ Между тѣмъ Маркъ, изобразивъ обстоятельства избранія апостольскаго вполне согласно съ Лукою, не дѣлаетъ и намека на нагорную проповѣдь. Но чѣмъ сообразнѣе съ теченіемъ дѣлъ связь апост. избранія съ нагорною проповѣдью,

замѣчасмая у Луки, а также у Матѳея, тѣмъ менѣе, по словамъ Баура, можетъ быть здѣсь дано Марку преимущество предъ Лукою, т. е. другими словами тѣмъ менѣе можетъ быть доказываема независимость Марка отъ Луки.

Бауръ не довольствуется однакожъ этими двумя признаками зависимости Марка отъ Луки, найденными имъ въ разсказѣ о избраніи 12-ти апостоловъ. Онъ обращаетъ вниманіе и на то, что слѣдуетъ у Марка за названнымъ разсказомъ, и при этомъ находитъ новое доказательство несамостоятельности Марка относительно Луки. Евангеліе Матѳея, по Бауру, было главнымъ источникомъ для Марка, при составленіи послѣднимъ своего Евангельскаго разсказа. Поэтому, если Маркъ опустилъ нагорную проповѣдь и стоящее въ тѣсной связи съ нею повѣствованіе о капернаумскомъ сотникѣ, то ему по крайней мѣрѣ слѣдовало бы за разсказомъ о избраніи апостоловъ помѣстить разсказы—о утишеніи бури, изгнаніи бѣсовъ изъ гадаринскаго бѣсноватаго и о исцѣленіи дочери Гаира,—разсказы, заключающіеся въ 8 и 9 гл. Матѳея. Между тѣмъ онъ помѣщаетъ ихъ позднѣе подобно тому, какъ это дѣлаетъ Лука, и притомъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ расположены они у этого послѣдняго Евангелиста. А если это такъ, то, по замѣчанію Баура, очень естественна мысль, что Маркъ иначе, какъ вслѣдствіе вліянія на него его предшественника, Луки, помѣстилъ указанные разсказы не тамъ, гдѣ находятся они у Матѳея, а въ другомъ мѣстѣ. Эти доказательства Баура несостоятельны.

Что касается Маркова разсказа о избраніи 12-ти апостоловъ, то между нимъ и параллельнымъ разсказомъ Луки существуетъ гораздо болѣе различія, нежели сходства. Частныя мелкія обстоятельства, составляющія, такъ сказать, рамку главнаго факта—избранія апостоловъ, расположены обоими Евангелистами не въ одинаковомъ порядкѣ, находятся не въ одинаковомъ отношеніи къ этому главному факту. Кромѣ того у Луки мы не находимъ нѣкоторыхъ частныхъ чертъ, находящихся у Марка, и наоборотъ.—Вслѣдствіе этого мы получа-

емъ два изображенія одного и того же событія очень не сходныя между собою въ подробностяхъ и потому производящія очень различное впечатлѣніе. У Марка дѣло представлено слѣдующимъ образомъ: вскорѣ послѣ исцѣленія въ день субботній сухорукаго и въ то время, какъ фарисеи съ иродіанами совѣщались о томъ, какъ бы погубить Спасителя, Онъ, оставивши городъ, удалился на берегъ моря въ сопровожденіи учениковъ Своихъ и безчисленнаго множества народа. Ибо молва о великихъ дѣлахъ Его быстро разнеслась повсюду и привлекла къ Нему не только жителей Іудей, Галилеи, Идумей и за Иорданской страны, но и жившихъ въ окрестностяхъ Тирскихъ и Сидонскихъ. Народъ такъ началъ тѣснить Спасителя, что Онъ велѣлъ ученикамъ Своимъ приготовить лодку съ тѣмъ, чтобы сойти въ нее, въ случаѣ невозможности оставаться долѣе въ народѣ. Тѣснота и беспорядокъ увеличивались особенно отъ того, что больные, видя нѣкоторыхъ исцѣленныхъ Господомъ, толпами бросались къ Нему съ тѣмъ, чтобы хотя прикоснуться къ Его одеждѣ; при этомъ бѣсповатые падали предъ Нимъ ницъ и кричали: Ты Сынъ Божій. При такихъ обстоятельствахъ, какъ бы желая на время освободиться отъ народа, Спаситель оставляетъ морской берегъ, всходитъ на гору и призываетъ къ Себѣ, кого Самъ хотѣлъ. Изъ этихъ призванныхъ Онъ выбираетъ 12-ть человекъ, дабы они были съ Нимъ и дабы посылать ихъ на проповѣдь, и даетъ имъ власть исцѣлять болѣзни и изгонять бѣсовъ. Спаситель какъ бы видитъ, что настало время послать многихъ жателей на великую и уже созрѣвшую жатву, дать пастыря не имѣющимъ пастыря и разсѣяннымъ овцамъ. Иное находимъ мы у Луки. Вотъ его рассказъ о избраніи Апостоловъ и ближайшихъ обстоятельствахъ этого событія: въ тѣ дни взошеть Иисусъ на гору помолиться, и пребылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу. Когда же наступилъ день, призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ изъ нихъ 12-ть, которыхъ наименовалъ апостолами. И сошедши съ ними съ горы, сталъ Онъ на ровномъ мѣстѣ, и множество учениковъ Его и много народа изъ всей Іудей и Іерусалима и приморскихъ

мѣсть Тирскихъ и Сидонскихъ, которые пришли послушать Его, и исцѣлиться отъ болѣзней, также и страждущіе отъ нечистыхъ духовъ; и исцѣлялись. И искалъ весь народъ прикоснуться къ Нему; потому что отъ Него исходила сила и исцѣляла многихъ. И Онъ, возведши очи Свои на учениковъ Своихъ, говорилъ.... (Лук. 6, 13. 17—20).

Такимъ образомъ, по Марку, Спаситель является на берегу моря окруженнымъ толпами народа еще до избранія апостоловъ. По Лукѣ, напротивъ, народъ окружаетъ Иисуса по избраніи ихъ. По Марку, народъ тѣснитъ Иисуса такъ, что Ему почти не остается возможности оставаться въ народѣ, по Лукѣ,—народъ, если и ищетъ прикоснуться къ великому Чудотворцу, однако не беспокоитъ Его и Онъ имѣетъ полную возможность начать поученіе. Маркъ замѣчаетъ, что апостолы были избраны для того, чтобы посылать ихъ на проповѣдь, при чемъ имъ дана была власть исцѣлять больныхъ и изгонять бѣсовъ, Лука объ этомъ не упоминаетъ, но за то говоритъ, что Господь предъ избраніемъ Своихъ ближайшихъ учениковъ — апостоловъ провелъ цѣлую ночь въ молитвѣ, на что у Марка мы не находимъ указанія. Притомъ у Луки частныя событія слѣдуютъ одно за другимъ ровно и спокойно, вслѣдствіе чего весь рассматриваемый нами его рассказъ носитъ на себѣ тихій, мирный характеръ; изображеніе Марка напротивъ отличается инымъ характеромъ. Указавъ на то, что народъ тѣснилъ и крайне беспокоилъ Иисуса, что больные стремительно бросались къ Нему, а бѣсноватые, падая ницъ, кричали: Ты Сынъ Божій, Маркъ придаетъ своему рассказу, если такъ можно выразиться, стремительный и порывистый характеръ. Но если между рассказами Марка и Луки о избраніи апостоловъ существуетъ различіе, въ сравненіи съ которымъ сходство между этими рассказами становится очень незначительнымъ, то понятно, что на основаніи ихъ можно заключать скорѣе о самостоятельности Марка относительно Луки, нежели зависимости перваго отъ послѣдняго. — Затѣмъ нисколько не унижаетъ Маркова повѣствованія и то обстоятельство, что у Мар-

ка за рассказомъ о избраніи апостоловъ не помѣщено нагорной проповѣди, между тѣмъ какъ, по Бауру, у Матѳея и особенно у Луки и то и другое, т. е. избраніе апостоловъ и нагорная проповѣдь тѣсно соединены между собою. Положимъ, что тѣсное соединеніе этихъ событій у Матѳея и Луки вполне соотвѣтствуетъ внутренней ихъ связи и потому является вполне умѣстнымъ и даже необходимымъ. Ибо апостолы, какъ замѣчаетъ Бауръ, были органами, при посредствѣ которыхъ должна была осуществиться идея царства Божія на землѣ; нагорная же проповѣдь заключала въ себѣ обозначеніе тѣхъ главныхъ началъ, которыя должны были лечь въ основаніи этаго царства. Но и опустивъ нагорную проповѣдь, Маркъ очень ясно даетъ видѣть, что апостолы были избраны именно быть орудіями осуществленія на землѣ царства Божія, быть проповѣдниками началъ этого царства. Ибо повѣствуя о избраніи 12-ти апостоловъ, Маркъ замѣчаетъ, что они предназначались Своимъ Божественнымъ Учителемъ для того, между прочимъ, чтобы проповѣдывать, но проповѣдывать конечно, то, что проповѣдывалъ Онъ Самъ и что вскорѣ послѣ ихъ избранія рассказывалъ предъ ними и объяснялъ имъ. Проповѣдывалъ же Онъ, какъ видно изъ предшествующаго, Евангеліе царствія Божія, раскрывалъ предъ ними и объяснялъ имъ тайны и сущность этого царствія. Притомъ же опущеніе Маркомъ нагорной проповѣди не дѣлаетъ неожиданнаго перерыва въ его повѣствованіи. Напротивъ оно идетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, и рассказъ о избраніи апостоловъ, находясь въ связи съ предшествующими ближайшими обстоятельствами, связанъ также и съ послѣдующими. Ибо, по перечисленіи именъ 12-ти апостоловъ, Маркъ говоритъ, что Господь вмѣстѣ съ нововзбранными учениками пришелъ въ домъ, гдѣ Его Самого и Его учениковъ сталъ опять тѣснить народъ также, какъ и на берегу моря; такимъ образомъ рассказанныя Маркомъ событія представляются у него слѣдующими одно за другимъ непосредственно.

Если наконецъ рассказы о утишеніи бури, о гадаринскомъ бѣсноватомъ и пр., которыя, по Бауру, слѣдовало бы помѣ-

стить послѣ разсказа о избраніи апостоловъ, Маркъ, также какъ Лука, помѣщаетъ нѣсколько позднѣе и притомъ въ одинаковомъ съ Лукою порядкѣ, то и это нисколько также не говоритъ о зависимости Марка отъ Луки. Еслибъ Маркъ дѣйствительно здѣсь находился подъ вліяніемъ Луки, слѣдоваль ему при изложеніи Евангельскаго повѣствованія, то послѣ разсказа о избраніи апостоловъ онъ помѣстилъ бы именно то, что у Луки слѣдуетъ за повѣствованіемъ о капернаумскомъ сотникѣ и что предшествуетъ у него разсказу о утишеніи бури; именно — разсказы о воскресеніи сына наинской вдовицы 7, 11—16; о посланіи Крестителемъ своихъ учениковъ къ Спасителю 7, 18 и дал; о женѣ грѣшницѣ, помазавшей ноги Господу 7, 37 и дал. Однакоже у Марка мы не находимъ этихъ разсказовъ.

Какъ ни своеобразенъ разсказъ Марка, заключающійся въ 3-й гл. 20—35 ст. тѣмъ не менѣе Бауръ и въ немъ находитъ признаки зависимости Марка отъ другихъ синоптиковъ. Выказавши и развивши ту странную мысль, будто Маркъ (3, 20—35) имѣлъ въ виду выставить ближайшихъ родственниковъ Иисуса союзниками фарисеевъ, обвинявшихъ Его въ сношеніяхъ съ Веельзевуломъ; далѣе замѣтивши, что разсматриваемое отдѣленіе составляетъ естественный переходъ къ притчѣ о сѣятелѣ, такъ какъ обличеніе Спасителемъ фарисеевъ изложено здѣсь у Марка въ приточной формѣ, Бауръ затѣмъ продолжаетъ:.... „такъ какъ съ разсказомъ 3, 20 и т. д. Маркъ соединяетъ другой разсказъ о посѣщеніи Иисуса матерью и братьями и так. обр. все отдѣленіе 3, 20—35 заканчиваетъ полнымъ значенія изреченіемъ Иисуса: „кто будетъ исполнять волю Божию, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матеръ“: то элимъ самымъ напередъ уже высказано, что главная мысль непосредственно слѣдующей за симъ притчи та, что истинные ученики суть только слушающіе слово, принимающіе его и приносящіе обильные плоды“. Но такая же внутренняя связь—связь мысли между разсказомъ о посѣщеніи Иисуса ближайшими родственниками и между притчею о сѣятелѣ существуетъ, по за-

мѣчанію Баура, и у другихъ синоптиковъ, Матѳея и Луки, вслѣдствіе чего Лука помѣщаетъ этотъ разсказъ вслѣдъ за притчей, Матѳея непосредственно предъ нею, хотя ни тотъ, ни другой т. е. ни Матѳея, ни Лука не упоминаютъ о союзѣ родственниковъ Иисуса съ Его врагами—фарисеями. А отсюда уже прямо слѣдуетъ: при всей своей своеобразности и относительности въ разсматриваемомъ отдѣленіи—Маркъ все таки обнаруживаетъ свою зависимость отъ своихъ предшественниковъ—синоптиковъ.—Этотъ выводъ Баура однакожъ по обыкновенію безоснователенъ.

Бауръ говоритъ, что между разсказомъ о посѣщеніи Иисуса родственниками и притчей о сѣятелѣ существуетъ внутренняя связь какъ въ повѣствованіяхъ Марка, такъ и въ повѣствованіи другихъ синоптиковъ, что будто заключительныя слова разсказа о посѣщеніи, произнесенныя Иисусомъ, содержатъ въ себѣ указанія на основную мысль притчи. Но такой именно связи между двумя указанными частями Евангельск. повѣствованій на дѣлѣ не существуетъ. Мысль, которая развивается въ притчѣ о сѣятелѣ вовсе не та, что будто истинные ученики (Иисуса) суть слушающіе (Его) слово, принимающіе это слово и приносящіе обильные плоды,—какъ говоритъ Бауръ, но та, что одно и то же словесное сѣмя, разсѣваемое съ одинаковымъ усердіемъ однимъ и тѣмъ же Учителемъ—Сѣятелемъ, приноситъ весьма различные плоды, смотря по состоянію сердца слушающихъ, на которое, какъ на почву, падаетъ духовное сѣмя слова. Если же такова мысль притчи о сѣятелѣ, то понятно, что между нею и словами Спасителя: „кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и мать“—нельзя отыскать никакой внутренней связи, никакого сходства, между тѣмъ какъ предполагая это сходство, Бауръ поставяетъ внѣ всякаго сомнѣнія зависимость Марка отъ двухъ другихъ синоптиковъ. Правда и у Марка и у остальныхъ синоптиковъ разсказъ о посѣщеніи и притча о сѣятелѣ стоятъ рядомъ; но на этомъ основаніи можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что такъ вѣроятно было и на самомъ дѣлѣ; т. е. какъ

то, такъ и другое событіе раздѣлялъ весьма небольшой промежутокъ времени. И нужно замѣтить, что этотъ же выводъ былъ бы единственно законнымъ и въ томъ случаѣ, еслибъ у всѣхъ синоптиковъ между разсматриваемыми нами частями Еванг. исторіи была дѣйствительно та внутренняя связь, которую хочеть видѣть Бауръ.

Доказательство зависимости Марка отъ Луки и Матѳея въ разсматриваемемъ нами отдѣленіи Бауръ видитъ наконецъ въ 11 и 34 ст. 4-й гл. Сличая эти стихи съ параллельными стихами у синоптиковъ, Бауръ находитъ, что Маркъ внесъ ихъ въ свое повѣствованіе, не иначе какъ пользуясь то тѣмъ, то другимъ изъ синоптиковъ. Безъ этого предположенія осталось бы непонятнымъ—по его мнѣнію — противорѣчіе, существующее между указанными стихами.

Аргументація Баура на этотъ разъ такова: „Смысль, заключающійся въ 13, 13 Матѳея, не иной, говоритъ Бауръ, какъ тотъ, что поелику народъ рѣшительно неспособенъ понимать тайнъ царствія Божія, то истины должны быть преподаваемы ему въ такой формѣ, которая дѣлала бы совершенно непонятнымъ для него то, что относится къ царствію Божію (т. е. цѣль притчей состоитъ въ томъ, чтобы затемнить для народа истину). Матѳею слѣдуетъ и Лука, но такъ, по всей вѣроятности, что реченіе *ἵνα* онъ употребляетъ въ смыслѣ Павловомъ—указываетъ имъ на невѣріе Іудеевъ, какъ на фактъ уже совершившійся (а не какъ на фактъ, который имѣлъ еще быть достигнутымъ, посредствомъ приглагонаго способа ученія). Но Маркъ въ 11 ст. 4-й гл. говоритъ то же самое, что Матѳей, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ усиливаетъ рѣчь Матѳея съ особенною, если такъ можно выразиться, рѣзкостію выставляя на видъ цѣль притчей, состоящую въ затемненіи истины. Тѣмъ внѣшнимъ, читаемъ мы у Марка, все бываетъ въ приглаголахъ; такъ что они своими глазами смотрятъ и не видятъ; своими ушами слышатъ и не разумѣютъ, да не обратятся, и прощены будутъ имъ грѣхи. Совершенно другую однакоже мысль выражаетъ Маркъ въ 34 ст. Онъ указываетъ въ немъ на ис-

тинную, вполне сообразную съ мудростію Иисуса, цѣль притчей, состоящую въ уясненіи народу истины. Ибо какой же другой смыслъ можетъ заключаться въ словахъ: и таковыми многими притчами проповѣдывалъ имъ слово, сколько они могли слышать. Такимъ обр. у Марка непосредственно одинъ за другимъ слѣдуютъ два совершенно противоположные взгляда на одинъ и тотъ же предметъ, что можетъ быть объяснено лишь только тѣмъ, что Маркъ въ своей двойной зависимости обращался то къ тому, то къ другому изъ синоптиковъ. Но эта аргументація Баура очевидно не вѣрна.

Прежде всего смыслъ, заключающійся въ 12 ст. 4 гл. Марка также какъ и въ параллельныхъ съ нимъ стихахъ у другихъ синоптиковъ, вовсе не тотъ, который видитъ въ немъ Бауръ, но совершенно противоположный. Въ указанныхъ стихахъ Спаситель дѣйствительно указываетъ на цѣль притчей, но цѣль эта состоитъ въ приближеніи истины къ разумѣнію народа. Народъ загубѣлъ, сердце его ожесточилось, такъ что онъ видя не видитъ и слыша не слышитъ и не въ состояніи самъ обратиться и избавиться отъ грѣховъ. Вслѣдствіе этого бесполезно излагать передъ нимъ необходимыя для его спасенія и въ то же время отвлеченныя истины прямо, не заботясь о томъ, чтобы сдѣлать ихъ, при всей отвлеченности, доступными тупому и косному пониманію. Народъ не только не пойметъ ихъ,—онъ не станетъ ихъ слушать. Поэтому нужно найти средство, которое бы помогло привлечь вниманіе загубѣвшей въ порокахъ народной толпы къ необходимому для нея ученію, которое пробудило бы ея мысль, дало бы ей возможность хотя нѣсколько уразумѣть дотошъ несслыханныя ею истины. И Спаситель избралъ какъ такое средство притчу, которая способна была сдѣлать для народа по возможности наглядными высокія и новыя для него истины при посредствѣ предметовъ, взятыхъ изъ его обыденной жизни, или изъ окружавшей его природы, и цѣль, къ которой клонился приточный способъ ученія, была лишь та, чтобы привлечь народъ, овладѣть, такъ сказать, его вниманіемъ, пробудить въ немъ

желаніе вникнуть поглубже въ смыслъ того, что ему говорится и понять, насколько возможно то, что прикрываетъ собою вѣшняя и вполнѣ доступная пониманію форма.—Таковъ именно смыслъ разсматриваемыхъ нами стиховъ, и такова, а не иная была цѣль, которую имѣлъ Спаситель, поучая народъ въ притчахъ, и если народъ, выслушавъ притчу, нерѣдко уходилъ отъ Божественнаго Наставника, не понявъ ничего и только очень немногіе изъ народа, желая послушать вмѣстѣ съ апостолами объясненія непонятаго въ притчѣ, то это зависѣло отъ самого же народа, отъ его крайней тупости и вообще духовной неразвитости, а вовсе не отъ намѣренія учителя затемнить для народа ту или другую истину.

Что такое пониманіе разсматриваемыхъ нами стиховъ справедливо, — это можно подтвердить во 1-хъ тѣмъ, что у Матвея въ 13, 13 стоитъ $\delta\tau\iota$, а не $\tau\upsilon\alpha$, какъ у Луки и Марка. Но эта частица даетъ видѣть, что огрубѣніе народа и ожесточеніе его сердца были именно причиною приточнаго способа изложенія ученія, а не цѣлю. Во 2-хъ тѣмъ, что реченіе $\tau\upsilon\alpha$, находящееся у Луки и Марка, не всегда относится къ цѣли, которая имѣетъ еще послѣдовать за извѣстнымъ дѣйствіемъ. $\tau\upsilon\alpha$ указываетъ иногда на слѣдствіе извѣстнаго рода дѣятельности и притомъ на такое слѣдствіе, котораго дѣйствующія лица вовсе не ожидаютъ отъ своей дѣятельности (подобаетъ ересемъ въ васъ быти, да ($\tau\upsilon\alpha$) искусніи явятся въ васъ). Кромѣ того $\tau\upsilon\alpha$ относится нерѣдко къ факту уже существующему, какъ замѣчаетъ это Бауръ, и къ факту, который так. обр. можетъ лишь вызвать извѣстное дѣйствіе и слѣд. быть причиною его, а никакъ не цѣлю еще недостигнутою и потому не осуществившеюся. Въ 3-хъ тѣмъ, что такое пониманіе вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ Спасителя нашего, какимъ представляется Онъ намъ по сказаніямъ Евангелистовъ,—вполнѣ согласно съ характеромъ всей Его дѣятельности. Спаситель, какъ Самъ Онъ не однажды говорилъ, пришелъ въ міръ за тѣмъ, чтобы проповѣдывать всеѣмъ безъ исключенія Евангеліе Царствія Божія, призвать къ покаянію

не праведниковъ, а грѣшниковъ, направить на истинный путь заблудшихъ. И дѣйствительно Онъ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы сѣмя посѣваемаго Имъ Евангельскаго слова какъ можно глубже западало въ души людей закоснѣвшихъ въ грѣхахъ, и приносило плодъ. Съ этою цѣлію Господь Иисусъ обходилъ съ проповѣдію грады и веси, съ этою же цѣлію Онъ не чуждался самыхъ порочныхъ людей и, не смотря на укоризны книжниковъ и фариисеевъ, дѣлилъ время и трапезу съ отверженными и находившимися у всѣхъ въ презрѣніи мытарями, не гнушался даже бесѣды и съ завѣдомо падшими женщинами. И нераскаянность тѣхъ, къ которымъ Господь обращалъ Свое слово, глубоко огорчала Его. Въ концѣ Своей дѣятельности Онъ плакалъ о жителяхъ Іерусалима, не виявшихъ Его кроткому гласу и однажды въ горести воскликнулъ: Іерусалимъ, Іерусалимъ! сколько разъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ подъ крылья свои—и вы не восхотѣли! Послѣ этого могли ли многочисленныя притчи Христовы имѣть иную какую-либо цѣль, кромѣ приближенія къ пониманію народному высокихъ Евангельскихъ истинъ и могъ ли послѣ этого Господь сказать, что Онъ говоритъ къ народу въ притчахъ за тѣмъ, чтобы этотъ бѣдный, не имѣвшій пастыря народъ видя не видалъ, слыша не слышалъ, чтобы онъ не обратился и не исцѣлялъ. Конечно нѣтъ, и еслибъ пониманіе Баура было вполне правильно, то разсматриваемыя нами стихи были бы странною непонятною дисгармоніею въ Еванг. исторіи и тогда неволью бы рождался вопросъ (какъ рождался онъ и у самого Баура): за чѣмъ же явился Христосъ въ міръ, за чѣмъ говорилъ, что Онъ пришелъ призвать грѣшниковъ къ покаянію?

Но если 12 ст. 4-й гл. Марка также какъ и параллельные съ нимъ стихи дѣйствительно содержать указанный нами смыслъ, т. е. если въ нихъ выражается та только мысль, что притчи были говоримы по причинѣ тупости народа съ цѣлію хотя нѣсколько выяснитъ для него высшія Евангельскія истины: то слѣдуетъ, что у Марка между 12 и 33 ст. 4-й гл. нѣтъ рѣши-

тельно никакого противорѣчія; напротивъ 33-й стихъ въ сущности содержитъ въ себѣ ту же мысль, какая заключается въ 12 стихѣ, но только опредѣленнѣе выраженную и так. обр. служить какъ бы поясненіемъ 12 ст.; если же—дальше—между 12—и 33 ст. нѣтъ противорѣчія: то нѣтъ основанія заключать о зависимости Марка отъ другихъ синоптиковъ,—того основанія, опираясь на которое, Бауръ отрицаетъ самостоятельность Марка въ разсматриваемомъ отдѣленіи.

Впрочемъ—если мы допустимъ даже, что между 12 и 33 ст. 4-й гл. Марка существуетъ противорѣчіе, весьма трудно примиримое, наконецъ во все для насъ непримиримое; то и въ такомъ случаѣ мы не будемъ имѣть достаточнаго основанія утверждать, что это противорѣчіе доказываетъ двойную — какъ выражается Бауръ—зависимость Марка. Положимъ, что 12 ст. Марка сходенъ съ 13, 13 Матѳея и 8, 10 Луки, но при сходствѣ между нимъ и двумя остальными существуетъ очень значительное различіе, въ чемъ не трудно убѣдиться, сличивъ между собою эти стихи. Что же касается 33-го стиха, то ничего подобнаго мы не находимъ ни у Матѳея, ни у Луки. Только одинъ этотъ стихъ во всѣхъ синоптическихъ Евангеліяхъ содержитъ въ себѣ довольно ясное указаніе на цѣль притчей и на отношеніе ихъ къ пониманію народному. А так. образ. онъ—если даже въ немъ и заключается противорѣчіе съ 12 ст. 4-й гл.—можетъ скорѣе свидѣтельствовать о самостоятельности Евангелиста Марка, нежели о его зависимости какъ отъ Луки, такъ и отъ Матѳея.

Мрк. 4, 35—5, 1—43.

(Содержаніе: утишеніе бури 4, 35—41; изгнаніе бѣсовъ изъ Гадаринскаго бѣсноватаго 5, 1—20, исцѣленіе кровоточивой женщины 5, 25—34; воскрешеніе дочери Іаира 5, 21 — 23, 35—43).

По Бауру, зависимость Марка отъ Луки въ этомъ отдѣленіи—выше всякаго сомнѣнія. Главное доказательство зависи-

мости Бауръ видитъ въ томъ, что будто названные рассказы въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаемъ мы ихъ въ Евангеліяхъ Марка и Луки вполнѣ гармонируютъ съ общимъ характеромъ лишь Евангелія Луки, что только у Луки проникнуты они опредѣленною идеею и если они какъ въ томъ, такъ и въ другомъ Евангеліи изложены почти одинаково, то это единственно потому, что Маркъ при изложеніи разсматриваемаго отдѣленія руководствовался исключительно Евангеліемъ Луки.

Руководящую идею, проникающую собою все разсматриваемое отдѣленіе, говоритъ Бауръ, можно найти только у Луки. Характеристическая черта этого отдѣленія состоитъ главнымъ образомъ въ изображеніи учениковъ Иисусовыхъ, въ томъ что они, по Лукѣ, очень мало понимали Своего Учителя, имѣли самое не ясное представленіе о Его истинной сущности. Это обнаружилось уже въ ихъ поведеніи во время бури на морѣ—и какъ мало Лука, если сравнить его рассказъ съ рассказомъ Матѳея, желаетъ скрыть слабость въ вѣрѣ учениковъ Иисусовыхъ! Они не только названы *δαίλοι ὀλιγόπιστοι* какъ у Матѳея, но имъ прямо предлагаютъ вопросъ: *τὸ ἐστὶν ἡ πίστις ὑμῶν;* и между тѣмъ какъ у Матѳея бывшіе въ лодкѣ, полные удивленія, преклоняются предъ величіемъ Иисуса, и признаютъ за Нимъ это величіе, у Луки ученики Иисуса, испуганные и удивленные говорятъ только: *τίς ἄρα ὁτός ἐστι* и т. д. Выраженіе *φοβηθέντες ἐθαύμασαν* 8, 25 ставитъ ихъ на одну линію съ жителями Гадары, на которыхъ чудо, совершенное между ними, произвело только то впечатлѣніе, что они *ἐφοβήθησαν* ст. 35. Рассказъ о Гадаринскомъ бѣсноватомъ—говоритъ Бауръ далѣе — не заключаетъ въ себѣ ничего, что прямо относилось бы къ ученикамъ, но пужно бы было ожидать, что они, какъ свидѣтели — очевидцы этого поваго обнаруженія чудодѣйственной силы Иисуса, тѣмъ воспримчивѣе сдѣлаются для впечатлѣній, производимыхъ Его личностію и тѣмъ тверже увѣруютъ въ Него. И однакоже въ слѣдующемъ за тѣмъ рассказѣ мы видимъ совершенно противное и Лука,

если сравнить его съ Матѳеемъ, какъ кажется, съ намѣреніемъ старается выставить учениковъ Иисусовыхъ въ неблагопріятномъ для нихъ свѣтѣ. Почему Лука виагаетъ въ уста Петра и прочихъ учениковъ, когда Иисусъ спросилъ у нихъ: кто прикоснулся ко Мнѣ? — такое возраженіе: „Учитель! народъ окружаетъ и тѣснитъ Тебя и Ты спрашиваешь: кто прикоснулся ко Мнѣ?—Матѳей ничего не говоритъ объ этомъ, у Луки же этотъ вопросъ Петра показывается, что онъ предполагать въ Иисусѣ способность ошибаться. Еще разительнѣе, продолжаетъ Бауръ, различіе между Матѳеемъ и Лукою въ разсказѣ о воскресеніи дочери Іаира. Между тѣмъ, какъ Матѳей говоритъ, что Иисусъ велѣлъ выйти тѣмъ людямъ, которыхъ засталъ въ домѣ; сказалъ, что дѣвица не умерла, но спитъ, и когда народъ смѣялся надъ Нимъ, выслать его вонъ: по словамъ Луки, тѣ три ученика, которые, какъ говорится въ его Евангеліи, были призваны особеннымъ образомъ, принимали такое участіе въ насмѣшкахъ народа надъ Иисусомъ, что и къ нимъ относились тѣ слова, которыя по Матѳею, были сказаны Иисусомъ только народу. „Когда Иисусъ вошелъ въ домъ, говоритъ Лука 8, 51—54,—не оставилъ въ немъ никого, кромѣ Петра, Іакова, Іоанна, и отца дѣвицы и матери. Всѣ плакали и рыдали о ней, но Онъ сказалъ: не плачьте; она не умерла, но спитъ. И смѣялись они надъ Нимъ, зная, что она умерла; и Онъ выслалъ всѣхъ ихъ вонъ“ — такимъ образомъ и тѣхъ трехъ учениковъ, поелику они не имѣли никакого представленія о томъ, что Онъ былъ въ состояніи здѣсь сдѣлать. Можно ли было высказать болѣе ясно, что даже у лучшихъ учениковъ Иисуса не было въ то время способности понимать Его величія и силы, и что по этому Иисусъ имѣлъ основаніе быть въ высшей степени недовольнымъ ими? Эта тенденція всего отдѣленія выступаетъ у Луки такъ характеристично на видъ, что здѣсь сама по себѣ становится очевидною та точка зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на всѣ разказы, заключающіеся въ указанномъ отдѣленіи. И однакоже это отдѣленіе есть не болѣе, какъ введеніе къ послѣдующимъ повѣ-

ствованіямъ, гдѣ ученики Іисуса являются еще въ болѣе неблагопріятномъ видѣ. Теперь, заключаетъ Бауръ, слѣдуетъ указать на тѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ всего доселѣ-сказаннаго относительно композиціи Маркова Евангелія. Маркъ въ изложеніи трехъ разсказовъ 4, 35—5, 1—43 такъ сходенъ съ Лукою, что его уклопенія отъ этого послѣдняго едва ли могутъ быть приняты во вниманіе. Но спрашивается—имѣется ли въ Марковомъ Евангеліи такое же значеніе, какъ и въ Евангеліи Луки, та тенденція, которую легко можно замѣтить въ трехъ указанныхъ разсказахъ и которая въ Евангеліи Луки самымъ тѣснымъ образомъ связана съ павлинистическимъ характеромъ Евангелія, совершенно чуждымъ Евангелію Марка. И кто так. обр. можетъ быть названъ здѣсь зависимымъ писателемъ—тотъ ли, который далъ намъ отрывочную часть цѣлаго, или тотъ, у котораго мы находимъ это цѣлое, обладающее самостоятельнымъ, вполне опредѣленнымъ характеромъ? Обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ Маркъ могъ придти къ тому, чтобы выставить трехъ лучшихъ учениковъ изъ числа двѣнадцати въ самомъ неблагопріятномъ для нихъ свѣтѣ. Во всемъ Его Евангеліи наиболѣе примыкающемъ къ Евангелію Матѳея, нежели къ Евангелію Луки, нѣтъ къ тому ни малѣйшаго повода. Очевидно, что поводъ къ этому подалъ ему другой предшествовавшій его повѣствованію разсказъ т. е. разсказъ Луки ¹⁾.

Такимъ образомъ разсматриваемые нами разсказы Евангелія Луки, въ которыхъ ученики Спасителя являются слабыми въ вѣрѣ, очень мало понимающими Своего Божественнаго Учителя, имѣющими самое неясное представленіе о Его существѣ,—могли по мнѣнію Баура, явиться въ повѣствованіи Луки лишь въ силу извѣстнаго рода тенденціи, проникающей собою все его Евангеліе, а никакъ ни по другой какой либо причинѣ,—и доказательство этого своего взгляда Бауръ видитъ между прочимъ въ томъ, что будто Евангелистъ Лука, если сравнимъ

¹⁾ Marcus evang. 36—39.

его разсказъ съ паралельнымъ мѣстомъ Евангелія Матѳея, какъ бы намѣренно выставляеть въ неблагопріятномъ свѣтѣ учениковъ Господа Іисуса. Поелику же Евангелистъ Маркъ въ изложеніи трехъ разсказовъ 4, 35—5, 1—43, почти сходенъ съ Лукой, между тѣмъ онъ вполне чуждъ тенденцій этого послѣдняго: то по Бауру неопровержимо слѣдуетъ отсюда, что Маркъ названные разсказы внесъ въ свое Евангеліе изъ Евангелія Луки.

Но не говоримъ уже о томъ, что никакой тенденціи въ Евангеліи Луки не существуетъ на самомъ дѣлѣ, — и при существованіи ея не было бы никакой нужды обращаться къ ней съ цѣлью объяснить разсматриваемые разсказы. Если бы и еще рѣзче выступало въ нихъ маловѣріе учениковъ Христа и ихъ слабое пониманіе Его словъ и дѣлъ и Его лица — и тогда они были бы вполне естественными и за ними слѣдовало бы признать лишь историческую достовѣрность. Объяснимся....

Если намъ впервые приходится слышать проповѣдь, излагающую самыя высокія истины, встрѣчаться съ дѣйствіями, свидѣтельствующими о такихъ свойствахъ и качествахъ виновника ихъ, которыя по своему внутреннему достоинству вполне заслуживаютъ благоговѣйной любви и вполне способны вызвать безусловное сердечное довѣріе къ обладающему ими: то мы тѣмъ не менѣе не въ состояніи тотчасъ же усвоить эту проповѣдь, на основаніи названныхъ дѣйствій безусловно довѣриться лицу, совершившему ихъ, какъ скоро истины, заключающіяся въ проповѣди, вполне расходятся съ нашимъ окончательно сложившимся и окрѣпшимъ міросозерцаніемъ, какъ скоро дѣйствія указываютъ на свойства и качества рѣшительно отличныя отъ всего того, что мы привыкли видѣть и представлять, рисуя въ своемъ воображеніи тѣ или другіе идеалы. Нѣтъ конечно спора, что мы, если только неокончательно загрузѣло наше сердце и вообще не исказилось все благородное въ нашемъ духѣ, — съ теченіемъ времени всѣмъ существомъ воспримемъ проповѣданныя намъ высокія и животворныя истины, съ благоговѣйною любовію и беззавѣтною довѣренностію

преклонимся предъ великою личностью, при чемъ навсегда откажемся отъ своихъ прежнихъ неправильныхъ возрѣній и ложныхъ идеаловъ и такимъ образомъ возродимся духовно; по до тѣхъ поръ, пока не завершится окончательно процессъ этого возрожденія, въ насъ постоянно будетъ происходить внутренняя борьба, хотя и ослабѣвающая постепенно, борьба стараго съ новымъ, и въ извѣстные моменты старое, съ которымъ сжились и которымъ долго духовно питались, непременно будетъ брать перевѣсъ надъ новымъ, охлаждая въ насъ любовь къ тому, что мы прежде считали, хотя и безъ основаній, правильнымъ и достойнымъ уваженія.

Если мы теперь обратимся къ ученикамъ Христовымъ,—взглянемъ на тѣ обстоятельства и условія, при которыхъ они выросли и развились, при которыхъ сложился духовный строй ихъ внутренней жизни, образовались ихъ нравственныя возрѣнія и религіозныя чаянія: то увидимъ, что въ ученіи Христа и въ Немъ Самомъ не было ничего сроднаго съ тѣмъ, что считали они вполнѣ истиннымъ, чему они вѣрили, чего ожидали и что считали своимъ желаннымъ идеаломъ. Правда, Христосъ Иисусъ не отвергалъ ветхозавѣтнаго ученія; напротивъ, считая его безусловно правильнымъ, лишь развивалъ его и пополнялъ истинами нисколько не противными его духу. Но ученики Его, какъ и вообще Іудеи, не знали ветхозавѣтныхъ истинъ; имъ не было знакомо надежащимъ образомъ ихъ высокое внутреннее содержаніе. Іудейскіе наставники исказили Богодарованный законъ; переставъ понимать его духъ, они остановились лишь на его буквѣ и всю нравственность начали полагать въ строгомъ, неуклонномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ. До внутреннихъ же сердечныхъ расположеній наставляемыхъ имъ не было никакого дѣла. Правда также, что Христосъ былъ истинный Мессія, предвозвѣщенный ветхозавѣтными пророками, на Которомъ исполнились всѣ ветхозавѣтныя пророчества, но современные Ему іудеи, въ томъ числѣ и ученики Его, не понимали истиннаго смысла Мессіанскихъ пророчествъ. Пророчества эти были давно искажены и пере-

толкованы, такъ что на основаніи ихъ Іудеи составили такое представленіе о Мессіи, которое не могло быть оправдано ни однимъ пророчествомъ. Ихъ идеаломъ былъ не униженный и озлобляемый, кроткій, какъ агнецъ, Мессія,—Мессія проповѣдникъ истины и покаянія, царь не отъ міра сего,—но Мессія, который долженъ былъ явиться въ видѣ могущественнаго зснаго властителя съ тою цѣлю, чтобы устроить царство израилено и сдѣлать іудеевъ изъ порабощенныхъ и всѣми притѣсняемыхъ господствующимъ надъ всею вселенной народомъ. Конечно ученики Христа—люди простые въ лучшемъ смыслѣ этого слова—не были фанатиками, какъ законники, считавшіе непогрѣшимою свою школьную, безжизненную и ложную мудрость, а нѣкоторые изъ Его учениковъ были спачала даже учениками Іоанна Крестителя, который, какъ пророкъ, явившійся уготовать путь Господу, безъ сомнѣнія сообщалъ своимъ слушателямъ болѣе правильное ученіе, чѣмъ какое было сообщаемо слѣбными вождями народа: тѣмъ не менѣе они — эти ученики Христовы были во всякомъ случаѣ вполне іудеями и для нихъ далеко не были чужды понятія и взгляды ихъ соплеменниковъ,—тѣ понятія и взгляды, которые они привыкли раздѣлать съ самага дѣтства. А потому имъ вполне естественно было иногда смутно, а иногда же и вовсе не понимать ученія и дѣла своего Божественнаго Наставника, по временамъ ослабѣвать въ вѣрѣ въ Него, хотя ихъ простыя не загрубѣвшія души неудержимо стремились къ Нему, инстинктивно, такъ сказать, чувствуя, что въ Немъ одномъ свѣтъ и жизнь, хотя ученіе Его заключало въ себѣ возвышенныя истины, хотя наконецъ Его слова и дѣла неопровержимо свидѣтельствовали о томъ, что Онъ есть истинный, предвозвѣщенный ветхозавѣтными пророками, Мессія.

И самъ Господь Іисусъ очень хорошо зналъ, что ученикамъ Его не только трудно, но даже и невозможно разомъ отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій и всѣмъ существомъ воспринять новое, принесенное Имъ на землю ученіе, признать, что Онъ истинный Мессія, Сынъ Божій,

хотя съ другой стороны видѣль, что они вполнѣ способны пожертвовать современемъ своею жизнію за Евангеліе, возвѣщенное Имъ, и за Него Самого. Поэтому Онъ старался лишь постепенно сообщать имъ и раскрывать высокія Евангельскія истины, постепенно доводить ихъ до непоколебимой сердечной увѣренности въ Его Мессіанскомъ достоинствѣ. Вотъ что замѣчаетъ между прочимъ Неандеръ, выясняя то отношеніе, въ которомъ ученики Христовы находились къ своему Божественному Учителю въ продолженіе всей Его общественной дѣятельности на землѣ. Отношеніе апостоловъ ко Христу было съ самаго начала отношеніемъ полной зависимости и подчиненія. Но въ этомъ отношеніи нужно различать два періода: первый, когда зависимость апостоловъ была внѣшняя и безсознательная, и второй, когда она стала болѣе внутреннею и вполнѣ сознательною. Хотя съ самаго начала апостолы опредѣлялись волею Христа, питая къ Нему благоговѣйную довѣренность, и Его воля была для нихъ закономъ; хотя они были одушевлены убѣжденіемъ, что Онъ хочетъ только справедливаго: но они не понимали надлежащимъ образомъ Его воли такъ же какъ и Его словъ, не дѣлали съ яснымъ сознаниемъ и свободнымъ произволеніемъ предметомъ и цѣлю своихъ стремленій того, что составляло предметъ и цѣль воли Христовой. Но въ состояніи этой внѣшней зависимости они были приготовлены къ тому, чтобы научиться понимать волю Христа, или лучше открытую и выполняемую Имъ волю Божию, сродниться съ нею и сдѣлать ее своею собственною волею. На такое двоякое отношеніе апостоловъ ко Христу указываетъ Онъ Самъ, именно, въ виду приближающейся смерти, говорить, Іоан. 15, 14, 15, что ранѣе Онъ называлъ ихъ слугами, поелику они, подобно слугамъ, служили волѣ своего Господина, какъ волѣ чуждой, не зная и не понимая того, почему Господинъ желалъ того и сдѣлалъ такъ, и что было содержаніемъ и цѣлю Его воли; но что теперь Онъ не называетъ ихъ слугами, а Своими друзьями, поелику съ сихъ поръ между ними, какъ между

друзьями установилось такое отношеніе и такое полное согласіе, что они знаютъ Его намѣренія и увѣрены въ томъ, что Онъ открылъ имъ совѣтъ Отца Небеснаго о спасеніи человечества и объ основаніи въ его средѣ Своего царства, и съ свободою любовію рѣшились исполнять все потребное для осуществленія сего совѣта. Поэтому конечною цѣлію всего того, что сдѣлалъ Христосъ для образованія апостоловъ, было возвышеніе ихъ съ первой точки зрѣнія на вторую.¹⁾ Но если такимъ образомъ ученикамъ Христовымъ было невозможно разомъ отрѣшиться отъ прежнихъ своихъ взглядовъ и убѣжденій и всѣмъ существомъ своимъ воспринять высокія истины, возвѣщаемыя имъ Божественнымъ Учителемъ, на основаніи Его словъ и дѣлъ приобрѣсти непоколебимую увѣренность въ Его Мессіанскомъ достоинствѣ, если поэтому имъ было вполнѣ естественно переживать иногда минуты сомнѣнія и обнаруживать слабость въ вѣрѣ, далеко еще неразвившейся и неукрѣпившейся въ нихъ: то само собою понятно, что разсматриваемые нами рассказы, въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ мы ихъ у Луки и у Марка, внесены этими евангелистами въ свои повѣствованія единственно потому, что они хотѣли быть строго вѣрными дѣйствительности, для чего конечно не было никакой надобности Лукѣ водиться какой либо предвзятой мыслью, Марку списывать у Луки. Доказывать же, что Лука изложилъ названные рассказы такъ, какъ они изложены у него, лишь въ силу опредѣленной тенденціи, проникающей все его Евангеліе, и что Маркъ будучи чуждымъ этой тенденціи, и въ то же время передавъ эти рассказы почти согласно съ Лукою, тѣмъ самымъ обнаружилъ свою зависимость отъ Луки,—доказывать такъ—что именно и дѣлаетъ Бауръ—по меньшей мѣрѣ безъосновательно.

Правда въ подтвержденіе своихъ доказательствъ, Бауръ указываетъ на то, что будто Лука, а вслѣдъ за нимъ и Маркъ съ особенною рѣзкостью и очевидно не безъ намѣренія вы-

¹⁾ Neander Das leben Iesu; funfte Auflage 195, 196 s.

ставляютъ на видъ слабыя стороны учениковъ Христовыхъ, ихъ маловѣріе, ихъ неспособность понимать величіе и силу Иисуса, и что эта рѣзкость невольно бросается въ глаза при сличеніи рассказовъ Луки, а также Марка съ повѣствованіемъ Матѳея. Но едва-ли это такъ. Сопоставивъ рассказы о утишеніи бури, о исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго и о воскресеніи дочери Гаира и исцѣленіи кровоточивой, рассказы, находящіеся у всѣхъ трехъ синоптиковъ, мы не найдемъ у Луки, а также у Марка, слѣдовавшаго, по утверженію Баура, Лукѣ, никакой особенной рѣзкости, никакого преувеличенія по сравненію съ Матѳеемъ.

Останавливаясь на рассказѣ о утишеніи бури, Бауръ говоритъ: уже изъ этого рассказа видно, какъ мало Лука, если сравнить его рассказъ съ рассказомъ Матѳея, желаетъ скрыть слабость въ вѣрѣ учениковъ Иисусовыхъ. Они не просто названы Иисусомъ *δειλοί ὀλιγόπιστοι*, какъ у Матѳея, но Иисусъ спрашиваетъ о томъ, если вообще у нихъ вѣра: *πῶς ἐστὶν ἡ πίστις ὑμῶν*; и между тѣмъ какъ у Матѳея бывшіе въ лодкѣ, полные удивленія, признаютъ величіе Иисуса, у Луки ученики Иисусовы, находясь подъ вліяніемъ страха, произносятъ слѣдующія слова, въ которыхъ проглядываетъ удивленіе: *τίς ἄρα οὗτός ἐστι* и т. д. Выраженіе *φοβηθέντες ἐθαύμασαν* 8, 25 ставитъ ихъ на одну линію съ жителями Гадары, на которыхъ чудо, случившееся между ними, произвело только то впечатлѣніе, что они *ἐφοβήθησαν*,—35. Эти замѣчанія Баура однакожъ несправедливы.—Прежде всего дадимъ себѣ трудъ сличить 8, 25. 26 Матѳея, 4, 38. 39, 40 Марка и 8, 24. 25 Луки. У Матѳея мы читаемъ между прочимъ: ученики Его (Иисуса) подошедши къ Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси насъ, погибаемъ. И говоритъ имъ: что вы такъ боязливы маловѣрные (*τί δειλοί ἐστε ὀλιγόπιστοι*)? У Марка Его (Иисуса) будятъ и говорятъ Ему: Учитель! неужели Тебѣ нѣтъ нужды, что мы погибаемъ? И вставъ Онъ запретилъ вѣтру..... и сказалъ имъ: что вы такъ боязливы? какъ у васъ нѣтъ вѣры

(Τί δεῖλοί ἐστε αὐτοῦ, πῶς οὐκ ἔχετε πίστιν)? Наконецъ у Луки... ученики были въ опасности. И подопедши разбудили Его и сказали: Наставникъ! Наставникъ! погибаетъ. Но Онъ, вставъ, запретилъ вѣтру... сказалъ имъ: гдѣ вѣра ваша (πᾶ ἐστὶν ἡ πίστις ὑμῶν)? — Сличая все это, мы видимъ, что слова упрека, дышащаго впрочемъ любовію и снисходительностію, слова обращенныя Спасителемъ къ ученикамъ, вызваны были извѣстнымъ обстоятельствомъ,—именно тѣмъ, что ученики, при видѣ страшной бури и необыкновенно сильнаго волненія на морѣ, пришли къ мысли о неминуемой гибели, и въ ужасѣ, объявшемъ ихъ при этой мысли, какъ бы забыли о всемогуществѣ своего Божественнаго Наставника. Слѣдов. Спаситель, назвалъ ли Онъ учениковъ Своихъ маловѣрными, по свидѣтельству Матѳея, предложилъ ли имъ вопросъ: какъ у васъ нѣтъ вѣры? гдѣ вѣра ваша? какъ повѣствуютъ Лука и Маркъ, имѣлъ въ виду это именно обстоятельство и упрекнулъ ихъ не въ недостаткѣ или отсутствіи въ нихъ вѣры вообще, но въ недостаткѣ въ нихъ той непоколебимой твердости въ вѣрѣ, обладая которой они были бы въ состояніи сохранить присутствіе и даже полное спокойствіе духа среди великой опасности, ни на минуту не забывая о томъ, что близъ нихъ находится Всемогущій, всегда готовый помочь имъ, ихъ Наставникъ. А послѣ этого мы, какъ кажется, имѣемъ полное право утверждать, что слова, въ которыхъ Евангелисты синоптики передаютъ упрекъ Спасителя, обращенныя къ ученикамъ,—слова хотя и не тождественныя, тѣмъ не менѣе равнозначущи, и вопросы: гдѣ ваша вѣра, какъ у васъ нѣтъ вѣры, которые мы встрѣчаемъ у Луки, а за тѣмъ у Марка, выражаютъ въ сущности не болѣе того, что выражено у Матѳея словомъ маловѣрные—ὀλιγόπιστοι. Что же за тѣмъ касается замѣчанія Баура, которое относится еъ выраженію „φοβηθέντες ἐθαύμασαν“, находящемуся у Луки, то оно, менѣе, чѣмъ всякое другое, имѣетъ основаній назваться справедливымъ. Если Матѳею и Лука дѣйствительно разнятся между собою въ обозначеніи то-

го душевнаго состоянія, которое ученики Спасителя и вообще всѣ, находившіеся съ Нимъ въ лодкѣ, пережили въ первыя мгновенія послѣ чудеснаго утишенія бури, то эта разница состоитъ лишь только въ томъ, что Лука указываетъ на болѣе частный характеристическій моментъ того объявшаго душу спутниковъ Иисусовыхъ чувства, которое у Матѳея названо вообще чувствомъ удивленія (люди же удивляясь, говорили.... *οἱ δὲ ἄνθρωποι ἐθαύμασαν, λέγοντες....*) — Дѣло въ томъ, что удивленіе очевидцевъ утишенія бури далеко не было тѣмъ удивленіемъ, къ которому нерѣдко прилагаютъ эпитетъ „приятнаго“ или „радостнаго.“ Подобнаго рода удивленіе мы обыкновенно испытываемъ при видѣ такихъ предметовъ и явленій, встрѣчи съ которыми мы желали и ожидали, но не такъ скоро, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ, или при открытіи въ извѣстныхъ предметахъ и лицахъ какихъ либо особенно хорошихъ сторонъ, дотолѣ не замѣчаемыхъ и не предполагаемыхъ нами, или наконецъ при неожиданномъ столкновеніи съ такими феноменами, которыхъ мы еще никогда не видали, которые выступаютъ вонъ изъ ряда всего, что мы привыкли считать обыкновеннымъ, но появленіе и свойства которыхъ мы въ состояніи тотчасъ же понять и уяснить себѣ. Но явленіе, очевидцами котораго были спутники Иисусовы,—именно чудесное утишеніе бури—далеко не было обыкновеннымъ, хотя бы и не ожидаемымъ явленіемъ, не было и такимъ явленіемъ, которое, при всей его необыкновенности, можно бы было понять и такимъ образомъ овладѣть имъ, стать выше его. Напротивъ они внезапно увидѣли дѣйствіе необычайной всемогущей силы, силы, для которой достаточно было одного спокойно произнесеннаго слова, чтобы усмирить яростные порывы бури, страшное колебаніе волнъ, силы, въ своемъ могуществѣ стоявшей неизмѣримо выше явленій, способныхъ подавить и обезсилить духъ человѣка. Въ случаяхъ подобнаго рода, даже и менѣе поразительныхъ, удивленіе человѣка достигаетъ высшей своей степени и переходитъ въ изумленіе. Его мысль и воображеніе, пораженные и подавленные, перестаютъ покойно и правильно

совершать свою дѣятельность и даже отказываются дѣйствовать. Его сердце объемлется трепетомъ и ужасомъ и въ первые моменты такого душевнаго состоянія онъ можетъ лишь невольно, почти бессознательно задавать себѣ вопросъ: что же это такое? Все это производитъ съ одной стороны необъятное величіе и грандіозность явленія, съ слабымъ даже подобіемъ которыхъ дотолѣ не приходилось встрѣчаться, съ другой совершенная невозможность, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, понять сущность, внутреннія основы явленія. И описанное сейчасъ душевное состояніе непременно должны были пережить удивленные очевидцы утишенія бури и они дѣйствительно пережили его. Поэтому то Евангелистъ Лука, упомянувъ также какъ и Матѳей, о удивленіи учениковъ Спасителя, въ то же время говоритъ, что они были объаты страхомъ и въ этомъ страхѣ спрашивали другъ друга: кто это такой, что вѣтеръ и волны повинуются Ему. Поэтому же самому Маркъ какъ бы не считаетъ нужнымъ замѣтить, что ученики Спасителя были удивлены, но имѣя въ виду преобладавшее въ ихъ душѣ ощущеніе повѣствуетъ о нихъ и „убоались страхомъ великимъ“. Такимъ образомъ на основаніи разности, которая замѣчается у евангелистовъ — синоптиковъ при опредѣленіи душевнаго состоянія, пережитаго учениками Спасителя въ первые моменты по утишеніи бури, никакъ нельзя придти къ выводу, сдѣланному Бауромъ, т. е., что Лука, упомянувъ о страхѣ, объявленемъ въ это время учениковъ, сдѣлалъ это съ цѣлію выставить ихъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ и поставить ихъ на одну линію съ жителями Гадары и что Маркъ, не замѣтивъ такой тенденціозной цѣли въ разсказѣ Луки,—цѣли, вовсе несогласной съ характеромъ его Евангелія, внесъ этотъ разсказъ безъ всякихъ измѣненій въ свое повѣствованіе и тѣмъ между прочимъ обнаружилъ свою несамостоятельность, свою зависимость отъ Луки. Напротивъ упомянутая разность скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ три синоптика, описывая случившееся на морѣ событіе и душевное состояніе спутниковъ Иисусовыхъ во время этого событія, говорили о фактѣ хорошо имъ извѣстномъ и изла-

гали его свободно и независимо другъ отъ друга; вслѣдствіе чего Матѳей, не вдаваясь въ подробный анализъ душевнаго состоянія учениковъ Спасителя, сдѣлалъ лишь общее опредѣленіе его—назвалъ удивленіемъ, между тѣмъ Лука, а также Маркъ, остановившись съ большимъ вниманіемъ на этомъ состояніи, упомянули въ своихъ повѣствованіяхъ и о главномъ, преобладавшемъ въ душѣ Иисусовыхъ спутниковъ ощущеніи и замѣтили, что они убоялись (Лук.), убоялись при томъ страхомъ великимъ (Марк.); при чемъ однакожъ замѣчанія синоптиковъ—евангелистовъ остались въ высшей степени вѣрными психологически.

Рѣзкое отличіе Луки и вмѣстѣ съ тѣмъ и Марка отъ Матѳея, при изложеніи разсказа о исцѣленіи кровоточивой, Бауръ видитъ въ томъ, что у Луки и Марка на вопросъ Иисуса: „кто прикоснулся ко Мнѣ?“ Петръ и прочіе ученики возражаютъ: Наставникъ! Множество народа окружаетъ и тѣснитъ Тебя, и Ты спрашиваешь: кто прикоснулся ко Мнѣ!—и возражая такъ, предполагаютъ въ Иисусѣ способность ошибаться; между тѣмъ у Матѳея ни вопроса Иисусова, ни возраженія учениковъ мы не находимъ. Но изъ возраженія вовсе не видно, чтобы возражавшіе предполагали, будто ихъ Наставникъ способенъ ошибаться. Своимъ возраженіемъ Петръ и прочіе ученики хотѣли прежде всего и главнымъ образомъ сказать своему Наставнику только то, что они не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта на Его вопросъ, такъ какъ при множествѣ народа невозможно замѣтить, кто именно прикоснулся къ Нему въ извѣстный моментъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они какъ бы хотѣли показать Иисусу, что прикосновеніе, о которомъ Онъ говоритъ, вполне возможно и даже неизбежно, такъ какъ безчисленныя толпы народа „угнетаютъ и тѣснятъ Его“. Такимъ образомъ слова, которыя высказали Петръ и прочіе ученики на вопросъ Спасителя, очень естественны и согласны съ тѣмъ, что находилось въ то время предъ глазами Иисусовыхъ путниковъ. Особенно-же являются естественными эти слова въ устахъ Петра, которому соб-

ственно евангелисты и приписываютъ ихъ, и который, по своему пылкому и воспримчивому характеру, всегда говорилъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, подъ вліяніемъ, такъ сказать, минуты, не давая себѣ труда ни надлежащимъ образомъ обдумать тѣхъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ и тѣхъ словъ, по поводу которыхъ говорилъ, ни взвѣснить тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ рѣшался дѣйствовать. ¹⁾ Если-же ни вопроса, предложеннаго Иисусомъ ни отвѣта на него учениковъ мы не встрѣчаемъ у Матѳея, то на основаніи этого мы не въ правѣ однакожъ заключать, что вопросъ и отвѣтъ не болѣе какъ провольная прибавка, сдѣланная Лукою съ извѣстною предвзятою цѣлюю. Это не вымышленная, а дѣйствительная частная черта, которая опущена Матѳеемъ, по которую Лука счелъ неизлишнимъ внести въ свое повѣствованіе. Вопросъ Христа Иисуса, сдѣланный Имъ очевидно съ цѣлію побудить несчастную женщину высказаться, вполне гармонируетъ съ характеромъ всей дѣятельности нашего Спасителя, направлявшаго всѣ Свои слова и дѣйствія къ тому, чтобы расположить всѣхъ труждающихся и обремененныхъ добровольно и съ вѣрою приходить къ Нему и, не опасаясь людей, не стыдясь гнетущихъ ихъ слабостей и недостатковъ, прямо и искренно заявлять Ему о своихъ нуждахъ. Не можемъ не привести здѣсь прекрасной замѣтки одного ученаго богослова (Ольегаузена), сдѣланной имъ по поводу вопроса Спасителя: кто прикоснулся ко Мнѣ? на всякое исцѣленіе, совершенное Иисусомъ, говоритъ Ольегаузенъ,

---

¹⁾ Христось почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ Его одеждѣ и спросилъ, кто-бы это былъ. Петръ, по обыкновенію, выслушиваетъ одинъ за всѣхъ учениковъ вопросъ и говоритъ по своему искреннему (свободному отъ всякой задней мысли) мнѣнію, такъ какъ онъ не могъ видѣть, что сдѣлала женщина: какъ можешь Ты, находясь въ тѣснотѣ, удивляться тому, что народъ близко подходитъ къ Тебѣ и прикасается къ Тебѣ. Nender, Das Leben Jesu 249 s.

должно смотрѣть, какъ на исполнѣе сознательное Его дѣйствіе, которое всегда стояло въ тѣсной связи съ исцѣленной личностію и съ нравственнымъ ея состояніемъ. Желаніе нравственно утѣшить женщину послужило для Иисуса, знавшаго объ ея ослабляемой стыдомъ вѣрѣ, поводомъ къ тому, чтобы обнаружить ея тайный поступокъ. Не обращаясь прямо къ ней Онъ однако же принуждаетъ ее выступить впередъ добровольно, препобѣдить ложный стыдъ, который удерживалъ ее отъ того, чтобы открыто объявить Господу свою нужду. Въ незамѣтномъ ни для кого приближеніи женщины къ Господу съ цѣлью прикоснуться къ Его одеждѣ сказывалась вѣра, но поступокъ ея не былъ открытымъ для всѣхъ, поступкомъ безъ задней, такъ сказать, мысли; страхъ передъ людьми и ложная застѣнчивость удерживали ее отъ такого поступка и ихъ то нужно было препобѣдить. Несчастной женщинѣ слишкомъ трудно было заявить о своей нуждѣ до исцѣленія, открыто высказаться передъ народомъ и потому любвеобильный Господь облегчилъ для нея эту трудность, позволилъ открыться ей уже по исцѣленіи. Но Онъ не хотѣлъ освободить ее отъ всенароднаго признанія, ибо такое признаніе должно было способствовать ея рожденію въ новую жизнь. Такимъ-то образомъ мы находимъ нравственную точку и убѣждаемся, что во Христѣ все должно быть объясняемо Его любовію, въ силу которой Онъ желаетъ нашего временнаго и вѣчнаго блага. Впрочемъ, быть можетъ, спросить, неизлишнимъ-ли былъ вопросъ Христа: *τίς ὁ ἀψάμενός με*, если Онъ зналъ, кто прикоснулся къ Нему? Но пусть только вспомнятъ о томъ, что Христосъ хотѣлъ привести женщину къ добровольному сознанию, и Его вопросъ никому не покажется излишнимъ, такъ же какъ вопросъ отца: “кто это сдѣлалъ?”, когда онъ предлагаетъ его дѣтямъ, хорошо зная виновнаго, но въ тоже время желая, чтобы онъ добровольно сознался въ винѣ.

Еще разительнѣе, по Бауру, отличіе Луки (а слѣд. и Марка) отъ Матѳея въ рассказахъ о воскрешеніи дочери Іаира. Если, по словамъ Баура, у Матѳея только народъ смѣялся

надъ Иисусомъ, когда Онъ сказалъ, что дѣвица не умерла, и только къ народу относилось приказаніе Иисуса выйти вонъ изъ дома: то по разсказу Луки приказаніе это относилось и къ ученикамъ Иисусовымъ и притомъ къ лучшимъ изъ нихъ, такъ какъ и они, что будто бы видно изъ разсказа Луки, принимали участіе въ насмѣшкахъ народа, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, что въ состояніи былъ сдѣлать ихъ Учитель. То есть это разительное различіе, по мнѣнію Баура, состоитъ въ томъ, что въ повѣствованіи Луки о воскресеніи Іаировой дочери ученики Иисусовы являются въ высшей степени маловѣрными и слѣдовательно заслуживающими того, чтобы Учитель ихъ былъ до крайности ими недоволенъ. Но это однакожь совершенно не такъ, и со вниманіемъ разобравши разсказъ Луки, мы придемъ къ совершенно обратному заключенію—именно къ тому заключенію, что если въ разсказахъ о утишеніи бури и о исцѣленіи кровоточивой, какъ они изложены у Луки, ученики Христовы являются недостаточно твердыми въ вѣрѣ въ своего Учителя: то въ разсказѣ о воскресеніи дочери Іаира мы не найдемъ ни одной черты, на основаніи которой можно бы было заключить о маловѣрїи учениковъ и о томъ, что Спаситель былъ ими недоволенъ. Выписываемъ послѣдніе стихи 9-й гл. Еванг. Луки, на основаніи которыхъ Бауръ дѣлаетъ свой выводъ. Пришедши въ домъ, Иисусъ не позволилъ войти никому, кромѣ Петра, Іакова Іоанна и отца дѣвицы и матери. Всѣ плакали и рыдали о ней; но Онъ сказалъ не плачьте; она не умерла, но спитъ. И смѣялись надъ Нимъ, зная, что она умерла. Онъ же выслалъ всѣхъ вонъ, и взявъ ее за руку, возгласилъ: дѣвица встань. И возвратился духъ ея; она тотчасъ встала, и Онъ велѣлъ дать ей ѣсть. И удивлялись родители ея. Онъ же повелѣлъ имъ не сказывать никому о происшедшихъ (51—56). Бауръ 51 стихъ отдѣляетъ отъ послѣдующихъ стиховъ, какъ бы между ними не было никакой внутренней связи и то, о чемъ упоминается въ 52—54 ст. (именно—о плачѣ, рыданіи, насмѣшкахъ, приказаніи выйти вонъ) относитъ къ тѣмъ лицамъ, ко-

торымъ Христосъ позволилъ войти въ домъ. — Но это совершенно безосновательно. Напротивъ между 51 и послѣдними стихами находится тѣсная связь — именно слѣдующіе за 51 стихи указываютъ на причину, по которой Спаситель не позволилъ никому войти въ домъ, кромѣ трехъ учениковъ Своихъ и родителей умершей, такъ какъ очевидно, что предикаты, выраженные словами: плакали, рыдали, смѣялись, знали, что она умерла, — взятые вмѣстѣ могутъ быть отнесены только къ тѣмъ, коимъ не позволено было войти въ домъ, къ той толпѣ, которая давно уже собралась около жилища Іаира изъ любопытства и, по заведенному обычаю, громко и шумно выражала сожалѣніе, будучи въ тоже время способною мгновенно перейти отъ плача къ глумленію, и которая поэтому недостойна была присутствовать при совершеніи великаго чуда. Ибо если указанные предикаты въ ихъ совокупности отнести къ лицамъ, которыхъ Спаситель взялъ съ Собою въ домъ, то необходимо придти къ самымъ страннымъ и неестественнымъ представленіямъ объ этихъ лицахъ. Правда родители умершей могли плакать и рыдать и конечно это было такъ на самомъ дѣлѣ. Что касается до трехъ учениковъ, введенныхъ въ домъ, то они, какъ люди совершенно посторонніе и чужіе, никакимъ образомъ не могли плачемъ и рыданіемъ выражать своего сочувствія горю родственниковъ дѣвицы, подобно наемнымъ плакальщикамъ. Далѣе — положительно знать о томъ, что дѣвица умерла, могли также одни только ея родители, но никакъ не вошедшіе вмѣстѣ съ ними во внутренность жилища ученики, которые не присутствовали при кончинѣ умершей и при бѣгомъ взглядѣ на нее въ первыя немногія мгновенія своего присутствія въ домѣ не имѣли возможности замѣтить вѣрныхъ признаковъ смерти. Если они слышали отъ другихъ, что дѣвица умерла, то въ то же время ихъ Учитель говорилъ, что она только спитъ и совѣтывалъ не отчаяваться. Наконецъ смѣяться надъ Спасителемъ не могли ни родители дѣвицы, ни Его ученики. Первые потому, что глумленіе, насмѣшка никакимъ образомъ несомвѣстны съ истинной и глубокой горестію, по-

слѣдніе—уже по той одной причинѣ, что положительно не были увѣрены въ дѣйствительности смерти дочери Іаира. Нельзя не замѣтить при этомъ, что Бауръ, стараясь въ разсказѣ Луки о воскрешеніи дочери Іаира найти доказательства своей предвзятой мысли о преднамѣренномъ (будто-бы) желаніи этого Евангелиста выставить учениковъ Христовыхъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, какъ бы теряетъ изъ виду главное положеніе, къ подтвержденію котораго Онъ исключительно и направляетъ всю свою аргументацію — то именно положеніе, что Маркъ находится въ зависимости отъ Луки. Вслѣдствіе этого Бауръ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою,—такъ что на основаніи сказаннаго имъ о послѣднемъ изъ разсматриваемыхъ разсказовъ Луки — о разсказѣ о воскрешеніи дочери Іаира необходимо придти не къ тому заключенію, къ которому приходитъ онъ, но къ совершенно противоположному. Въ самомъ дѣлѣ если придать разсказу Луки о воскрешеніи дочери Іаира тотъ именно смыслъ, который придаетъ ему Бауръ, то необходимо признать, что Еванг. Маркъ въ своемъ параллельномъ разсказѣ расходится съ Лукою не въ незначительныхъ частностяхъ, а въ существенныхъ чертахъ, такъ какъ изъ его разсказа ясно видно, что три ученика Спасителя не принимали никакого участія въ насмѣшкахъ и во всѣхъ вообще дѣйствіяхъ толпы, собравшейся у дома и въ домѣ Іаира, и присутствовали вмѣстѣ съ родителями умершей при ея воскрешеніи; но признавъ то, что Маркъ расходится съ Лукою въ существенныхъ чертахъ, необходимо признать то, что первый Евангелистъ излагалъ свой разсказъ независимо отъ послѣдняго. Если же на оборотъ согласиться съ Бауромъ, что Маркъ расходится съ Лукою въ частностяхъ, не заслуживающихъ почти вниманія, то неизбѣжно слѣдуетъ за разсказомъ Луки о воскрешеніи дочери Іаира признать тотъ смыслъ, какой мы ему придали, и который дѣлаетъ его существенно сходнымъ съ параллельнымъ разсказомъ Марка, отвергнуть всякую мысль о тенденціозности Луки, будто бы замѣтной при изложеніи названнаго разсказа и затѣмъ вывести то заключеніе, что оба

Евангелиста повѣствуя объ одномъ и томъ же историческомъ событіи, излагали его обстоятельства совершенно независимо другъ отъ друга, почему, будучи вообще совершенно согласными между собою, разошлись лишь въ незначительныхъ частностяхъ. И такъ и въ томъ и другомъ случаѣ выводъ совершенно противоположный выводу Баура, хотя и основанный на его же словахъ—выводъ притомъ единственно правильный, къ которому неминуемо должно привести безпристрастное и внимательное разсмотрѣніе обоихъ параллельныхъ рассказовъ. И вообще разсматриваемое отдѣленіе у Марка при всемъ сходствѣ съ параллельнымъ отдѣленіемъ у Луки представляетъ немало данныхъ, неоспоримо свидѣтельствующихъ о независимости Марка при изложеніи этого отдѣленія. Такъ рассказъ Марка о утишеніи бури представляетъ почти полное сходство съ рассказомъ Луки о томъ же событіи. И однакоже при внимательномъ разсмотрѣніи его мы увидимъ, что Маркъ совершенно иначе, нежели Лука, относится къ тому, что онъ рассказываетъ, совершенно своеобразно. Между тѣмъ какъ Лука, повѣствуя о чудѣ, совершенномъ Спасителемъ, упоминаетъ о частныхъ обстоятельствахъ этого чуда, затѣмъ только, чтобы рассказъ Его былъ полнымъ рассказомъ, а не короткой и сухой замѣткою, изъ которой можно бы было узнать только, что Спаситель въ извѣстное время утишилъ бурю, и так. обр. придаетъ этимъ частнымъ обстоятельствамъ настолько значенія, насколько они имѣютъ отношеніе къ главному факту или такъ или иначе отбѣняютъ его: для Марка напротивъ всѣ даже самыя незначительныя обстоятельства, сопровождавшія излагаемое имъ чудесное событіе, имѣютъ цѣну и значеніе сами по себѣ. Съ поразительною ясностію предносятся они предъ его умственнымъ взоромъ, такъ что онъ какъ бы видитъ ихъ на самомъ дѣлѣ. И онъ съ любовію останавливается на нихъ и всѣмъ имъ даетъ мѣсто въ своемъ рассказѣ. Отъ этого въ рассказѣ Марка появляются хотя тонкія и едва уловимыя, но тѣмъ не менѣе дышащія сердечною теплотою и объективною жизненностію черты, благодаря которымъ внимательный читатель какъ

бы видить все событіе неснѣшно проходящимъ предъ нимъ и съ сочувствіемъ начинаетъ относиться къ частностямъ его сопровождавшимъ. Видить онъ здѣсь, какъ подъ покровомъ вечерняго полумрака вмѣстѣ съ лодкою, вмѣщавшею Спасителя и Его учениковъ, отправляются въ путь и другія суда, видитъ, какъ засыпаютъ на кормѣ на возглавіи Божественный Учитель, утомленный трудами дня, и какъ Его ученики, въ нѣжной заботливости о Немъ, не хотятъ беспокоить Его и въ томъ положеніи, въ какомъ Онъ находился, берутъ Его съ собою и отплываютъ, отпустивши предварительно народъ; видитъ наконецъ какъ эти же самые ученики, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ обнаружившіе дѣтскую горячую любовь къ своему Наставнику, обращаются къ Нему даже съ упрекомъ, будучи объаты ужаснымъ предчувствіемъ близкой гибели — упрекомъ, въ которомъ слышится раздраженіе.

Все это такія оригинальныя черты, которыхъ мы не находимъ у Луки и которыя несомнѣнно говорятъ о самостоятельности писателя, внесшаго ихъ въ свой рассказъ. Такое существенное различіе въ содержаніи отражается и въ языкѣ. Тогда какъ Лука употребляетъ глаголы по большей части въ формѣ аорисговъ, у Марка они облечены въ формы настоящаго и прошедшаго несовершеннаго времени.

Бауръ находить еще и другія частныя доказательства зависимости Марка отъ Луки въ разсматриваемомъ отдѣленіи. Но доказательства эти у Баура основываются главнымъ образомъ на томъ напр., что у Марка нѣтъ извѣстныхъ словъ, которыя находятся у Луки и наоборотъ, и потому мы не станемъ разсматривать и опровергать эти доказательства. Это повело бы насъ къ сухому, слишкомъ кропотливому, разбору отдѣльных словъ и фразъ — разбору, который послѣ сказаннаго уже нами по поводу разсматриваемаго отдѣленія, ничего не прибавилъ бы къ сущности дѣла.

Н. Елеонскій.

О ЕВАНГЕЛИИ ОТЪ МАРКА. *)

Марк. 6. 1—8, 26.

(Содержаніе: невѣріе, обнаруженное жителями Назарета 6, 1—6; посланіе 12-ти Апостоловъ 6, 7—13; умерщвленіе Крестителя 6, 14—29; насыщеніе 5-ти тысячъ челоуѣкъ 6, 30—44; хожденіе Иисуса по водамъ 6, 45—53; исцѣленіе больныхъ 6, 54—56; рѣчь Иисуса объ умоушеніи рукъ 7, 1—23; исцѣленіе дочери Хананейской женщины 7, 24—30; исцѣленіе глухонѣмаго 7, 31—37; насыщеніе 4-хъ тысячъ челоуѣкъ 8, 1—9; требованіе знаменія фарисеями и рѣчь о фарисейской закваскѣ 8, 10—21; исцѣленіе слѣпаго въ Виносадѣ 8, 21—26).

Параллельныя мѣста, соотвѣтствующія повѣствованіямъ этого отдѣленія находятся, главнымъ образомъ, у Матѳея, за исключеніемъ разсказовъ о посланіи 12-ти Апостоловъ, насыщеніи 5-ти т. челоуѣкъ, которые находятся также и у Луки, и разсказовъ о исцѣленіи глухонѣмаго и слѣпаго, которые встрѣчаются только у Марка.

Такъ какъ, зависимость Марка отъ Матѳея, Бауръ поставляетъ выше всякаго сомнѣнія, считаетъ ее нетребующею доказательствъ, то онъ и не останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на указанномъ отдѣленіи. Онъ дѣлаетъ лишь бѣглыя замѣчанія, по поводу разностей, отличающихъ Марка отъ Матѳея, причемъ, конечно, старается и въ этихъ разностяхъ, какъ бы нибыли они существенны, найти подтвержденіе доказываемаго имъ положенія, о не самостоятельности Марка. Нѣсколько долѣе останавливается Бауръ, только на разсказахъ, принадлежащихъ одному Марку. — Если и въ предшествующихъ довольно обширныхъ разсужденіяхъ, Бауръ является не состоятельнымъ, то еще болѣе несостоятельности мы видимъ въ его

*) Окончаніе.

бѣглыхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ по поводу разсматриваемаго отдѣленія. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній.

Прежде всего Бауръ останавливается на томъ порядкѣ, въ которомъ, одинъ за другимъ, слѣдуютъ рассказы Марка объ обнаруженіи невѣрія, жителями Назарета, и о посланіи 12-ти Апостоловъ на проповѣдь. Рассказъ о невѣріи назаретянъ, у Марка, предшествуетъ повѣствованію о посланіи 12-ти Апостоловъ. Между тѣмъ какъ у Матоея наоборотъ: наставленія Спасителя Апостоламъ, при ихъ отправленіи, для возвѣщенія Евангелія, у этого Евангелиста помѣщены гораздо прежде разсказа о Назаретскомъ событіи. Бауръ однакожь не придаетъ такому различію никакого значенія; по его мнѣнію оно объясняется „очень просто“. Маркъ хотѣлъ, въ своемъ повѣствованіи, представить Иисуса, входящимъ въ Назаретъ, вмѣстѣ съ своими учениками. Но еслибы Онъ, о посланіи 12-ти Апостоловъ, разсказалъ прежде, чѣмъ о происшествіи въ Назаретѣ, то онъ не могъ бы уже сказать, что при входѣ Иисуса въ свой отечественный городъ, Онъ былъ сопровождаемъ своими учениками. Это-то и было для Марка побудительною причиною отступить отъ порядка Матоеева повѣствованія. Но очевидно, что такое объясненіе Баура, настолько же безоспозвательно и странно,—если не сказать болѣе.—насколько „просто“. Вѣроятно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы Маркъ рѣшился, въ своемъ повѣствованіи, давать то или другое мѣсто событіямъ, располагать ихъ по произволу, съ тою единственно цѣлію, чтобы выполнить намѣреніе, для котораго, едвали возможно прискаты болѣе или менѣе, достаточныя основанія, которое не могло быть вызвано ни планомъ повѣствованія, ни цѣлями, приписываемыми Бауромъ, писателю Маркова Евангелія. Это должно казаться невѣроятнымъ и съ точки зрѣнія самаго Баура, который считаетъ Марка писателемъ, вполне зависимымъ отъ Матоея, имѣвшимъ его Евангеліе постоянно передъ глазами, при составленіи своего разсказа, должно показаться невѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что у Марка разсказъ о посланіи Апостоловъ помѣщенъ, не только послѣ Назаретскаго событія, но и послѣ

притчи о сѣятелѣ, послѣ разказа объ обвиненіи Спасителя, въ сношеніяхъ съ Вельзевуломъ, между тѣмъ какъ Матѳеѣй, о посланіи апостоловъ, говоритъ прежде всего этаго. И, имѣя въ виду различіе между Матѳеємъ и Маркомъ, въ расположеніи двухъ указанныхъ разказовъ, всего естественнѣе, какъ кажется, придти къ мысли о самостоятельности Марка, о его независимости отъ Матѳея, а также и отъ Луки.

Далѣе Бауръ останавливается на частныхъ разностяхъ въ разказахъ объ обнаруженіи невѣрія, жителями Назарета, и о посланіи 12-ти апостоловъ. Такъ, по Марку, жители Назарета называютъ Спасителя сыномъ Маріи, по Лукѣ же, сыномъ Іосифа; за тѣмъ, по Марку, плотникомъ, а по Матѳею, только сыномъ плотника. По мнѣнію Баура, Маркъ намѣренно поставилъ вмѣсто „сынъ Іосифовъ“ „сынъ Маріи“ съ цѣлію сдѣлать указаніе на Божественное происхожденіе Іисуса, о которомъ невѣрующіе жители Назарета ничего конечно не знали и потому не могли сдѣлать на него подобнаго указанія. Въ названіи „плотникъ“ Бауръ видитъ видоизмѣненіе названія „сынъ плотниковъ“, видоизмѣненіе, подобное тѣмъ, которыя обыкновенно дѣлаются при повѣствованіяхъ о извѣстныхъ событіяхъ при переходѣ изъ устъ въ уста, и которыя, несомнѣнно, свидѣтельствуя о томъ, что заключающій ихъ разказъ—разказъ далеко не первоначальный, а лишь передѣлка первоначальнаго. Что касается первой замѣтки Баура, о названіи Іисуса „сыномъ Маріи“, то очень справедливо по ея поводу замѣчаетъ Мейеръ: „какъ будто Маркъ неимѣлъ случая и умѣнья сдѣлать болѣе точнаго и опредѣленнаго указанія на Божественное происхожденіе Іисуса? И въ самомъ дѣлѣ, подобное объясненіе могло родиться развѣ только въ головѣ Баура, поставившаго своею задачею, во чтобы то ни стало доказать зависимость Марка отъ Матѳея и Луки. Можно гораздо проще и естественнѣе объяснить то, почему у Марка, въ отличіе отъ прочихъ евангелистовъ, стоитъ „ὁ υἱὸς Μαρίας“ и притомъ объяснить не въ ущербъ самостоятельности этаго евангелиста. Маркъ, подобно Матѳею и Лукѣ, въ 3 ст. 6 гл. передаетъ не свои

собственные слова, но слова жителей Назарета, разсуждавшихъ о Иисусѣ, послѣ его поученія въ синагогѣ. Но конечно рѣчи толпы, разсуждавшей о Спасителѣ, не были, отъ слова до слова, похожи одна на другую и въ то время, какъ одни называли его сыномъ Іосифа, другіе, быть можетъ, называли только сыномъ Маріи; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ то время, безъ сомнѣнія, Іосифа не было уже въ живыхъ. Это-то разнообразіе въ рѣчахъ Назаретянъ отразилось и на повѣствованіяхъ Евангелистовъ и было причиною незначительныхъ разностей между ними, нисколько не свидѣтельствующихъ о зависимости одною изъ нихъ отъ другаго,—причиною того, что у Луки, мы читаемъ: *ὁ υἱὸς Ἰωσήφ*, у Матѳея *ὁ τῷ τέκτονος υἱός*, у Марка наконецъ *ὁ υἱὸς Μαρίας*.—Точно также и названія *τέκτων* нисколько не свидѣлствуетъ о зависимости Марка отъ Матѳея, о томъ, что будто повѣствованіе его есть позднѣйшее видоизмѣненіе болѣе самостоятельнаго Матѳеева разсказа. По народному, издавна укоренившемся, обычаю, каждый еврей непременно долженъ былъ знать какое нибудь ремесло. Слѣдовательно и Спаситель нашъ, какъ человѣкъ, будучи евреемъ по происхожденію, долженъ былъ научиться чему нибудь.

Поелику же Іосифъ, который почитался Его отцемъ и, въ домѣ котораго Онъ жилъ, по крайней мѣрѣ въ годы дѣтства и отрочества (Лук. 2. 40 51), занимался древодѣланіемъ: то естественно предположить, что занятіе Іосифа сдѣлалось и Его занятіемъ и Онъ, будучи „сыномъ плотника“, въ тоже время и Самъ былъ плотникомъ, „τέκτων“. Поэтому названіе *τέκτων*, встрѣчаемое у Евангелиста Марка, никакъ не можетъ быть признано произвольнымъ видоизмѣненіемъ названія *ὁ τῷ τέκτονος υἱός*. Жители Назарета имѣли полное право назвать, такъ Иисуса, разсуждая о Немъ и, конечно, называли; и, такимъ образомъ, „τέκτων“ Марка есть повтореніе того, что, дѣйствительно, было сказано людьми, близко знакомыми съ частною жизнію Спасителя. Если же у Матѳея стоитъ не *τέκτων*, а только *ὁ τῷ*

τέχτωνος υἱός, то эта разность можетъ быть признана слѣдствиемъ той же причины, по которой у Луки мы встрѣчаемъ ὁ υἱός Ἰωσήφ, а у Марка ὁ υἱός Μαρίας.

Въ развазѣ о посланіи Апостоловъ на проповѣдь отличіе Марка отъ Матѳея, а также отъ Луки состоитъ въ томъ, что, по Марку, Спаситель позволяетъ своимъ ученикамъ брать въ дорогу посохъ и сандаліи, тогда какъ, по Матѳею и Лукѣ, онъ запрещаетъ имъ имѣть при себѣ и эти вещи. Въ этомъ отличіи Бауръ видитъ несомнѣнные слѣды рефлексіи, критическаго отношенія Марка къ рассказамъ другихъ синоптиковъ вслѣдствіе чего, онъ, Маркъ счелъ излишнимъ ригоризмомъ такое запрещеніе и произвольно смягчилъ этотъ ригоризмъ, чѣмъ и обнаружилъ свою зависимость. Но какъ мало оснований для такого заключенія Баура находится въ самыхъ рассказахъ синоптиковъ, видно уже изъ того, что Мейеръ, который совершенно расходится съ Бауромъ во взглядѣ на Еванг. Марка, утверждаетъ на основаніи тѣхъ же рассказовъ, что не Маркъ, а напротивъ Матѳей, и Лука произвольно отступили отъ Марка слѣбали произвольное преувеличеніе, сказавъ, что Спаситель запретилъ своимъ ученикамъ брать въ дорогу даже посохъ и сандаліи. Да и можно ли допустить, чтобы въ первыя времена христіанства писатель Евангельской исторіи, кто бы онъ ни былъ, рѣшился измѣнять слова Спасителя, записанныя другими потому только, что они показались ему слишкомъ строгими или же наоборотъ не достаточно строгими? Правда и въ то время были личности, которыя, преслѣдуя свои цѣли, позволяли себѣ искажать Еванг. исторію и смыслъ ученія Христа; но то были еретики. Писатель же Маркова Евангелія, что видно изъ того же Евангелія; вовсе не принадлежалъ къ подобнымъ личностямъ и если, по словамъ Баура, онъ также преслѣдовалъ свою цѣль, состоявшую въ примиреніи крайностей между Матѳеемъ и Лукою, то эту цѣлью никакимъ образомъ не могла обусловиться разсматриваемая нами разность, тѣмъ болѣе, что запрещеніе брать ученикамъ въ путь посохъ и сандаліи, котораго не находимъ въ Марк. Евангеліи, нахо-

дится какъ у Матѳея, такъ у Луки. Подобныя разности легко и удовлетворительно могутъ быть объяснены тѣмъ, что лица, слышавшія поученія Спасителя, хотя и сохранили въ своемъ сердцѣ истинный смыслъ этихъ поученій во всей его чистотѣ тѣмъ не менѣе не могли, что вполне естественно, отъ слова до слова, отъ буквы до буквы запомнить рѣчей Божественнаго наставника и потому не могли при ихъ передачѣ другимъ не допустить нѣкоторыхъ не значительныхъ разностей между собою. И наконецъ къ чему такая мелочность, такая привязчивость къ словамъ! Они тѣмъ менѣе извинительны, что тѣ разности у синоитиковъ въ наставленіяхъ Спасителя ученикамъ, на которыхъ останавливается Бауръ, нисколько не измѣняютъ существеннаго смысла этихъ наставленій. Такъ прочтемъ ли мы 9 и 10 ст. 10 гл. Матѳея, или 3 ст. 9 гл. Луки, или наконецъ 9 и 10 ст. 6 гл. Марк., и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ мы встрѣтимся съ одною и тою же мыслию,—именно увидимъ, что Спаситель нашъ желалъ предохранить своихъ учениковъ отъ излишней заботливости о матеріальныхъ нуждахъ,—заботливости свойственной людямъ, невѣрующимъ въ Божественный промыслъ.

Въ разсказѣ о посланіи Апостоловъ у Марка говорится еще, что Спаситель посылалъ своихъ учениковъ по два. Бауръ и въ этомъ видитъ доказательство того, что Маркъ, при изложеніи своего разсказа, не упуская изъ виду Матѳея, придерживался главнымъ обр. Луки, такъ какъ Лука, говоря о семидесяти, замѣчаетъ, что они были посылаемы на проповѣдь именно по два. Но скорѣе Маркъ упомянулъ о посланіи Апостоловъ по два не потому, что придерживался другихъ Евангелистовъ, но потому единственно, что фактъ, на который онъ указываетъ, былъ дѣйствительнымъ и общеизвѣстнымъ между христіанами первыхъ вѣковъ. Да иначе и не могло быть. Ибо посылая своихъ учениковъ на проповѣдь, захотѣлъ ли бы Спаситель послать ихъ всѣхъ вмѣстѣ? Не говоря уже о томъ, что совокупное путешествіе неминуемо было бы сопряжено со многими неудобствами какъ для учениковъ, такъ и для тѣхъ, у

которыхъ имъ нужно было, по заповѣди Спасителя, останавливаться,—кромѣ этого такое путешествіе повлекло бы за собою слишкомъ медленное распространеніе проповѣди по городамъ и селеніямъ Іудейскимъ. А Спаситель желалъ, конечно, противнаго.

Странными и въ высшей степени не самостоятельными, какъ уже замѣчали мы, кажутся выводы Баура, къ которымъ приходитъ онъ, имѣя въ виду незначительныя разности между Маркомъ и Матѳеемъ, а также и Лукою въ рассказѣ о посланіи Апостоловъ. Но еще болѣе странными и несостоятельными должны показаться они, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Бауръ, останавливаясь на разностяхъ незначительныхъ, какъ бы не замѣчаетъ очень важнаго различія между Маркомъ и Матѳеемъ въ разсматриваемомъ нами рассказѣ, различія, которое никакимъ образомъ не можетъ быть объяснено удовлетворительно въ пользу взглядовъ Баура. Сличая повѣствованіе Марка о посланіи Спасителемъ учениковъ съ повѣствованіемъ Матѳея о томъ же, мы находимъ, что у Марка наставленія Спасителя, изложены по сравненію съ Матѳеемъ очень кратко; у него мы не находимъ многого изъ того что читаемъ у Матѳея. Бауръ старается не видѣть въ этомъ ничего особеннаго и говоритъ, что изъ краткости замѣчаемой у Марка слѣдуетъ только-то, что Маркъ рассказываемому имъ событію не придавалъ никакого особеннаго значенія и помѣстилъ его у себя только потому, что ему казалось не удобнымъ пройти молчаніемъ фактъ, который составляетъ существенную часть (ein eigenthümlicher Bestandtheil) Еванг. исторіи. Но очевидно, что такое объясненіе ничего не объясняетъ тѣмъ болѣе, что оно страдаетъ отсутствіемъ логической послѣдовательности. Ибо если Маркъ помѣстилъ въ своемъ повѣствованіи рассказъ о посланіи Апостоловъ, какъ о такомъ фактѣ, который составляетъ существенную часть Евангельской исторіи, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ придавалъ этому событію серьезное значеніе. А еслибы онъ не придавалъ ему никакого особеннаго значенія, то онъ опустилъ бы его; (какъ и многое

другое, что мы находимъ у другихъ синоптиковъ и не находимъ у Марка). Пунтомъ же различіе между Маркомъ и Матѳеемъ состоитъ не въ постановкѣ самого событія, а какъ мы сказали, въ краткости, съ какою переданы Маркомъ обстоятельства этого событія. Но если Маркъ, руководствуясь Матѳеемъ счелъ нужнымъ помѣстить въ своемъ Евангеліи рассказъ о посланіи Апостоловъ, найденный имъ Матѳеемъ, то для него послѣ этого не могло быть никакихъ побужденій излагать въ такомъ сокращенномъ видѣ наставленія Спасителя, въ какомъ онъ изложилъ ихъ. Напротивъ, еслибы Маркъ имѣлъ предъ своими глазами Евангеліе Матѳея, какъ это утверждаетъ Бауръ, то онъ непременно изложилъ бы сполна поученіе Спасителя преподанное имъ Апостоламъ. Къ этому побудили бы его какъ сердечная теплота и трогательность поученія, такъ и глубина и возвышенность заключающихся въ немъ мыслей. Но поелнку у Марка наставленія Спасителя ученицамъ изложены въ самомъ сокращенномъ видѣ и мы не находимъ у него многого изъ того, что есть у Матѳея: то необходимо слѣдуетъ признать что Маркъ не изъ Евангелія Матѳея, а совершенно изъ другаго самостоятельнаго источника почерпнулъ свой рассказъ о посланіи Апостоловъ на проповѣдь, также какъ и прочіе рассказы, составляющіе его Евангельское повѣствованіе.

Замѣчанія Баура на прочіе частные рассказы разсматриваемаго нами отдѣленія еще короче, еще бѣгѣе и безосновательнѣе чѣмъ тѣ, которыя мы сейчасъ разобрали. Касаясь преимуществу частныхъ подробностей, отдѣльныхъ словъ и выраженій, находящихся только у одного Марка и такимъ образомъ отличающихъ его повѣствованіе отъ повѣствованія Матѳея. Бауръ по обыкновенію старается доказать, что эти различія нисколько не говорятъ о самостоятельности Марка, относительно Матѳея, а напротивъ свидѣтельствуютъ о полной зависимости перваго отъ послѣдняго; но при этомъ Бауръ замѣчаетъ только, что та или другая подробность въ Марковомъ повѣствованіи свидѣтельствуетъ не о самостоятельности, а лишь о характеристической особености Марка, какъ писателя.—

особенности состоящей въ старательной обработкѣ частныхъ 1) или же о его желаніи придать своему повѣствованію характеръ самостоятельности 2). Что же касается отдѣльныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся у Марка, то они, по Бауру, или излишни или отличаются неточностію, не опредѣленностію, по сравненію съ соотвѣтствующими имъ въ параллельныхъ мѣстахъ Евангелія Матѳея, и чрезъ то придаютъ неясный фальшивый оттѣнокъ ясному и простому смыслу первоначальныхъ словъ; а это даетъ видѣть въ разсказахъ Марка неудачную передѣлку Матѳеева повѣствованія. 3) Всѣ эти замѣчанія Баура по большей части голословныя или же отличающіяся субъективнымъ характеромъ лишены всякой, даже кажущейся, доказательной силы, а потому можно и не останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода замѣчанія были высказываемы Бауромъ и прежде и были разбираемы нами. Съ большимъ вниманіемъ останавливается Бауръ на разсказахъ Марка, заключающихся въ 7 гл. 32—37 и въ 8 гл. 21—27 стт. и находящихся только у одного Марка и съ большею обстоятельностью, какъ уже замѣтили мы, разбираетъ ихъ. Къ замѣчаніямъ Баура, относящимся къ указаннымъ разсказамъ мы и перейдемъ теперь.

Объ этихъ разсказахъ Бауръ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «разсказъ заключающійся въ 31 — 37 ст. 7 гл. принадлежитъ одному только Марку. Онъ помѣщаетъ его здѣсь потому, что вслѣдъ за нимъ у него слѣдуетъ цѣлый рядъ разсказовъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ Иисуса; и, какъ кажется, у Марка было намѣреніе изъ всѣхъ из-

1) Такое именно замѣчаніе находилъ мы у Баура, по поводу подробностей, встрѣчающихся въ разсказѣ Марка, о умерщвленіи Крестителя (Марк. 6, 14—29) и дѣлающихъ его болѣе полнымъ, нежели параллельный разсказъ Матѳея (Мѳ. 13, 1—12). Baug Markusevangelium. 50 s.

2) Оставивъ народъ, Иисусъ, по Марку, перешелъ на корабль не въ предѣлы Маддаинскіе, какъ говоритъ Матѳей 13, 39, но въ Далмануоскіе (8, 10). Но это такое различіе, допуская которое Маркъ, какъ кажется, имѣлъ только въ виду придать своему разсказу характеръ самостоятельности. Markusevangel. 615.

3) Подобнаго рода отзывы, дѣлаетъ Бауръ, при разборѣ. Мар. 7, 15—23,

вѣстнаго рода чудесъ Иисуса предложить вниманію читателей наиболѣе характеристическій примѣръ. Подобно тому, какъ онъ далѣе въ 8, 21 рассказываетъ о исцѣленіи слѣпаго, такъ и здѣсь рассказываетъ о исцѣленіи глухонѣмаго, поелику въ его Еванг. исторіи подобнаго рода исцѣленія еще не встрѣчались. Такъ какъ у Марка было намѣреніе въ 7, 31 ст. выставить на видъ одинъ характеристическій примѣръ чудеснаго исцѣленія, въ 8, 21 другой, то изложеніе у него принимаетъ особенный, впрочемъ вполне ему свойственный, характеръ. Чудесное дѣйствіе Иисуса разложено (такъ сказать у Марка на отдѣльныя частныя дѣйствія; причемъ однакожь остается непонятнымъ, какое значеніе для самаго чуда имѣетъ каждое изъ этихъ отдѣльныхъ частныхъ дѣйствій. И къ чему вообще такая подробность въ рассказѣ о исцѣленіи, совершенномъ Иисусомъ, если совершенное Имъ исцѣленіе есть чудо? Она—эта подробность—можетъ быть объяснена только изъ характера Марка, какъ писателя, изъ его любви къ мелочной отдѣлкѣ частныхъ, изъ его любви все специализировать и классифицировать.... Съ той только цѣлю, чтобы представить извѣстное опредѣленное чудо такимъ, какимъ оно есть,—каждое изъ названныхъ чудесъ подвергнуто у Марка подробному анализу, рассмотрѣно въ его постепенной послѣдовательности, что особенно бросается въ глаза въ рассказѣ о исцѣленіи слѣпаго, возстановленіе зрѣнія котораго распадается на двѣ стадіи и на первой изъ нихъ онъ видитъ людей какъ деревья, въ неясныхъ неопредѣленныхъ образахъ, на второй ясно и отчетливо 8, 24; но этимъ авторъ выставилъ на видъ лишь свои физиологическія познанія касательно теоріи зрѣнія. Спрашивается прежде всего: какъ объяснить то, что Иисусъ въ обоихъ случаяхъ—здѣсь глухонѣмаго, тамъ слѣпаго, предъ совершеніемъ исцѣленія удаляетъ отъ людей? На этотъ вопросъ нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта, если не остановимся на той мысли, что Евангелистъ сдѣлалъ это за тѣмъ, чтобы порельефнѣе изобразить этотъ (особенный) родъ чудеснаго исцѣленія (совершеннаго Иисусомъ). Поэтому Иисусъ и отводитъ

больныхъ на особыя мѣста, гдѣ онъ остается съ ними одинъ, приче́мъ, какъ они, такъ вмѣстѣ съ ними и читатель могутъ сосредоточить все свое вниманіе на дѣйствіяхъ Иисуса.... Хотя только у одного Марка встрѣчаются рассказы о сейчасть названыхъ чудесахъ: однакожь содержаніе для нихъ онъ заимствовалъ у Матѳея, который 9, 27—31. рассказываетъ о исцѣленіи двухъ слѣпыхъ, а въ ст. 32—40 о исцѣленіи нѣмого... ¹⁾

И такъ не смотря на то, что разсматриваемыя нами рассказы находятся у одного только Марка, Бауръ не хочетъ видѣть въ нихъ доказательства самостоятельности этаго Евангелиста. Самостоятельность ихъ, по мнѣнію этаго ученаго, лишь кажущаяся. На самомъ же дѣлѣ зерно для этихъ рассказовъ Маркъ заимствовалъ у Матѳея; и всѣ частныя обстоятельства, всѣ подробности, которыми обставлены въ нихъ главные факты, онъ измыслилъ самъ единственно по любви къ наглядному изображенію всего имъ рассказываемаго, по любви къ мелочной отдѣлкѣ частныхъ.

То не подлежитъ конечно сомнѣнію, что такой взглядъ Баура на рассказы Марка о исцѣленіи глухонѣмого и слѣпago слишкомъ произволенъ.

Онъ, во 1-хъ, долженъ быть отвергнутъ съ точки зрѣнія самаго же Баура: по взгляду Баура, Маркъ поставилъ свою задачею изложить свой Евангельскій рассказъ, придерживаясь повѣствованій Матѳея и Луки, преимущественно перваго, и при этомъ лишь сгладить и примирить крайности своихъ предшественниковъ чрезъ опущеніе рассказовъ, въ которыхъ особенно замѣтенъ тенденціозный характеръ, и чрезъ смягченіе очень рѣзкихъ выраженій; но при такомъ отношеніи Марка къ дѣлу, ему конечно должна быть совершенно чуждою мысль измѣнять рассказы своего предшественника до такой степени, что между оригиналомъ и передѣлкою трудно отыскать даже отдаленное сходство, а тѣмъ болѣе помѣщать въ своемъ по-

¹⁾ Marksevg 57—59.

вѣствованіи цѣлый рядъ вымышленныхъ частныхъ обстоятельствъ.

Противъ взгляда Баура, во 2-хъ, говорить то, что писатель Маркова Евангелія былъ писателемъ христіанскимъ, который составилъ свое повѣствованіе съ доброю цѣлю познакомить другихъ христіанъ съ обстоятельствами земной жизни Христа Спасителя. Но въ такомъ писателѣ — самостоятельно ли или не самостоятельно его повѣствованіе — необходимо предположить глубокое благоговѣнное уваженіе къ Божественному основателю религіи христіанской: а съ такимъ уваженіемъ, конечно, несомнѣстима даже мысль приписать Спасителю такіа дѣйствія, которыя Имъ никогда не были совершены и чрезъ то низвести исторію Его жизни на степенъ не заслуживающаго никакого довѣрія вымышленнаго разсказа.

Въ 3-хъ, самые разсказы Марка, въ частности встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ далеко не въ пользу Баура. Бауръ говорить, что подробности, въ которыя вдается Маркъ, остаются непонятными, и внесеніе ихъ въ повѣствованіе можно объяснить лишь любовію Марка къ мелочной отдѣлкѣ частныхъ, его любовію все специализировать и классифицировать. Но слова эти совершенно несправедливы. Если мы съ полнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ присмотримся къ разсматриваемымъ нами разсказамъ Марка, къ частнымъ обстоятельствамъ въ нихъ упоминаемымъ и дѣлающимъ въ высшей степени наглядными изображаемые факты, то увидимъ, что въ этихъ разсказахъ, во всемъ, о чемъ упоминается въ нихъ заключается глубокой смыслъ. Мы увидимъ, что разсказы эти находятся въ полномъ внутреннемъ согласіи со всѣми другими Евангельскими повѣствованіями, изображающими жизнь Спасителя нашего, и знакомящими насъ съ высокимъ божественнымъ характеромъ въ дѣятельности, мы увидимъ, что въ тѣхъ частностяхъ и подробностяхъ упоминаемыхъ Маркомъ, въ которыхъ Бауръ не находитъ смысла, выражаются характеристическія черты этой спасительной для насъ дѣятельности, тѣ черты, которыя, вселяя въ насъ убѣжденіе въ Бо-

жественномъ достоинствѣ Спасителя служить несомнѣнными внутренними признаками достовѣрности рассказовъ, выставляющихъ ихъ на видъ.

Вникая въ смыслъ и духъ Еванг. рассказовъ—насколько можно кошой мысли и плотяному сердцу вникнуть въ смыслъ и духъ Божественныхъ словъ и дѣйствій, и знакомясь по этимъ рассказамъ съ дѣятельностію Христа, Спасителя нашего, мы усматриваемъ, что отличительными чертами ея были милосердіе и любовь къ человѣку, какъ бы ни былъ онъ преступенъ, какъ бы ни было глубоко его нравственное паденіе. Все, что ни дѣлалъ Спаситель, онъ дѣлалъ по побужденіямъ милосердія и любви и въ его дѣлахъ, запечатлѣнныхъ всемогуществомъ и премудростію всегда сказывались эта любовь и это милосердіе. Что потомъ ни говорилъ онъ—говорилъ по тѣмъ же побужденіямъ и его рѣчи, будучи безусловно истинными, вмѣстѣ съ тѣмъ дышали тѣмъ же опять милосердіемъ, тою же любовію даже и тогда, когда они были исполнены горькихъ упрековъ и обличеній. Но самые факты, съ которыми знакомятъ насъ разсматриваемые нами рассказы, суть доказательства великаго милосердія и любви Спасителя къ страждущему человѣку.

Далѣе замѣчаемъ мы, что дѣла и слова любви и милосердія были всегда направляемы Спасителемъ къ одной цѣли—именно къ тому, чтобы вызвать къ жизни лучшія стремленія человеческого духа, который въ людяхъ его окружавшихъ, были подавляемы стремленіями иного рода,—стремленіями суетными земными, и глав. обр. оживить въ сердцахъ этихъ людей вѣру въ Отца Небеснаго и Его Божественнаго Сына, пришедшаго на землю спасти человѣковъ. Но не тоже ли самое видимъ мы въ разсматриваемыхъ рассказахъ Марка? Нѣкоторыя частныя дѣйствія Спасителя, о которыхъ упоминаетъ Маркъ и которыя по мнѣнію Баура можно объяснить только любовію Марка къ мелочной отдѣлкѣ частныхъ, были направлены именно къ тому, чтобы вмѣстѣ съ уврачеваніемъ тѣлесныхъ недостатковъ оживить исцѣляемыхъ и нравственно. Такъ Маркъ за-

мѣчасть, что Спаситель, прежде чѣмъ исцѣлить глухонѣмаго и слѣпаго, уединяется вмѣстѣ съ ними, глухонѣмаго вывести изъ толпы народа и отходить съ нимъ въ сторону, слѣпаго вывести вонъ изъ селенія. „Основаній для этого, говоритъ Ольсгаузенъ, лучше всего искать въ личностяхъ самихъ исцѣляемыхъ. Поелику конечною цѣлю ихъ исцѣленія было нравственнос ихъ уврачеваніе, то Спаситель приспособляетъ все къ успѣшному достиженію этой цѣли. При шумѣ народной толпы больнымъ гораздо труднѣе было воспринять благодѣтельныя для нихъ впечатлѣнія“. И въ самомъ дѣлѣ для пробужденія и оживленія лучшихъ стремленій души, для того, чтобы обратиться мыслію къ небесному, человѣку необходимо устранить всѣ внѣшнія развлекающія его впечатлѣнія, необходимо сосредоточиться въ самомъ себѣ, особенно если онъ привыкъ подчиняться этимъ внѣшнимъ и докрайности разнообразнымъ впечатлѣніямъ, никогда не старался уклоняться отъ ихъ вліянія. Безъ этаго отрѣшенія, безъ этой сосредоточенности для человѣка, лишь только начинающаго нравственно обновляться, могутъ проходить незамѣченными самыя сильныя благія воздѣйствія на него со стороны, — проходить, не оставляя по себѣ никакого слѣда въ его душѣ. И подобныя воздѣйствія могутъ быть благодѣтельными для такого человѣка въ томъ лишь случаѣ, если его мысль, не развлекаемая ничѣмъ, остановится на нихъ однихъ и насколько это возможно—вникнетъ въ ихъ смыслъ и значеніе.—Въ разсказѣ о исцѣленіи слѣпаго Маркъ представляетъ это исцѣленіе совершившимся постепенно. По его повѣствованію, слѣпой послѣ перваго прикосновенія къ его глазамъ Спасителя увидѣлъ проходящихъ людей какъ деревья, т. е., въ неясныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ и только послѣ втораго прикосновенія онъ сталъ видѣть все ясно. Бауръ замѣчаетъ, что излагая так. обр. дѣло, Маркъ хотѣлъ лишь выставить на видъ свои познанія относительно теоріи зрѣнія и слѣд. придумалъ самъ обстоятельство исцѣленія. Но Евѣимій Зигабенъ, признавая эти обстоятельства дѣйствительными, въ этой постепенности исцѣленія ви-

дить средство, употребленное Спасителемъ для возбужденія и оживленія слабой вѣры больного. Евимій говоритъ: Спаситель не вполне исцѣляетъ сего слѣпаго, какъ, не вполне вѣрующаго. Два раза спрашиваетъ Онъ его, что онъ видитъ, дабы, мало вида, онъ вслѣдствіе недостаточности зрѣнія совершенноѣ увѣровалъ и тѣмъ совершенноѣ уврачевался; ибо мудръ былъ врачъ ἀτελῶς δὲ τὸν τῆτον τυφλὸν ἐβράβευσεν ὡς ἀτελῶς πιστεύοντα δὲ καὶ ἐπηρώτησεν αὐτὸν εἰ τι βλέπει, ἵνα μικρὸν ἀναβλέψας ἀπὸ τῆς μικρᾶς ὄψεως πιστεύσῃ, καὶ ἰαθῆ, τελειότερον σοφὸς γάρ ἐστιν ἰατρός ¹⁾). И съ подобнымъ объясненіемъ нельзя несогласиться. Несомнѣнно, что мгновенно совершенное исцѣленіе не могло бы такъ сильно подѣйствовать на слѣпаго, на возбужденіе его слабой вѣры, какъ исцѣленіе постепенно совершаемое, болѣе или менѣе продолжительное ощущеніе воздѣйствія на него чудодѣйственной силы. — Наконецъ, по свидѣтельству Марка, Спаситель при исцѣленіи глухонѣмаго возрѣвъ на небо, вздохнулъ и сказалъ εφφάθα т. е. отверзись. Но кто не согласится, что эти въ высшей степени выразительныя дѣйствія скорѣе, чѣмъ что либо другое способны были показать исцѣленному, что своимъ избавленіемъ отъ тяжкой болѣзни онъ обязанъ не человѣческому искусству, а единственно благодати Отца Небеснаго и так. обр. оживить въ немъ вѣру въ Божественнаго Всемогущаго Помощника и убѣдить въ существованіи ближайшихъ отношеній между Милосердымъ и Всемогущимъ Богомъ и тѣмъ чрезъ котораго онъ получилъ исцѣленіе.

Углубляясь далѣе въ содержаніе Еванг. исторіи, мы видимъ, что Спаситель нашъ, внося въ человѣчество новый животворный духъ Евангелія своимъ словомъ и всею вообще Своею дѣятельностію, при этомъ щадилъ однакоже тѣ обычные общепотребительныя формы жизни, къ которымъ привыкли, съ которыми сроднились, такъ сказать, его современники и которыя были освящены или временемъ или закономъ. Онъ, снисходя къ немощамъ человѣческимъ, имѣя въ виду духовное

¹⁾ Эти слова Зигабена въ комментаріи Мейера.

состояніе, духовныя потребности людей, съ мудростію пользовался названными формами и только въ рѣдкихъ случаяхъ, по требованію необходимости, отступалъ отъ нихъ. Такъ вѣщая приходившимъ его слушать толпамъ народа высокія Еванг. истины, онъ излагалъ ихъ въ формѣ притчей—въ формѣ общераспространенной на востокѣ для передачи назидательныхъ и вообще всякихъ мыслей. Обновляя и пересоздавая религіозную жизнь Іудеевъ онъ говорилъ, что пришелъ не разорить законъ, но исполнить и свято соблюдалъ законъ Моисеевъ, бывъ ревностнымъ его исполнителемъ. Даже въ чудесахъ, этихъ непосредственныхъ обнаруженіяхъ Божественнаго всемогущества въ мірѣ—Спаситель старался не отступать отъ обычныхъ формъ жизни и нерѣдко прикрывалъ, такъ сказать, ими свои чудодѣйственныя дѣла. Прокаженныхъ, просившихъ у него исцѣленія и исцѣленныхъ Имъ. Онъ посылаетъ показаться священникамъ, что, по закону Моисееву, долженъ былъ дѣлать всякій, очистиившійся отъ проказы. Слѣпаго, упоминаемаго въ Евангеліи Іоанна и обратившагося къ нему за помощію, отсылаетъ умыться въ сілоамскомъ источникѣ, воды котораго считались въ народѣ священными. Ученикамъ своимъ, при отправленіи ихъ на проповѣдь по городамъ и селеніямъ Галилейскимъ, вмѣстѣ съ врученіемъ власти творить чудеса, даетъ позволеніе употреблять при исцѣленіяхъ—елей, который въ обыденной жизни считался очень полезнымъ средствомъ во многихъ болѣзняхъ.—Обращаясь къ разсказамъ Марка, мы не можемъ не замѣтить и въ нихъ этого мудраго приспособленія Спасителя къ общепотребительнымъ формамъ. Не смотря на то, что при исцѣленіи глухонѣмого и слѣпаго Спаситель дѣйствуетъ своею чудотворною силою, при которой какія либо вѣщныя средства сами по себѣ не были нужными, Онъ однакожь обращается къ вѣщнымъ средствамъ и, кромѣ прикосновенія перстамъ и рукою къ поврежденнымъ членамъ исцѣленныхъ имъ, употребляетъ въ обоихъ случаяхъ повеленіе—средство, которымъ, вѣроятно, пользовались при естественномъ врачеваніи особенно въ глазныхъ болѣзняхъ.

И такъ можно-ли признать немѣющимися смысла, вымышленными тѣ частности и подробности, которыя мы находимъ въ повѣствованіяхъ Марка о исцѣленіи глухонѣмого и слѣпаго? Можно ли—затѣмъ—назвать вымышленными и самыя эти повѣствованія? Нѣтъ. Гармонируя съ тѣмъ, что знаемъ мы о характерѣ дѣятельности Спасителя нашего, названныя частности и подробности являются чрезъ то несомнѣнно достовѣрными, а вмѣстѣ съ тѣмъ кладутъ печать достовѣрности на повѣствованія, въ которыхъ находятся. Поелику же повѣствованія эти встрѣчаются лишь у Марка, то они неоспоримо свидѣтельствуютъ о самостоятельности этого Евангелиста,—свидѣтельствуютъ вопреки мнѣнію Баура.

Марк. 8, 27—9, 50.

Содержаніе: исповѣданіе Петра 8, 27—38; 9, 1 преображеніе Спасителя 9, 2—13; исцѣленіе нѣмого бѣсноватаго 9, 14—29; предвозвѣщеніе Спасителя о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскр. есеніи 9, 30—32; споръ учениковъ о первенствѣ и бесѣда Спасителя по этому поводу 9, 33—50).

Приступая къ разсмотрѣнію отдѣленія Маркова Евангелія 8, 27—9, 1—50 Бауръ говоритъ слѣдующее: здѣсь главнымъ образомъ нужно обратить вниманіе на то, не обнаруживаетъ ли Маркъ своей зависимости не только отъ Матѳея, но также и отъ Луки въ тѣхъ разностяхъ, которыя у него находятся (въ этомъ отдѣленіи), и вслѣдъ за этимъ вступленіемъ начинается разбирать разности между повѣствованіемъ Марка и повѣствованіями другихъ синоптиковъ, останавливаясь по обычаю на отдѣльныхъ словахъ, краткихъ замѣчаніяхъ и находя въ нихъ такія данныя, которыя не оспоримо будто бы свидѣтельствуютъ о зависимости Марка, не только отъ Матѳея, но и отъ Луки. Посмотримъ что это за данныя, которыя Бауръ безъ труда находитъ въ указанномъ отдѣленіи Маркова Евангелія для подтвержденія своихъ взглядовъ.

Остановливаясь на разсказѣ о исповѣданіи Петра, Бауръ говоритъ между прочимъ: въ ст. 34 8-й т. нельзя не примѣтить яснаго слѣда зависимости Марка отъ Луки. Именно—по Марку—Иисусъ подзываетъ къ себѣ народъ вмѣстѣ съ учениками τὸν ὄχλον σὺν τοῖς μαθηταῖς, чтобы предъ ними произнести слѣдующія за симъ слова. Но откуда спрашивается появляется здѣсь вдругъ народъ, когда мѣсто, гдѣ, по Марку, происходитъ описываемое событіе не даетъ основаній предполагать, чтобы гдѣ-либо вблизи находился какой либо народъ—ὄχλος? Иисусъ находится на пути вмѣстѣ съ своими учениками и только съ ними вступаетъ въ разговоръ. Поводъ къ этому (конечно) подаль Марку Лука. По Лукѣ 9, 23 Иисусъ, обращаясь πρὸς πάντας т. е. ко всеѣмъ ученикамъ говоритъ: кто хочеть слѣдовать за Мною и пр... за тѣмъ согласившись съ мнѣніемъ де-Ветте, что Маркъ расширилъ смыслъ слова πάντας, совершенно произвольно по аналогіи съ 7, 14 и потому, что считалъ слова Иисуса достойными того, чтобы ихъ слышали всеѣ, Бауръ продолжаетъ: выраженіе Луки πρὸς πάντας очень естественно объяснить тѣмъ, что Лука все-таки имѣлъ предъ глазами апушенные имъ слова Иисуса, относившіяся исключительно къ Петру (Мѣ. 16, 17—19, и въ противоположность имъ, захотѣлъ въ своемъ разсказѣ привести тѣ только, которые одинаково отпосились ко всеѣмъ ученикамъ. И такъ Маркъ или не понялъ Луки, или же изобразилъ все событіе, пользуясь тѣми приѣмами, которые составляютъ его отличительную характеристическую черту, какъ писателя ¹⁾ т. е. произвольно отступалъ отъ Луки и измѣнилъ нѣкоторыя слова его разсказа по любви къ мелочной отдѣлкѣ частныхъ, по любви къ наглядному и живописному изложенію). Не трудно доказать несостоятельность этихъ замѣчаній Баура. „Неестественно появленіе народа на пути, по которому слѣдовалъ Иисусъ съ учениками“ „Маркъ уномянулъ о народѣ лишь потому, что или непонялъ выраженіе Луки πρὸς πάντας, которое у Луки относится къ ученикамъ, или произвольно исказилъ

¹⁾ Markusevang. 68—67.

его". Но что-жъ непонятнаго что не естественнаго въ томъ, что во время путешествія Спасителя и Его учениковъ близъ нихъ появляется народъ. Изъ предшествующихъ разсказовъ Марка, равно какъ и изъ разсказовъ прочихъ синоптиковъ, мы знаемъ, что во время пребыванія Спасителя въ Галилеѣ Его постоянно окружали толпы народа. Гдѣ ни появлялся онъ, къ нему отовсюду стремился народъ; онъ не давалъ покоя ни Ему, ни Его ученикамъ, онъ слѣдовалъ за нимъ, забывая о пищѣ, въ отдаленныя отъ жилищъ пустынныя мѣста, находилъ Его въ домахъ, въ которыхъ Онъ думалъ укрыться на время, для успокоенія Себя. Тѣмъ естественнѣе, тѣмъ необходимѣе предположить, что когда Спаситель проходилъ въ сопровожденіи своихъ учениковъ открытымъ путемъ, пролегавшимъ чрезъ селенія (Мар. 8, 27),—его окружалъ народъ. И потому слова Марка: „Иисусъ подозвалъ къ Себѣ народъ вмѣстѣ съ учениками“ должны быть признаны указаніемъ на дѣйствительный фактъ, а неизмѣненіемъ выраженія другаго Евангелиста, надлежащимъ образомъ непонятаго, или же произвольнымъ его искаженіемъ. Признать указанные слова Марка измѣненіемъ или искаженіемъ выраженія Луки *πρός πάντας* и т. обр. указать на нихъ какъ на доказательство зависимости Марка отъ Луки тѣмъ болѣе странно, что разсказъ Марка объ исповѣданіи Петра и объ обстоятельствахъ его сопровождавшихъ такъ своеобразно отличенъ отъ параллельнаго разсказа Луки и слѣд. запечатлѣлъ такую самостоятельностью, что этимъ рѣшительно устраняется мысль о какой бы то ни было зависимости Марка отъ Луки. Сличая разсказъ Марка и Луки между собою, мы находимъ, что Лука обращаетъ все свое вниманіе на слова ап. Петра и ихъ только излагаетъ въ своемъ разсказѣ, не упоминая о частныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ они произносились, напр. о положеніи лицъ, произносившихъ ихъ, о измѣненіи этихъ положеній и пр. Не то у Марка. Главное содержаніе разсказа у него изложено также, какъ и у Луки и даже съ большею подробностью. Но въ тоже время онъ не забываетъ и объ обстоятельствахъ частныхъ, такъ сказать, по-

бочныхъ. Сказавши, что Спаситель началъ свою бесѣду съ учениками на пути, Онъ такъ излагаетъ все событіе, что мы не иначе можемъ представить его себѣ, какъ совершающимся въ продолженіе пути. Здѣсь предъ нами Спаситель шествующій съ своими учениками и бесѣдующій съ ними; далѣе Петръ, произносящій свое исповѣданіе и послѣ предсказанія о страданіяхъ, смерти и воскресеніи останавливающей своего Наставника, отводящій Его въ сторону и Ему прекословящій; затѣмъ опять Спаситель, обращающій взглядъ въ ту сторону, гдѣ остановились прочіе апостолы, воспрещающій Петру, очевидно говорившему отъ лица всѣхъ своихъ соучениковъ и подзывающій къ Себѣ народъ вмѣстѣ съ учениками. Все это съ такою живостью встаетъ передъ нами, что необходимо признать разсматриваемый разговоръ рассказомъ если не очевидца то по крайней мѣрѣ рассказомъ лица, слушавшаго непосредственнаго очевидца Еванг. событій; съ благоговѣніемъ и любовію запечатлѣвшаго въ умѣ и сердцѣ слышанное и потомъ съ точностію все это воспроизведшаго безъ всякаго сторонняго пособія. „Маркъ не понялъ выраженія Луки *πρὸς πάντας*, или произвольно изказилъ его“.... Но въ словахъ Марка: *προσκαλεσάμενος τοὺς ὄχλους σὺν τοῖς μαθηταῖς* нельзя видѣть измѣненія или искаженія словъ Луки, *πρὸς πάντας* даже въ томъ случаѣ, если-бы мы, вмѣстѣ съ Бауромъ признали, что Маркъ руководствовался Лукою при изложеніи разсматриваемаго повѣствованія. Всѣ серьезные комментаторы согласны въ томъ, что *πρὸς πάντας* Луки относится именно къ народу. И самый текстъ Луки даетъ полное основаніе думать такъ образомъ. По Лукѣ слова Спасителя, заключающіяся въ 18, 21, 22 ст. 9 гл. относились къ ученикамъ и не къ нѣкоторымъ, а къ цѣлому ихъ обществу (онъ спросилъ ихъ.... онъ строго приказалъ имъ никому неговорить о семъ, сказавъ....) Слова же изложенныя въ 23 и дальнѣйшихъ стихахъ, по замѣчанію Луки, были обращены не къ ученикамъ только, но ко всѣмъ слѣд. и къ народу бывшему съ учениками. И Лука замѣчая: ко всѣмъ

же сказалъ... 23 ст., ясно отличаетъ этихъ всѣхъ отъ учениковъ, съ которыми была ведена Спасителемъ предшествующая бесѣда. Правда Бауръ объясняетъ *πρὸς πάντας* Луки, какъ мы видѣли тѣмъ, что Лука все-таки имѣлъ предъ глазами опущенныя имъ слова Спасителя, обращенныя исключительно къ Петру (Мѡ. 16, 17—19), и въ противоположность имъ захотѣлъ въ своемъ разсказѣ привести только тѣ, которыя одинаково относились ко всѣмъ „ученикамъ“... т. е., по Бауру, выраженіе *πρὸς πάντας*, подъ которымъ нужно разумѣть учениковъ, появилось у Луки потому, что онъ передъ этимъ прочиталъ у Матѳея слова, относившіяся къ одному изъ учениковъ—Петру, и хотя опустилъ ихъ, однакожъ замѣтилъ, что слова, которыя онъ счелъ нужнымъ внести въ свое повѣствованіе, относились уже не къ одному ученику, а ко всѣмъ. Но такое объясненіе не имѣетъ силы и съ точки зрѣнія самаго Баура. Бауръ видитъ въ Лукѣ очень умнаго писателя, болѣе или менѣе самостоятельнаго, который умѣлъ ясно и отчетливо провести и раскрыть во всей своей Евангельской исторіи извѣстную идею. Но если такъ, то неужели Лука, опустивши въ разсказѣ о исповѣданіи Петра слова, относившіяся исключительно къ этому апостолу, былъ не въ состояніи построить тотъ частный разсказъ такъ, чтобы ясно было видно, что слова Спасителя помѣщенные въ разсказѣ были обращены къ однимъ только ученикамъ, а не къ другимъ какимъ либо слушателямъ, на которыхъ, вопреки его желанія, указываетъ его собственное выраженіе: *πρὸς πάντας*;

Въ разсказѣ о преображеніи Иисуса — продолжаетъ Бауръ свой анализъ—обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что Маркъ по поводу заявленія Петра 9, 5 замѣчаетъ, „онъ не зналъ, что ему нужно говорить“, и объясняетъ это тѣмъ, что ученики были утрачены, *ἐκφῶ βοι*. Маркъ совершенно не у мѣста воспользовался здѣсь выраженіемъ Матѳея *ἐφοβήθησαν εἰσφῶρα* 17, 6... Не гораздо ли лучше объясняетъ заявленіе Петра Лука, говоря, что Петръ и прочіе ученики уже тогда,

когда началось преображеніе, были *βεβαρτημένοι ὄντων* отягчены сномъ находилъсь въ полубоддрственномъ состояніи. Не влѣдствіе смущенія, но потому, что находился въ полубоддрственномъ состояніи, Петръ, когда мужи готовились уйти, сказалъ: учитель! хорошо и пр. не зная, что онъ говорилъ. Только тогда, когда при этихъ словахъ Петра облако окружило учениковъ, они, по Лукѣ, впали въ страхъ, а по Матѳею, убоялись страхомъ великимъ, т. обр. уже послѣ того, какъ Петръ сдѣлалъ свое заявленіе. Особенность разсказа слѣд. та, что хотя по Марку, какъ и по Лукѣ, Петръ дѣлаетъ своё заявленіе въ такомъ состояніи, въ которомъ онъ не вполнѣ владѣлъ своимъ сознаніемъ и Маркъ думаетъ объяснить это заявленіе тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находился Петръ: тѣмъ не менѣе однакожъ Маркъ не такъ объясняетъ заявленіе Петра, какъ Лука; частную причину этаго заявленія Маркъ видитъ въ чемъ то другомъ, о чемъ хотя и говорятъ Матѳей и Лука, но въ другомъ мѣстѣ. Не носить ли такимъ образомъ разсказъ Марка характера двойственности, которая могла произойти только влѣдствіе пользованія двумя различными разсказами о томъ же событіи. Вообще — что побуждаетъ Марка находить заявленіе Петра, по поводу котораго Матѳей не дѣлаетъ никакого замѣчанія, страннымъ настолько, чтобы считать нужнымъ приискать для него оправданіе. Такое отношеніе къ заявленію Петра имѣетъ у Луки достаточное основаніе, такъ какъ у него разсказъ о преображеніи относится къ числу тѣхъ разсказовъ, которые всѣ одинаково направлены къ тому, чтобы выставить учениковъ Иисуса въ неблагопріятномъ для нихъ свѣтѣ. Такимъ образомъ не Лука ли далъ поводъ Марку впасть въ недоумѣніе относительно заявленія Петра? Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы видѣли уже согласіе Марка съ Лукою въ замѣчаніяхъ касательно учениковъ, въ такихъ замѣчаніяхъ, мотивовъ для которыхъ можно искать только у Луки. Но если Маркъ относится къ словамъ Петра также какъ и Лука, то почему жъ не слѣдуетъ Лукѣ и въ объясненіи ихъ? Основаніе для этаго въ томъ, что Маркъ не

хотѣлъ въ своихъ сужденіяхъ объ ученикахъ заходить такъ далеко, какъ заходилъ Лука. Стоитъ только представить себѣ отягченныхъ сномъ учениковъ, которые, при помраченіи сознанія, не знаютъ, что говорятъ, чтобы увидѣть какой контрастъ составляютъ они съ тѣмъ возвышеннымъ величественнымъ явленіемъ, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ которымъ мы усматриваемъ ихъ. Какое отсутствіе надлежащей такъ сказать чуткости и пониманія относительно явленій горняго міра, если ученики не чувствуютъ даже надобности взглянуть на одно изъ такихъ явленій открытымъ бодрственнымъ окомъ! Такое значеніе имѣетъ сонъ, въ который, по словамъ Луки, впадаютъ ученики Иисуса: онъ свидѣтельствуетъ о грубости ихъ плотной природы, грубости, клонящей ихъ долу и препятствующей созерцанію свѣтлаго горняго міра. Если теперь, по Марку, ученики не были отягчены сномъ—*ζεζαρημένοι ὑπνοφ* какъ говоритъ, Лука, но были испуганы *ἐκφοβεί*, то очевидно, что этимъ у Марка смягчается приговоръ о ихъ поступкѣ, такъ какъ причина этаго поступка указывается не въ нихъ самихъ, не въ внутреннихъ свойствахъ ихъ природы, но только въ мгновенномъ вліяніи, произведенномъ на нихъ внѣшнимъ явленіемъ. Такимъ образомъ Маркъ раздѣляетъ взглядъ Луки, признавая поступокъ учениковъ страннымъ, но при этомъ соглашается и съ Матѳеемъ, въ томъ, что у него упрекъ, заключающійся въ словахъ Луки падаетъ не на самихъ учениковъ. Они были уstraшены *ἐκφοβεί*,—но особенность этаго объясненія та, что благодаря ему, возникаетъ психологическое противорѣчіе, котораго нѣтъ ни у Матѳея ни у Луки, но которое находится только у Марка, ибо можно ли допустить, чтобы ученики находились въ состояніи страха и смятенія въ тотъ моментъ, когда они были объаты чувствомъ удовольствія и радости при видѣ свѣтлаго явленія, находившагося предъ ними,—объаты до того, что хотѣли построить три сѣни, дабы продолжить это блаженное состояніе. Одно очевидно исключаетъ другое и только одинъ Маркъ говоритъ о—страхѣ учениковъ въ этомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ по двумъ другимъ

синонтикамъ они впадаютъ въ страхъ—тогда, когда облако покрываетъ всю сцену своею мрачною тѣнью. Маркъ хотя и упоминаетъ объ облакѣ, но ничего не говоритъ о состояніи учениковъ при его появленіи — несомнѣнное доказательство, что онъ сказалъ уже о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ облакомъ. Какъ же иначе, какъ не вслѣдствіе комбинацій двухъ отдѣльныхъ повѣствованій могъ возникнуть разсказъ, въ которомъ, механически соединились столь разнородные элементы... Вообще едва ли найдется еще другой разсказъ подобный разсматриваемому, въ которомъ бы такъ легко можно было объяснить уклоненія Марка отъ двухъ остальныхъ синонтиковъ зависимою перваго отъ послѣднихъ... ¹⁾).

Но есть-ли въ самомъ дѣлѣ въ разсказѣ Марка о преображеніи Спасителя такія данныя, которыя бы съ полною ясностію свидѣтельствовали о его зависимости отъ Луки и отъ Матѳея, какъ утверждаетъ Бауръ? Изъ сейчасъ приведеннаго отзыва Баура видно, что неопровержимымъ доказательствомъ этой зависимости онъ считаетъ то во 1-хъ обстоятельство, что Маркъ слова Петра находитъ неудобопонятными и требующими объясненія; поелику же Матѳею ничего не говоритъ по поводу словъ Петра и только Лука старается объяснить ихъ, то Бауръ заключаетъ изъ этого, что только Лука далъ Марку поводъ впасть въ недоумѣніе относительно словъ Петра и навелъ на мысль указать причину, вслѣдствіе которой Петръ произнесъ эти слова.—Но едвали это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ зависимости Марка отъ Луки. Слова ап. Петра не принадлежатъ къ числу рѣчей, произнесенныхъ въ совершенно спокойномъ состояніи духа, къ числу рѣчей, не требующихъ особыхъ изъясненій. Напротивъ странность предложенія, сдѣланнаго Петромъ, крайняя спутанность представленій, которую съ перваго раза можно замѣтить, дѣлаютъ его рѣчь не удобопонятною и достаточно только съ нѣкоторымъ вниманіемъ остановиться на этой рѣчи, чтобъ замѣтить, что была какая

¹⁾ Mrksevg. 67—70.

то особая причина, вслѣдствіе которой она была произнесена, а вмѣстѣ съ тѣмъ признать далеко неизлишнимъ, указать на эту причину. Но если это такъ, если слова Ап. Петра съ перваго взгляда являются неудобопонятными, то рѣшительно нѣтъ никакого основанія утверждать, что Евангелистъ Маркъ призналъ ихъ требующими объясненія потому только, что другой Евангелистъ уже объяснилъ ихъ. За чѣмъ здѣсь вѣднѣйшій поводъ, когда въ самихъ словахъ Апостола Петра заключается поводъ къ тому, чтобъ объяснить ихъ. Притомъ еслибъ евангелистъ Маркъ дѣйствительно имѣлъ предъ глазами разсказъ Луки, излагая свой собственный разсказъ о преображеніи, то и въ такомъ случаѣ Лука „не далъ бы ему повода“ впасть въ недоумѣніе относительно словъ апостола Петра“, какъ выражается Бауръ, и придти къ мысли указать причину, вызвавшую ихъ. Это потому, что евангелистъ Лука вовсе необъясняетъ ихъ, хотя Бауръ утверждаетъ противное, говорить, что у Луки, мы находимъ несравненно лучшее объясненіе словъ Ап. Петра, нежели у Марка. Правда Лука говоритъ, что при началѣ преображенія Господня, ученики были отягчены сномъ—*βεβαρηνένοι ὄπνοιο*. Но упоминая объ этомъ фактѣ, евангелистъ просто хотѣлъ для полноты разсказа изобразить положеніе учениковъ при началѣ преображенія,—положеніе, въ которомъ конечно они и находились дѣйствительно, поелику, не принимая участія въ молитвѣ, они оставались безъ опредѣленнаго занятія, между тѣмъ самое время по всей вѣроятности располагало ко сну, такъ какъ Спаситель всегда уединялся для молитвы или ночью или на разсвѣтѣ, когда житейская молва не могла беспокоить и нарушать тишины, потребной для молитвеннаго настроенія духа. Причинной же связи между этимъ упомянутымъ Евангелистомъ Лукою фактомъ и дальнѣйшими словами Ап. Петра не было и евангелистъ нисколько не имѣлъ въ виду поставлять то и другое въ этой причинной связи. Но если-бы онъ имѣлъ подобное намѣреніе—что желаетъ доказать Бауръ—особенно еслибъ онъ хотѣлъ чрезъ это выставить учениковъ Спасителя въ неблагопріятномъ для нихъ свѣтѣ: то

для полнаго достиженія своей цѣли онъ уже послѣ словъ Ап. Петра замѣтилъ бы, что слова Апостола были произнесены потому именно, что при началѣ преображенія ученики были отягчены сномъ, какъ это именно сдѣлалъ Маркъ, сказавъ, что Петръ не зналъ, что говорить, потому что ученики находились въ ужасѣ. И тогда выводы Баура дѣйствительно имѣли-бы основаніе, котораго они вовсе не имѣютъ при томъ порядкѣ размѣщенія частныхъ обстоятельствъ, который существуетъ въ разсматриваемыхъ нами разсказахъ.

2-е, затѣмъ, обстоятельство, доказывающее, по Бауру, зависимость Марка отъ Матѳея и Луки въ разсказѣ о преображеніи, есть то, что Маркъ впадаетъ въ противорѣчіе, объясняя слова Петра: говорить, что ученики въ одно и тоже время и боялись и ощущали великое удовольствіе при видѣ свѣтоноснаго явленія. Бауръ, какъ мы видѣли, объясняетъ это тѣмъ, что Маркъ, хотя и счелъ нужнымъ, по примѣру Луки, объяснить слова Петра, но не рѣшился послѣдовать ему въ самомъ объясненіи. Онъ не имѣлъ намѣренія, подобно Лукѣ, выставить учениковъ Иисуса въ неблагопріятномъ свѣтѣ и потому, указавъ причину, возвышшую со стороны Петра странное заявленіе, во вѣншемъ сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на учениковъ необычайнымъ явленіемъ—вмѣсто *βεβαρημένοι ὄπλω* Луки поставилъ *ἐκλόβσι*, воспользовавшись выраженіемъ Матѳея *ἐκλόβηθησαν σλόβρα* и не замѣтивъ при этомъ противорѣчія, въ которое впалъ... Такимъ образомъ Маркъ въ одно и тоже время обнаружилъ свою зависимость какъ отъ Матѳея такъ и отъ Луки. Подобныя соображенія Баура неимѣютъ однакожъ никакого значенія, такъ какъ самого факта, для объясненія котораго они придуманы, на самомъ дѣлѣ вовсе не существуетъ: у Марка нѣтъ никакого противорѣчія, въ которое будто впадаетъ онъ, объясняя слова апостола Петра. Правда по свидѣтельству Марка, ученики во время Преображенія были объяты страхомъ и вмѣстѣ испытывали удовольствіе, которое хотѣли продолжить, что видно изъ словъ Петра. Но подобное

состояніе вполне возможно психологически и ученики Господа едва ли могли находиться въ другомъ какомъ либо состояніи въ торжественныя минуты славнаго преображенія своего Божественнаго Учителя. Въ самомъ дѣлѣ—преображенное лице Господа, получившее блескъ подобный блеску солнечному, Его одежды, убѣлившіяся какъ снѣгъ, великіе мужи народа Израильскаго давно уже отшедшіе и вдругъ представшіе и бесѣдующіе съ Спасителемъ о исходѣ Его—все это должно было быть столь необычайнымъ и разительнымъ для учениковъ, что они конечно не могли не смутиться, не могли не впасть въ трепетъ и ужасъ. Но съ другой стороны отображеніе Божественнаго величія на лицѣ Спасителя, а особенно отображеніе безконечной любви, которою конечно преисполненъ Онъ былъ, бесѣдуя о великомъ дѣлѣ Божественнаго милосердія, о совершаемомъ Имъ искушеніи падшаго человѣка, далѣе торжественно-спокойныя лица великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и въ тоже время просвѣтленныхъ радостію при видѣ Того, Кого они еще издалека видѣли и цѣловали, затѣмъ горній свѣтъ, озарившій вершину горы,—все это въ свою очередь не должно ли было также возбудить въ душѣ учениковъ не изъяснимо сладостнаго ощущенія, сказавшагося въ словахъ Петра, ощущенія котораго не могъ вытѣснить страхъ, обившій ихъ? Пусть этотъ страхъ былъ силенъ, но точно также должно было быть сильнымъ и сладостное ощущеніе; пусть это ощущеніе было ослабляемо страхомъ, — но оно не могло быть вовсе подавлено имъ. Это фактъ, что различныя впечатлѣнія, получаемыя нами отъ предметовъ и явленій и даже отъ одного какого либо предмета и явленія, производятъ на насъ различныя нерѣдко противоположныя ощущенія, которыя въ одно и тоже время овладѣваютъ нами, вступаютъ, такъ сказать въ борьбу между собою, слясъ взять перевѣсъ одно надъ другимъ. Подобная борьба длится иногда въ насъ довольно долго, особенно если ощущенія эти довольно сильны и въ моменты подобной борьбы мы всякому даемъ замѣтить то словами, то дѣйствіями—притомъ всегда болѣе или менѣе странно-

ми и ненормальными — что мы находимся во власти разнообразныхъ и притомъ противоположныхъ ощущеній. На какомъ же послѣ этого основаніи Бауръ позволяетъ себѣ обвинять Марка въ психологическомъ противорѣчій? Основаніе, одно желаніе во чтобы то ни стало доказать не самостоятельность Марка. Но доказательства, опирающіяся на подобныхъ основаніяхъ могутъ привести лишь къ тому убѣжденію, что главное положеніе, къ подтвержденію котораго они направлены, въ высшей степени не состоятельно, а противоположное ему неопровержимо.

Слѣдующій рассказъ Марка о исцѣленіи одержимаго нечистымъ духомъ 9, 14 29 отличается большею подробностью, нежели рассказы двухъ другихъ синоптиковъ о томъ же событіи. Мы находимъ у него упоминаніе о таеихъ обстоятельствеяхъ, которыя у двухъ-другихъ Евангелистовъ проходятся молчаніемъ. Бауръ однакожъ не находитъ въ этихъ упоминаніяхъ ничего такого что говорило бы въ пользу самостоятельности Марка. Напротивъ онъ видитъ въ нихъ то распространеніе рассказа Матѳея, основанное на рефлексіи, то прибавленія, порожденныя желаніемъ представить нагляднѣе означенное событіе. Такъ если Маркъ сказалъ, что во время пребыванія Спасителя на горѣ ученики не взятые Имъ съ собою спорили съ книжниками: то онъ сказалъ это потому, что, подумавъ, счелъ нужнымъ, говоря о трехъ ученикахъ, сопровождавшихъ Иисуса на гору, не забывать и объ остальныхъ. Если за тѣмъ упомянуть о радости и изумленіи, съ которыми народъ встрѣтилъ сходявшаго съ горы Иисуса и привѣтствовалъ его, то въ этомъ случаѣ онъ только приписалъ народу тѣ впечатлѣнія и ощущенія, которыя пережилъ онъ самъ, излагая рассказъ о преображеніи и т. д. Словомъ всѣ подробности Маркова рассказа, по Бауру, не болѣе какъ вымыслы, произвольныя прибавленія, подобныя тѣмъ, которыми изобилуютъ рассказы о исцѣленіи глухонѣмаго и слѣпаго и которыя легко объясняются особенностями Марка, какъ писателя. Бауръ не ограничивается однакожъ подобнымъ истолкованіемъ подробностей,

встрѣчаемыхъ въ рассматриваемомъ разсказѣ Марка. Онъ по обыкновенію находитъ въ немъ и положительныя доказательства зависимости Марка какъ отъ Матѳея, такъ особенно отъ Луки. Зависимость эта, говоритъ Бауръ, обнаруживается въ томъ, что Маркъ ослабляетъ характеристическій моментъ, который усматривается въ разсказѣ двухъ другихъ синоптиковъ—именно безсиліе учениковъ и рѣзкое порицаніе ихъ, которое приписываетъ Иисусъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у Матѳея 17, 17, ср. 17, 20 подъ родомъ невѣрнымъ и развращеннымъ—*γενεα ἀπίστος καὶ διεστραμμένη* Иисусъ разумѣетъ учениковъ; еще менѣе можно отнести эти слова къ кому-либо другому у Луки, такъ какъ у него этотъ разсказъ принадлежитъ къ тому отдѣленію, въ которомъ онъ съ особенною силою выставляетъ учениковъ Иисуса въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Хотя у Марка укоризненные слова — *γενεα ἀπίστος* стоятъ въ такой же связи, ст. 19, но съ одной стороны, вслѣдствіе распространенія разсказа, отношеніе ихъ къ ученикамъ дѣлается менѣе яснымъ, съ другой—на вопросъ учениковъ ст. 28 дается болѣе мягкой отвѣтъ, нежели у Матѳея. Въ подобномъ же отношеніи стоитъ Маркъ къ двумъ другимъ синоптикамъ при изложеніи слѣдующаго за симъ предсказанія Иисусова о смерти. Маркъ излагаетъ его совершенно согласно съ Матѳеемъ, и въ тоже время не можетъ скрыть того, что ему былъ извѣстенъ приговоръ, который дѣлаетъ здѣсь Лука относительно учениковъ, поэтому онъ не только говоритъ подобно Матѳею, что ученики были смущены, но и то, что они не поняли словъ Иисуса, спросить же Его боялись; вслѣдствіе этого рѣчь Марка является слабымъ такъ сказать отзвукомъ Луки....

Припоминая тѣ возраженія, которыя дѣлалъ Бауръ при разборѣ предшествующихъ главъ Евангелія Марка, мы не находимъ ничего новаго въ сейчасъ изложенныхъ нами замѣчаніяхъ, чтобы уже не сказалъ нашъ противникъ прежде. И прежде онъ называлъ вымыслами тѣ подробности, которыя встрѣчаются въ разсказахъ одного только Марка и болѣе или менѣе свидѣлствуютъ о его самостоятельности, и прежде сти-

рался онъ изобличить Марка въ желаніи смягчить не благоприятныя для учениковъ Спасителя отзвѣвы Луки. Но какъ прежде Бауръ оказался несостоятельнымъ, такъ точно является онъ несостоятельнымъ и въ настоящій разъ. Такъ тѣ частныя обстоятельства, о которыхъ упоминаетъ Маркъ въ разсматриваемомъ нами разсказѣ, и которыя Бауръ считаетъ вымышленными, должны быть однако признаны дѣйствительными, поелику онѣ, если разсмотрѣть ихъ въ связи со всѣмъ содержаніемъ Еванг. исторіи являются вполне естественными, вполне согласными съ общимъ характеромъ дѣятельности Спасителя, съ характеромъ отношеній къ Нему народа. На какомъ же напр. основаніи считать вымышленнымъ то, упоминаемое Маркомъ, обстоятельство, что народъ, увидя возвращающагося съ горы Господа изумился и устремившись къ Нему, привѣтствовать Его, когда мы знаемъ, что появленіе Спасителя въ какомъ бы то ни было изъ населенныхъ и даже не населенныхъ Галилейскихъ мѣстъ всегда производило волненіе въ замѣчавшемъ Его народѣ и онъ толпами, радуясь, устремлялся къ Нему? И потому не лучше ли упоминаемое Маркомъ обстоятельство признать дѣйствительнымъ обстоятельствомъ котораго даже не могло не быть при внезапной встрѣчѣ народа съ Спасителемъ? На какомъ опять основаніи признать вымышленными слова, съ которыми, по Марку, Спаситель обратился къ отцу больнаго „если скольконибудь можемъ вѣровать; все возможно вѣрующему,“—когда намъ извѣстно, что Спаситель всегда считалъ вѣру обращающихся къ нему за исцѣленіями необходимымъ условіемъ исцѣленія и потому всегда старался или пробудить къ жизни дремлющій зародышъ ея, или укрѣпить ее, когда была не довольно еще сильною? И опять не лучше ли, не естественнѣе ли принять эти слова за дѣйствительно произнесенныя Спасителемъ и затѣмъ признать вполне несостоятельными, не имѣющими никакого значенія замѣчанія Баура, видящаго во всѣхъ частныхъ обстоятельствахъ, упоминаемыхъ однимъ Маркомъ, лишь одни произвольныя прибавленія, которыя будто бы очень легко объяснить особенностями Марка, какъ писателя.

Что касается того замѣчанія Баура, что Маркъ смягчаетъ рѣзкое порицаніе учениковъ со стороны Спасителя, которое будто бы мы находимъ у Матѳея и Луки, и тѣмъ обнаруживаетъ свою зависимость отъ этихъ Евангелистовъ: то замѣчаніе это также безосновательно. Сличая рассказъ Марка съ рассказами другихъ синоптиковъ! мы не находимъ ничего, что дало бы Бауру хотя малѣйшій поводъ сдѣлать такое замѣчаніе. Ибо слова Спасителя: «о родъ невѣрный и развращенный» находятся какъ у Матѳея и Луки, такъ и у Марка, и стоятъ, у этаго послѣдняго въ такой же связи, какъ у первыхъ двухъ, что замѣчаетъ самъ Бауръ. Въ чемъ же тутъ обнаружилось стремленіе Марка, смягчить рѣзкость рассказовъ другихъ Евангелистовъ? То правда, что у Марка, та часть рассказа, которая слѣдуетъ за словами Спасителя, изложена гораздо обширнѣе, нежели у Матѳея и Луки: но это нисколько не препятствуетъ видѣть съ перваго раза, къ кому именно относятся слова Спасителя, поелику, они, служа отвѣтомъ на то, что было сказано отцемъ ѳсноватаго, стоятъ въ связи лишь съ предшествующею имъ частію рассказа, къ послѣдующей же неимѣютъ никакого отношенія. Если, потомъ, отвѣтъ Спасителя, на слова учениковъ, Маркъ излагаетъ короче, нежели Матѳея, и мы не встрѣчаемъ у него указанія на маловѣріе учениковъ, какъ на причину ихъ неуспѣшности въ исцѣленіи, то это также не говоритъ въ пользу Баура: у Луки мы и вовсе не находимъ ни вопроса учениковъ, ни отвѣта Спасителя. Это обстоятельство, въ глазахъ Баура, не лишаетъ однакоже, рассказа Луки рѣзкости; почему же краткость, съ какою у Марка изложенъ отвѣтъ Спасителя, должна имѣть смягчающее значеніе. Въ 2-хъ, еслибы даже справедливо было то, что Маркъ имѣя предъ собою Евангеліе Луки, считалъ нужнымъ смягчать нѣкоторые строгіе приговоры, относительно учениковъ Спасителя, находящіеся, по мнѣнію Баура, въ этомъ Евангеліи: то и въ такомъ случаѣ онъ въ раз матриваемомъ рассказѣ не нашелъ бы ничего, что съ этой точки зрѣнія нужно было бы смягчить: слова Спасителя «о родъ невѣрный и развращенный»;

которыя Бауръ хочетъ во чтобы то ни стало отнести къ ученикамъ, никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ нимъ. Спаситель не могъ учениковъ своихъ называть родомъ невѣрнымъ, указать на невѣріе какъ на общую характеристическую черту обнаруженную всѣми ихъ поступками, всѣмъ ихъ поведеніемъ. Правда въ нѣкоторыхъ случаяхъ они обнаруживали маловѣріе и даже невѣріе, но, вообще говоря, они имѣли вѣру въ своего Божественнаго Учителя, хотя она не была еще вполне брѣвкою и омрачалась предразсудками, общими всѣмъ тогдашнимъ Іудеямъ, что однакожъ не препятствовало ей по временамъ, напр. въ исповѣданіи Петра, проявляться во всемъ величіи. Тѣмъ менѣе могъ называть Спаситель учениковъ своихъ родомъ развращеннымъ. Не говоря о чемъ либо другомъ, тотъ фактъ, что они, оставивъ все, послѣдовали за нимъ, рѣшились видѣть съ Нимъ переносить всѣ тяжести и неудобства страннической безпріютной жизни ради глаголовъ живота вѣчнаго, исходившихъ изъ устъ Его,—одинъ этотъ фактъ доказываетъ самоотверженіе ихъ, ихъ безкорыстную любовь къ своему Учителю, способность ихъ простыхъ сердець воспринимать и возвращать сѣмена Божественнаго слова и так. образ. служить неопровержимымъ свидѣтельствомъ о ихъ нравственномъ превосходствѣ надъ современниками, о томъ превосходствѣ изъ за котораго Спаситель приблизилъ ихъ къ себѣ и сдѣлалъ своими неразлучными слутниками. Затѣмъ, съ перваго раза можно видѣть, что произнося эти слова, Спаситель былъ огорченъ тѣми, къ кому обращалъ онъ ихъ, и какъ бы отчаявался въ возможности исправленія тѣхъ, кого называлъ онъ невѣрнымъ и развращеннымъ родомъ. Такимъ образ. еслибъ онъ, произнося въ такомъ настроеніи духа укориженныя слова, имѣлъ при этомъ въ виду своихъ учениковъ, то, оставшись на единѣ съ ними, онъ по крайней мѣрѣ выразилъ бы свое недовольство ими, упрекнулъ бы ихъ и во всякомъ случаѣ не скоро бы опять выразилъ обычное свое къ нимъ расположеніе, какъ къ людямъ наиболѣе близкимъ, и однакожъ мы ничего подобнаго не находимъ. Спаситель послѣ исцѣленія

бѣсноватаго не только не сдѣлалъ никакого упрека ученикамъ своимъ, напротивъ сталъ открывать имъ то, что считалъ нужнымъ хранить въ тайнѣ отъ народа — именно говорилъ имъ что «Сынъ человѣческій» преданъ будетъ въ руки человѣческія, и убьютъ Его и, по убіеніи, въ третій день воскреснетъ» и так. обр. показалъ, что Онъ продолжаетъ видѣть въ нихъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей — людей, которымъ однимъ только можно открывать великія тайны Божественнаго домостроительства и которые слѣд. не были виновны ни въ чемъ, что бы могло отклонить отъ нихъ сердце ихъ Учителя. И не есть ли это несомнѣнное доказательство того что горькій упрекъ Спасителя, обвиненіе въ невѣрїи и развращенности, относился вовсе не къ ученикамъ, во все того не заслужившимъ а къ другимъ лицамъ и скорѣе всего къ той народной толпѣ, которая слѣдовала за необыкновеннымъ Учителемъ потому только, что онъ творилъ не виданныя ею чудесныя дѣла, вращевалъ ея членовъ отъ тѣлесныхъ недуговъ и которая, по своему легкомыслію, всегда была готова, при первомъ удобномъ случаѣ стать на сторонѣ враговъ его, и какъ кажется, дѣйствительно соглашалась съ ними въ томъ спорѣ, о которомъ Ев. Маркъ упоминаетъ въ разсматриваемомъ нами рассказѣ. Ибо мы не видимъ, чтобы кто нибудь изъ народа держалъ сторону учениковъ. Они одни должны были защищаться отъ нападеній книжниковъ, которые упрекали ихъ въ безсилїи и конечно вмѣстѣ съ тѣмъ порицали ихъ Учителя, именемъ котораго они дѣйствовали.

И такъ какъ же значеніе могутъ имѣть доказательства Баура, основанныя на несуществующемъ фактѣ! И не продолжаетъ ли оставаться непоколебленною самостоятельность Евангелія Марка, хотя Бауръ и отрицаетъ ее?

Если же Бауръ говоритъ еще, что будто Маркъ смягчаетъ замѣчаніе Луки о неспособности учениковъ понять того, что Спаситель говорилъ имъ о своемъ исходѣ: то на это замѣчаніе Баура едва ли стоитъ обращать вниманіе: Маркъ говоритъ

тоже самое, что и Лука, только короче, и различія въ тонѣ между тѣмъ и другимъ рѣшительно нѣтъ никакого.

Мрк. 10, 1—13, 27.

Въ этомъ отдѣленіи Маркова Евангелія Бауръ обращаетъ вниманіе преимущественно на тѣ мѣста, которыя во многомъ различаются съ параллельными мѣстами у двухъ другихъ синоптиковъ. При этомъ онъ, по обыкновенію, доказываетъ, что Маркъ, хотя его рассказы и не сходны съ параллельными рассказами, исключительно руководствовался Матѳеемъ и Лукою, и что даже отъ названныхъ Евангелистовъ ясно говорить самыя отступленія отъ о полной зависимости Марка отъ нихъ.

Гл. 10.

Содерж. Бесѣда Спасителя съ фарисеями и учениками о расторженіи брака 10, 1—12, благословеніе дѣтей 13—16; бесѣда Спасителя съ богатымъ юношей и учениками, по поводу этого юноши 17—31; предсказаніе Спасителя о Своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи 32—34; просьба сыновъ Заведеевыхъ 35—46; исцѣленіе слѣплаго 47—52).

Въ 10 гл. Бауръ главн. обр. останавливается на бесѣдѣ Спасителя съ фарисеями и учениками о расторженіи брака. Бесѣда эта находится у Матѳея и Марка и различно изложена этими Евангелистами, хотя въ существенныхъ чертахъ они сходятся между собою. По Евангелію Матѳея фарисеи спрашиваютъ у Спасителя: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ своею женою?—Спаситель, отвѣчая на этотъ вопросъ, указываетъ на опредѣленіе, въ силу котораго они становятся одною плотію и замѣчаетъ: и такъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да неразлучаетъ. На отвѣтъ Спасителя фарисеи дѣлаютъ возраженіе, указывая на Моисея, заповѣдавшего давать женѣ разводное письмо. Объяснивъ эту заповѣдь же токосердіемъ Іудеевъ и назвавъ всякій разводъ, кромѣ развода за прелюбодѣяніе, и вступленіе во вторичный бракъ—прелюбодѣяніемъ, Спаситель тѣмъ самымъ даетъ своимъ ученикамъ поводъ замѣтить, что въ такомъ случаѣ, луч-

ше не жениться. Замѣчаніе не было оставлено Спасителемъ безъ вниманія: по поводу его онъ излагаетъ ученіе о безбрачной жизни Мѡ. 19, 3—12. У Марка ходъ дѣла представленъ нѣсколько иначе. По Марку фарисеи предлагаютъ Спасителю вопросъ въ болѣе общемъ видѣ; они спрашиваютъ вообще о законности развода, умалчивая о причинахъ, побуждающихъ къ нему. Позволительно ли, спрашиваютъ они, разводиться мужу съ женою? На этотъ вопросъ Спаситель отвѣчаетъ прежде всего тоже вопросомъ: что заповѣдалъ вамъ Моисей?—и когда фарисеи указали на данное имъ позволеніе разводиться, Спаситель указываетъ на жестокосердіе Іудеевъ, какъ на причину такого позволенія, и за тѣмъ уже излагаетъ божественную заповѣдь о союзѣ между мужемъ и женою, данную при ихъ сотвореніи. Разговоръ этотъ обратилъ на себя вниманіе учениковъ Спасителя и когда они, оставивъ фарисеевъ, вошли съ своимъ учителемъ въ домъ, то предложили Ему вопросъ о разводѣ. Въ отвѣтъ на него Спаситель сказалъ: кто разведется съ женою своею и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ отъ ней. И если жена разведется съ мужемъ своимъ и выйдетъ за другаго, прелюбодѣйствуетъ. Такимъ образомъ отвѣты Спасителя у Марка изложены въ иномъ порядкѣ, нежели у Матѳея, и отвѣтъ Спасителя на вопросъ о разводѣ представляется у него безусловно отрицательнымъ, тогда какъ по Матѳею, Спаситель въ случаѣ прелюбодѣянія, признаетъ разводъ законнымъ. Далѣе у Марка не встрѣчаемъ ученія Спасителя о безбрачїи и хотя, по Марку, ученики не остаются безучастными къ предмету бесѣды, но уже не въ присутствїи фарисеевъ предлагаютъ вопросъ своему Учителю, а находясь съ нимъ наединѣ въ домѣ и притомъ вопросъ ихъ касается вообще развода, а не безбрачной жизни, почему Спаситель, по Марку, въ отвѣтъ имъ излагаетъ не ученіе о безбрачной жизни, а говоритъ то, что, по Матѳею, было сказано предъ фарисеями—именно что всякій разводъ и за тѣмъ вступленіе въ бракъ съ другимъ лицомъ есть прелюбодѣйство.—Самъ Бауръ находитъ очень много различія между Маркомъ и Матѳеемъ

въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на то обстоятельство, что по Матѳею Спаситель указываетъ на прелюбодѣяніе, какъ на уважительную причину къ разводу, между тѣмъ, по Марку, на вопросъ фарисеевъ о разводѣ Спаситель даетъ отвѣтъ вполнѣ отрицательный. „Какъ объяснить, спрашиваетъ Бауръ, что Маркъ отступастъ отъ Матѳея въ столь важномъ пунктѣ? Впрочемъ онъ не затрудняется отвѣтить на вопросъ, имъ же самимъ выставленный. Отступленіе Марка отъ Матѳея есть, по Бауру, слѣдствіе рефлексіи, съ какою Маркъ отнесся къ разсказу своего главнаго руководителя. „Основаніе уклоненія Марка отъ Матѳея, говоритъ Бауръ, безъ сомнѣнія заключается въ рефлексіи, къ которой подало Марку поводъ то, какимъ образомъ Іисусъ мотивировалъ свой отвѣтъ. И за тѣмъ Бауръ излагаетъ самый процессъ рефлектирующей мысли Марка, какъ бы вполнѣ ему извѣстный: «если бракъ опирается на первоначальномъ, чрезъ самое твореніе установленномъ отношеніи двухъ половъ другъ къ другу, и если два лица въ брачномъ союзѣ соединяются между собою такъ, что ихъ двойственность сливается въ единство: то съ этой точки зрѣнія прелюбодѣяніе является чѣмъ то неестественнымъ, такъ что по существу своему оно не можетъ быть принимаемо во вниманіе какъ нѣчто особенное, самостоятельное. Но какъ скоро совершился фактъ прелюбодѣянія, то по отношенію къ нему должно имѣть значеніе то положеніе, въ силу котораго Іисусъ запрещаетъ всякое расторженіе брачнаго союза, т. е., что человѣкъ не долженъ разлучать того, что сочелъ Богъ. Прелюбодѣяніе, само по себѣ, есть актъ человѣческаго произвола, есть фактические разрушеніе установленнаго Богомъ союза,—по этому нѣтъ надобности законнымъ образомъ опредѣлять то, что существуетъ уже на дѣлѣ. И такъ—поелику Маркъ особенно имѣетъ въ виду то, что Іисусъ смотритъ на бракъ съ точки зрѣнія первоначальнаго, естественнаго отношенія между собою двухъ половъ: то онъ думаетъ, что прелюбодѣяніе также подлежитъ запрещенію, выраженному въ ст. 9. Такъ какъ расторженія бра-

ковъ суть слѣдствія жестокосердія, слѣд. нѣчто такое, чего не должно быть: то тоже самое еще болѣе имѣетъ значенія по отношенію къ прелюбодѣянію, какъ причинѣ расторгеній. Прелюбодѣяніе поэтому не слѣдуетъ разсматривать особенно, или если оно должно быть признано какъ нѣчто особое, то слова Иисуса могутъ быть приняты въ такомъ смыслѣ: такъ какъ прелюбодѣяніе можетъ быть разсматриваемо какъ только произвольное расторгеніе брачнаго союза: то этотъ союзъ не можетъ быть расторгаемъ произвольно никакимъ образомъ“. Далѣе Бауръ обращаетъ вниманіе на то, что Маркъ, ст. 12, говоритъ объ оставленіи мужа женою, чего нѣтъ у Матоея, и объясняетъ это добавленіе такимъ образомъ: „если Маркъ, какъ на главный пунктъ рѣчи Иисуса, смотритъ на первоначальное Богомъ установленное отношеніе двухъ половъ, вслѣдствіе котораго мужъ и жена настолько принадлежатъ одинъ другому, что оба вмѣстѣ въ бракѣ составляютъ одну личность: то что же всего естественнѣе можетъ слѣдовать изъ этого, какъ не равноправность обоехъ супруговъ? Если же обѣимъ сторонамъ должно принадлежать одно право: то они также одинаково должны быть виновны въ случаѣ нарушенія Богомъ утвержденной святости брака.—Съ этой руководящей точки зрѣнія, продолжаетъ Бауръ, легко объясняется и дальнѣйшее различіе, именно, что у Марка не достаетъ находящейся у Матоея заключительной рѣчи о *εὐνοουχίας*. Уже неясность связи слѣдующихъ у Мѳ. 19, 10 словъ могла расположить Марка вовсе оставить ихъ. Ибо какъ можно считать в *συνφέρει γαρ ἡσά* слѣдствіемъ, предшествующаго и какъ выжется в *συνφέρει γαρ ἡσά* съ слѣдующею рѣчью о „*εὐνοουχίᾳ*“ и о ея различныхъ видахъ.— И если взаимная связь двухъ половъ есть изначала утвержденный Богомъ порядокъ, который не можетъ быть уничтоженъ человѣческимъ произволомъ: то не имѣетъ ли значенія и по отношенію къ *εὐνοουχίᾳ* положеніе, что человѣкъ не можетъ различать того, что сочеталъ Богъ“ 1)... Таковы соображенія Ба-

1) Mrksevg. 81—84.

ура, имѣющія цѣлю доказать, что Маркъ, излагая бесѣду Спасителя съ фарисеями и учениками о разводѣ, слѣдоваль Матѳею, хотя съ перваго взгляда этого нисколько не видно. Не трудно замѣтить, что соображенія эти мало говорятъ въ пользу защищаемаго Бауромъ положенія. Самый уже пріемъ Баура лишаетъ ихъ всякой доказательной силы. То, что говорить Бауръ,—онъ говоритъ предположительно, рѣшительно ни на чемъ не опираясь; соображенія его имѣютъ чисто субъективный характеръ. Но предположеніе, какъ бы оно ни было вѣроятно, не даетъ права къ рѣшительнымъ выводамъ, если же такіе выводы и дѣлаются, то ничего не прибавляютъ къ тому, что положительно еще не доказано. Но имѣетъ ли еще хотя малую степень вѣроятности предположеніе Баура? Нѣтъ. Бауръ предполагаетъ, что причина уклоненія Марка отъ Матѳея въ разсматриваемомъ мѣстѣ заключается въ рефлексіи, съ какою Маркъ отнесся къ разсказу Матѳея, прежде чѣмъ внести его въ свое повѣствованіе, и выясняетъ ту руководящую точку зрѣнія, которой Маркъ будго бы придерживался, измѣняя и сокращая тогъ источникъ, изъ котораго онъ дѣлалъ замѣствованія. Но трудно однакоже согласиться съ тѣмъ, чтобы древній христіанскій писатель, жившій, по убѣжденію даже самого представителя отрицательной критики, вѣковъ за 16 предъ симъ, могъ подвергнуть Евангельскій разсказъ такому угонченному анализу, къ которому способенъ лишь позднѣйшій нѣмецкій ученый, всю жизнь изощрившійся въ діалектикѣ, привыкшій ко всему относиться съ безпощадною критикой и въ добавокъ подготовленный ко всему этому цѣлымъ рядомъ предшественниковъ. Допустимъ впрочемъ, что Маркъ, руководствуясь Евангеліемъ Матѳея, могъ анализировать его такъ, какъ это предполагаетъ Бауръ; но чтожь могло побудить Марка къ такому анализу? Вспомнимъ, что Маркъ христіанинъ, благоговѣвшій, какъ видно изъ его Евангелія, предъ Спасителемъ, предъ Его словами и дѣлами. А въ такомъ случаѣ основательно ли предположить въ немъ рѣшимость при составленіи Евангельскаго разсказа по готовымъ источникамъ, измѣнять

и сокращать слова Спасителя потому только, что нѣкоторые показались ему излишними, нѣкоторые не вполне понятными? Не излишне замѣтить и то, что Бауръ, приписывая Марку вышеизложенныя соображенія впадаетъ въ противорѣчiе съ самимъ собою. Говоря вообще, Бауръ очень не высоко смотритъ на писателя Маркова Евангелiя. По нему, — это простой компиляторъ, который изъ за литературныхъ украшенiй готовъ дѣлать въ своемъ разсказѣ совершенно излишнiя прибавленiя, нѣрѣдко ослабляющiя и даже искажающiя смыслъ первоначальнаго руководительнаго источника, такой притомъ компиляторъ, который очень часто не въ состоянiи проникнуть во внутреннiй смыслъ сокращаемаго и передѣльваемаго имъ повѣствованiя, угадать идею, его проникающую. Но послѣ этого едва ли послѣдовательно со стороны Баура приписывать такому мало-способному, по его мнѣнiю, компилятору утонченнѣйшiя соображенiя, способность къ остроумнѣйшей рефлексiи.»—Если впрочемъ такая рефлексiя удержала Марка слѣдовать далѣе за Матѳеемъ—такъ заканчиваетъ Бауръ свой обзоръ разсматриваемаго мѣста — то все таки кажется онъ придерживался Матѳея въ томъ, что заключительныя слова рѣчи-Исуса о расторженiи брака обращены у него только къ однимъ ученикамъ, подобно тому, какъ у Матѳея *ἐδύαχ'α* дѣлается предметомъ рѣчи только въ послѣдующемъ разговорѣ Исуса съ своими учениками».—Предположенiе нужно замѣтить очень шаткое, хотя дѣлая такое предположенiе, Бауръ думаетъ представить прямое доказательство зависимости Марка отъ Матѳея. Но неужели Маркъ считаетъ нужнымъ упомянуть о бесѣдѣ Спасителя съ учениками, потому только, что о ней говоритъ Матѳей? Нѣтъ, если Маркъ, руководствуясь Матѳеемъ, очень свободно все таки относился къ нему, такъ что счелъ, по мнѣнiю Баура, нужнымъ опустить содержанiе бесѣды; то всего естественнѣе и удобнѣе было для него вовсе неупоминать объ этой бесѣдѣ...

Вообще нужно сказать, что первые стихи 10 гл. Евангелiя отъ Марка, заключающiе въ себѣ изложенiе бесѣды Спасите-

ля съ фарисеями и учениками о расторженіи брака, нисколько не говорятъ въ пользу Баура, хотя онъ и старался доказать, что Маркъ и въ этомъ отдѣлѣ своего повѣствованія, какъ и во всѣхъ прочихъ является зависимымъ отъ двухъ другихъ синоптиковъ (на этотъ разъ отъ Матѳея) при всемъ кажущемся различіи отъ нихъ. Напротивъ особенности разсматриваемаго отдѣла, прибавленія, не встрѣчающіяся въ параллельномъ отдѣленіи Матѳеева евангелія, ощущенія довольно значительныхъ по объему и содержанію мѣсть изъ этого отдѣленія, — прибавленія и ощущенія не мыслимы въ томъ случаѣ, еслибы Маркъ компилировалъ Матѳея, — все это ясно показываетъ, что Маркъ составлялъ свое евангеліе внѣ всякой зависимости отъ синоптиковъ руководствуясь другими источниками. Въ частности же замѣчаніе Марка, 10 ст., о томъ, что ученики продолжали бесѣду съ Спасителемъ находясь въ домѣ, даетъ право заключить, что, при изложеніи разсмотрѣннаго нами мѣста, Маркъ руководствовался воспоминаніями лица, принимавшаго непосредственное участіе въ бесѣдѣ и хорошо знакомаго съ частными сопровождавшими ее обстоятельствами.

11 ГЛАВА.

(Содерж. торжественное вшествіе Спасителя въ Иерусалимъ 11. 1—10; посѣщеніе храма, изгнаніе изъ него продающихъ и покупающихъ и изсушеніе смоковницы 11—26; разговоры Спасителя съ первосвященниками и старѣйшинами во храмѣ 27—33).

Въ 11 гл. евангелія Марка Бауръ преимущественно останавливается на отдѣленіи отъ 11 по 26 ст., въ которомъ излагаются обстоятельства, непосредственно послѣдовавшія за торжественнымъ вшествіемъ Спасителя въ Иерусалимъ, именно посѣщеніе Спасителемъ храма, изгнаніе изъ него торгующихъ и покупающихъ, проклятіе смоковницы и слѣдствіе этого проклятія. При изложеніи названныхъ обстоятельствъ Маркъ вообще согласенъ съ двумя другими синоптиками; но въ то же время разсказъ его представляетъ особенности, невольно обращающія на себя вниманіе. Дѣло въ томъ, что въ своемъ по-

вѣствованіи Маркъ отличается особенною хронологическою точностію. По Марку, вшествіе Спасителя въ Іерусалимъ совершилось передъ вечеромъ и Спаситель вошедши во храмъ, только осматриваетъ его и какъ время было позднее, выходитъ въ Виоанію съ двѣнадцатію. На другой день послѣ входа Спаситель на пути въ Іерусалимъ проклинаетъ смоковницу и затѣмъ очищаетъ храмъ; вечеромъ этого другаго дня опять оставляетъ городъ; на третій день поутру ученики замѣчаютъ, что проклятая ихъ учителемъ наканунѣ смоковница изсохла и обращаютъ на это его вниманіе. Онъ воспользовавшись случаемъ предлагаетъ имъ ученіе о силѣ вѣры. Даже такіе ученые, какъ Saunier, доказывавшій вслѣдъ за Грисбахомъ, что Маркъ заимствовалъ свое евангеліе изъ Матѳея и Луки ¹⁾, находятъ себя вынужденными видѣть въ указанныхъ хронологическихъ данныхъ доказательство независимости Марка отъ синоптиковъ; по крайней мѣрѣ въ разсматриваемомъ мѣстѣ. И въ самомъ дѣлѣ эти хронологическія данныя въ высшей степени обстоятельны и точныя, не встрѣчающіяся ни у Матѳея, ни у Луки, должны всякаго безпристрастнаго изслѣдователя съ необходимостью привести къ тому заключенію, что Маркъ излагая обстоятельства, послѣдовавшія за вшествіемъ Спасителя въ Іерусалимъ, пользовался не синоптиками, а другимъ источникомъ, или правильнѣе сказаніями очевидца, благоговѣнно сохранившаго въ своей памяти мельчайшія подробности великихъ знаменательныхъ событій совершившихся въ послѣдніе дни земной жизни Господа Іисуса. Но Бауръ не смущается этимъ. Но, Бауру хронологическія данныя, находящіяся въ 11 гл. Маркова повѣствованія, нисколько не говорятъ въ пользу независимости Марка отъ синоптиковъ. Они болѣе какъ произвольныя дополненія, вредящія лишь достоинству рассказовъ, заимствованныхъ Маркомъ отъ Матѳея и Луки.—«То правда, говоритъ Бауръ, что у Марка всѣ событія представлены болѣе раздѣльно, разложены на отдѣльные составляющіе ихъ мо-

1) Saunier, über d. Quellen d. Evang. d. Mark. Berl. 1825.

менты; но преимущество ли это, когда вслѣдствіе такой раздѣльности ослаблено впечатлѣніе совершившагося, утрачены первоначальныя черты евангельскаго преданія? Какъ согласно съ представленіемъ о Мессіи, являющемся въ своемъ царственномъ достоинствѣ то, когда Онъ, по сказанію Матѳея и Луки, непосредственно послѣ вшествія, предпринимаетъ религиозное дѣло вополнѣ приличное Ему какъ Мессіи и въ священной ревности, которую съ перваго раза долженъ былъ возбудить въ Немъ взглядъ на оскверненный храмъ, не медлитъ, но быстро устремляется къ совершенію этаго великаго дѣла, которое, въ какое бы время не было совершено оно, могло быть совершено Имъ только при сознаніи высшаго призванія, въ необыкновенномъ блескѣ коего явился Онъ предъ народомъ во время своего вшествія. Напротивъ совершенно иначе представляется дѣло, когда Иисусъ, по Марку, идетъ хотя послѣ вшествія также въ храмъ, но только за тѣмъ, чтобы осмотрѣться въ немъ и съ предусмотрительною осторожностію предварительно опредѣлить образъ своихъ дѣйствій на слѣдующій день. Кто не увидитъ здѣсь точки зрѣнія писателя, уже далеко отстоящаго отъ живаго преданія, — писателя, который ту сухую рефлексію, съ какою онъ старается представить ходъ дѣла въ порядкѣ, казавшемся ему вѣроятнымъ, усвоитъ самому совершителю дѣла? Какъ здѣсь Маркъ очевидно раздѣляетъ намѣреніе и дѣло и представляетъ Иисуса предпринявшимъ въ первый день лишь намѣреніе совершить дѣло, самое же дѣло, совершившимъ только на другой день; такъ точно также рефлексія, разлагающая единое дѣйствіе на его различные моменты и представляющая ихъ въ раздѣльности, обнаруживается и въ томъ случаѣ, когда Маркъ въ разсказѣ о смоковницѣ раздѣляетъ на два отдѣльные момента то, что Матѳеей представляетъ въ единствѣ непосредственнаго воззрѣнія. По Матѳею, дерево въ тотъ самый моментъ, какъ Иисусъ произнесъ проклятіе, уже засыхаетъ; по Марку же, хотя ученики слышатъ изреченіе Иисуса, но они не видятъ еще никакого его дѣйствія и только на слѣдующій день замѣчаютъ, что совер-

шилось то, что должно было совершиться вслѣдъ за словомъ Иисуса. Такимъ образомъ, чудо совершается постепенно и Маркъ представляетъ созерцающему читателю, подобно тому, какъ въ 7, 31, 8, 22. за временемъ, слѣдить здѣсь за дѣйствиемъ Иисуса, руководствуя его одно съ другимъ сличающею рефлексіею. Такая склонность анализировать и специфировать принадлежитъ къ литературнымъ приемамъ Марка; на этотъ способъ воззрѣнія въ разсказахъ о чудесахъ противорѣчитъ характеру чуда, ибо чѣмъ болѣе дѣйствіе отдалено отъ причины, чѣмъ болѣе между ними находится посредствующихъ моментовъ, тѣмъ менѣе чудо является какъ непосредственный актъ, что однакоже должно заключаться въ понятіи чуда. Но, обыкновеніе Марка вводитъ свою рефлексію въ разсказъ съ цѣлію сдѣлать предметъ разсказа, насколько это возможно, нагляднымъ, вводитъ его еще въ болѣе поразительное противорѣчіе съ самымъ предметомъ разсказа, когда онъ въ ст. 13 дѣлаетъ замѣчаніе, что не настало еще время собиранія смоквъ. Правда это замѣчаніе очень естественно объясняетъ то, почему Иисусъ нашелъ на деревѣ не плоды, а только листья, но не то, какимъ образомъ Иисусъ могъ ожидать найти плоды тамъ, гдѣ по природѣ вещей нельзя было найти. Остается непонятнымъ, какимъ образомъ Маркъ могъ не замѣтить противорѣчія, которое вслѣдствіе этаго переходитъ и въ дѣйствіе Иисуса; но поводъ къ этой ошибкѣ конечно заключался въ томъ, что Маркъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не воспользоваться случаемъ присоединить свое собственное замѣчаніе, служащее къ уясненію дѣла ¹⁾.....

И такъ хронологическія данныя, заключающіяся въ 11 гл. Маркова евангелія, не иное что какъ произвольныя добавленія, сдѣланныя Маркомъ и появившіяся въ его разсказѣ вслѣдствіе желанія представить предметы разсказа по возможности наглядными, не иное что, какъ результаты его рефлектирующей мысли. Бауръ неоднократно дѣлалъ подобныя замѣчанія съ цѣ-

¹⁾ Mrksevg. 88—90.

люю объяснить особенности Марка не въ его пользу; но на этотъ разъ онъ доходитъ до крайности; преслѣдуя свою цѣль онъ позволяетъ себѣ безъ всякихъ основаній впадать въ противорѣчіе съ воззрѣніями, выработанными исторической критикой, которыя признаются вполне правильными всѣми серьезными учеными, занимающимися исторіей. Именно: при критической оцѣнкѣ письменныхъ памятниковъ древности, касающихся исторіи,—при ихъ оцѣнкѣ на основаніи внутреннихъ признаковъ ученые обращаютъ между прочимъ вниманіе на хронологическія данныя, заключающіяся въ этихъ памятникахъ и, смотря по ихъ характеру, дѣлаютъ заключенія о подлинности древняго письменнаго памятника, о степени его достовѣрности. Такъ если въ разсматриваемомъ памятникѣ хронологическихъ указаній немного, если онѣ неопредѣленны и спутаны: то его признаютъ написаннымъ спустя много времени послѣ событій, описываемыхъ въ немъ, и потому не особенно достовѣрныхъ. Если же напротивъ разсматриваемый памятникъ изобилуетъ хронологическими данными, если они опредѣленны и отчетливы, то это считается несомнѣннымъ признакомъ близости памятника ко временамъ въ немъ описываемымъ, признакомъ его подлинности и достовѣрности и вслѣдствіе этого къ нему относятся съ полнымъ довѣріемъ, его указаніями пользуются при ученыхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Но какъ поступаетъ Бауръ? совершенно наоборотъ. Предъ нимъ евангельскій рассказъ, обильный самыми подробными и точными хронологическими указаніями; въ немъ обозначены даже часы дня, въ которые совершилось описываемое событіе. И что же? Къ какому выводу приходитъ онъ? Къ тому, что эти данныя, будучи вымыслами писателя, даютъ право видѣть въ немъ писателя далеко стоявшаго отъ живаго евангельскаго преданія, писателя позднѣйшаго, руководствовавшагося письменными памятниками болѣе ранняго происхожденія. Выводъ едва ли достойный серьезнаго и безпристрастнаго писателя, какимъ считаетъ однакомъ себя Бауръ.

Бауръ впрочемъ приводитъ доказательства для подтвержденія правильности своего вывода; онъ говоритъ, что Маркъ своими хронологическими указаніями въ разсказѣ о посѣщеніи Спасителемъ храма и о его дѣйствіяхъ въ немъ, ослабилъ впечатлѣніе совершившагося, т. е., изобразилъ изгнаніе Спасителемъ изъ храма торгующихъ не столь величественнымъ дѣйствіемъ, какимъ было оно на самомъ дѣлѣ и какимъ представляется оно у Матѳея. Ибо, по Марку, Спаситель сначала, въ день вшествія, только задумалъ совершить дѣло, совершилъ же его лишь на другой день. Въ разсказѣ же о изсушеніи смоковницы Маркъ съ своими хронологически замѣчаніями впалъ въ противорѣчіе съ понятіемъ о чудѣ, какъ непосредственномъ актѣ, раздѣливъ значительнымъ промежуткомъ времени слова Спасителя отъ дѣйствія, ими произведеннаго; а всѣмъ этимъ онъ обнаружилъ произвольность своихъ хронологическихъ замѣтокъ, позднѣйшее происхожденіе своего Евангелія, свою зависимость отъ Матѳея и Луки. Доказательства также не состоятельны, какъ парадоксаленъ выводъ: 1) Въ разсказѣ о посѣщеніи храма Спасителемъ и о изгнаніи Имъ Изъ храма торгующихъ, Маркъ нисколько не отдѣляетъ намѣреніе Спасителя совершить дѣло отъ самаго совершенія дѣла. Правда, Маркъ говоритъ, что Спаситель въ день входа только осмотрѣлъ храмъ и, не сдѣлавъ въ немъ ничего, удалился; но Маркъ тутъ же указываетъ и на причину этого, какъ время было уже позднее, вышелъ въ Вифанію съ двѣнадцатью», при чемъ Маркъ ни словомъ не намекаетъ на то, что будто Іисусъ, выходя изъ храма, вознамѣрился очистить храмъ отъ торгующихъ, хотя тутъ же и нерѣшился сдѣлать этого. Что же касается изгнанія Спасителемъ изъ храма торгующихъ, то это дѣйствіе и у Марка изображается такими же чертами какъ у Матѳея и слѣдовательно представляется столь же величественнымъ.— „И вошелъ Іисусъ въ храмъ Божій, повѣствуетъ Матѳей, и выгналъ всѣхъ продающихъ и покупающихъ въ храмѣ, и опрокинулъ столы мѣновниковъ и скамьи продающихъ голубей. И говорилъ имъ: написано: домъ Мой—домъ молитвы наречется; а

вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ Матѳ. 21, 12. 13. Маркъ: Иисусъ, войдя въ храмъ, началъ выгонять продающихъ и покупающихъ во храмѣ; столы мѣновщиковъ и мѣста продающихъ голубей опрокинулъ; и не позволялъ, чтобы кто пронесъ чрезъ храмъ какую либо вещь и училъ ихъ, говоря: не написано ли: домъ Мой и т. д.... Не одно ли и тоже? Разница лишь въ томъ, что по Матѳею это совершилось въ день вшествія въ Иерусалимъ, по Марку, на другой день послѣ вшествія. 2) Въ разсказѣ о изсушеніи смоковницы Маркъ не впадаетъ въ противорѣчіе съ понятіемъ о чудѣ, какъ непосредственномъ дѣйстви, хотя онъ и полагаетъ значительный промежутокъ времени между словами Спасителя и дѣйствиемъ ими произведеннымъ. Бауръ замѣчаетъ, что ученики Спасителя только на другой день увидѣли совершеніе того, что должно было совершиться тотчасъ же вслѣдъ за словами Иисуса. Но нужно замѣтить, что слова Спасителя, обращенныя Имъ къ смоковницѣ не заключаютъ въ себѣ основаній ожидать совершенія чуда тотчасъ же по произношеніи словъ. Спаситель сказалъ: „отнынѣ да не вкушаетъ отъ тебя никто плода во вѣкъ“, но не повелѣлъ ей изсохнуть, и ученики, услышавъ слова Спасителя, конечно, пришли къ мысли, что смоковница на всегда останется безплодною; но они не имѣли повода предполагать, что, по слову ихъ Учителя, смоковница тотчасъ же изсохнетъ. Чѣмъ болѣе дѣйствіе удалено отъ причины, тѣмъ менѣе чудо является какъ непосредственное дѣйствіе, — продолжаетъ Бауръ; но въ данномъ случаѣ изсушеніе смоковницы, хотя оно совершилось не вслѣдъ за проклятіемъ, произнесеннымъ Спасителемъ, остается непосредственнымъ дѣйствиемъ всемогущества Божественнаго, непосредственнымъ слѣдствіемъ вседѣйственнаго слова Иисуса. Ибо нельзя указать такой естественной причины, вслѣдствіе которой, большое, полное жизненныхъ соковъ дерево могло совершенно изсохнуть въ одни сутки. Причина могла быть здѣсь одна и причина сверхъестественная— это чудодѣйственное слово Спасителя. И апостолы на изсушеніе смоковницы посмотрѣли, по повѣствованію Марка, какъ на

чудо, какъ на прямое слѣдствіе проклятiя Иисусова. Ибо когда на другой день послѣ проклятiя они увидѣли засохшее дерево, то тотчасъ же обратили на это вниманіе, какъ на нѣчто необыкновенное, и одинъ изъ нихъ, обратившись къ Иисусу, сказалъ: Равви! посмотри, смоковница, которую Ты проклялъ, засохла.

Чтобы еще нагляднѣе доказать произвольность и неумѣстность хронологическихъ данныхъ, заключающихся въ разсказахъ Марка о посѣщеніи Спасителемъ храма и о изсушеніи смоковницы, Бауръ обращаетъ вниманіе на замѣчаніе, которое сдѣлалъ Маркъ въ 13 ст. 11-й гл.: «ибо не время было смоквъ». Бауръ считаетъ это замѣчаніе аналогичнымъ съ хронологическими указанiями и говоритъ, что здѣсь особенно ясно обнаружилось желаніе Марка вводить въ разсказъ, ни на что не обращающаго вниманiя, свои собственныя ни откуда не заимствованныя вставки,—желаніе, которое также побудило Марка позаботиться объ особенной хронологической точности. Крайняя произвольность указаннаго замѣчанiя видна, по словамъ Баура, изъ того, что Маркъ, сдѣлавъ его, впалъ въ непримиримое противорѣчіе съ предметомъ разсказа. Но едвали Маркъ впалъ въ противорѣчіе съ предметомъ разсказа, замѣтивши: „ибо не время было смоквъ.“ Правда всѣ комментаторы считаютъ 11 ст. 13 гл. очень затруднительнымъ, но не такимъ, чтобы нельзя было объяснить его въ пользу Евангелиста, нельзя было доказать его умѣстности. Если даже мы будемъ разсматривать сообщаемый Маркомъ разсказъ о изсушеніи смоковницы только съ вышней его стороны, не придавая передаваемому факту высшаго смысла, если даже мы согласимся съ тѣмъ, что Спаситель дѣйствительно думалъ найти на смоковницѣ плоды, но какъ бы обманулся въ своихъ ожиданiяхъ: и въ такомъ случаѣ замѣчаніе Марка и фактъ, къ которому относится оно, могутъ быть объяснены удовлетворительно.» Если выраженіе «время смоквъ» (*καρπὸς σίκων*),—говоритъ Ольсгаузенъ,—отнести ко времени, въ которое поспѣваютъ плоды, то становится непонятнымъ, какимъ образомъ Спаситель могъ искать на деревѣ

плодовъ, когда еще не пришло время плодовъ. Но трудность уменьшается когда здѣсь думаютъ видѣть особую породу смоквъ, которыя остаются на деревѣ во всю зиму и бывають собираемы весною. Смысль словъ Марка будетъ поэтому такой: ибо обыкновенныя смоквы еще не созрѣли, не наступило время собиранія ихъ; по Иисусъ въ этомъ деревѣ узналъ дерево особой породы, которое могло имѣть зрѣлыя, годныя къ употребленію плоды: поэтому Онъ могъ думать, что найдетъ на немъ смоквы,—простѣйшее объясненіе этаго трудно понимаемаго мѣста даютъ въ томъ случаѣ, когда замѣчаютъ, что здѣсь не оста таетъ члена предъ словомъ *καὶρός*, вслѣдствіе чего замѣчаніе Марка уже не можетъ быть отнесено къ обычному времени собиранія плодовъ; ибо въ противномъ случаѣ слѣдовало бы сказать: *ὁ καιρός τῶν σίμων*. Это обстоятельство даетъ поводъ къ иному пониманію словъ, вслѣдствіе котораго *καὶρός*, какъ *tempus opportunum*, можетъ быть принимаемо въ приложеніи не къ опредѣленному, каждый годъ возвращающемуся времени собиранія плодовъ, но къ особымъ обстоятельствамъ только извѣстнаго года. Смысль замѣчанія будетъ поэтому такой: „время было не благоприятно къ произрастанію смоквъ:“ смоковницы не принесли плодовъ въ этотъ годъ“.—Но возможно ли разсказъ о изсушеніи смоковницы разсматривать лишь съ внѣшней стороны и не видѣть въ немъ высшаго смысла, какъ хочетъ понимать его Бауръ? Нѣтъ. Самъ Бауръ преклоняется предъ свѣтлымъ образомъ Спасителя. Но этотъ свѣтлый образъ будетъ помраченъ, какъ скоро мы приишемъ Спасителю столь недостойное Его употребленіе чудодѣйственной силы. «Только въ томъ случаѣ, замѣчаетъ Ольсгаузенъ, фактъ этотъ (изсушеніе смоковницы) явится свѣтлою чертою въ образѣ Спасителя, когда на внѣшнюю его сторону мы взглянемъ какъ на выраженіе идеи. Такъ какъ великій рѣшительный шагъ приближался, то святая душа Иисуса была возмущаема грѣхами народа, который въ тѣ торжественные моменты, когда всѣ чаянія и надежды отцевъ осуществились, оставался слѣпъ и глухъ къ откровенію присущихъ Ему Божественныхъ свойствъ.

Онъ, Сынъ небеснаго Отца, пришелъ съ тѣмъ, чтобы принять плоды истиннаго покаянія, которые долженъ былъ возрастить законъ, но не нашелъ ничего. Вслѣдствіе сего неплодія, непринесшіе плода должны были подвергнуться карѣ; послѣ того какъ вѣрный садовникъ тщетно заботился о деревѣ, оно должно было подлежать исторженію (ср. Лук. 13, 6). Весь этотъ кругъ возвышенныхъ идей теперь образно представляется въ малозначительномъ фактѣ и потому фактъ этотъ долженъ быть понимаемъ какъ символъ отношенія Господа къ народу Израильскому и послѣдней конечной судьбы этого народа, — символъ который въ послѣднее время дѣятельности Иисуса является необыкновенно нагляднымъ и знаменательнымъ. «—Если же такъ, если Спаситель приступилъ къ бесплодной смоковницѣ и проклиналъ ее для того, чтобы наглядно въ символѣ выразить то, что думалъ онъ о Израильскомъ народѣ, и то, какая судьба готовилась этому неблагодарному народу; то при разсмотрѣніи повѣствованія Марка о смоковницѣ вовсе не умѣстны вопросы въ родѣ слѣдующаго: какъ понять то, что Иисусъ ожидалъ найти плоды тамъ, гдѣ, по природѣ вещей, ихъ нельзя было найти? Понятное дѣло, Спаситель зналъ, что не наступало еще время собиранія плодовъ, что онъ приступаетъ къ бесплодному дереву; даже болѣе: можно положительно сказать, что потому Онъ и приступилъ къ смоковницѣ, что она была бесплодна. А послѣ этаго смыслъ замѣчанія Марка: «еще было не время смоквы» становится вполне яснымъ; оно относится къ дѣйствительному факту, оно вполне естественно и умѣстно и потому въ немъ нѣтъ противорѣчія съ предметомъ разсказа, какъ утверждаетъ Бауръ.

Разобравши разсказъ Марка о изсушеніи смоковницы Бауръ продолжаетъ: какъ здѣсь Маркъ обнаружилъ всю бѣдность своихъ естественныхъ средствъ, такъ въ заключеніи его разсказа объ очищеніи храма можно видѣть только его зависимость отъ Луки. Маркъ говоритъ ст. 18, что книжники и первосвященники искали, какъ бы погубить Его; ибо боялись Его, потому что весь народъ удивлялся ученію Его εὐεκτήρηστο ἐπὶ

τῆ διδαχῆ αὐτῆ. Но откуда здѣсь является вдругъ ἐκπλήττεσθαι πὶ τῆ διδαχῆ αὐτῆ, когда Иисусъ не имѣлъ еще времени учить во храмѣ, ибо Онъ, хотя послѣ краткаго посѣщенія храма вечеромъ въ день шествія, на другое утро опять пришелъ туда, но дѣя того только, чтобы изгнать продающихъ и покупающихъ. Лука говоритъ также о удивленіи народа, но выставляетъ другія основанія для этаго, ибо упоминаетъ не объ очищеніи только храма, но и объ ежедневномъ ученіи Иисуса во храмѣ. Маркъ хотя говоритъ только объ очищеніи храма, однакоже считаетъ нужнымъ впечатлѣніе, произведенное Иисусомъ на народъ, приписать Его ученію; но къ какой натяжкѣ прибѣгалъ онъ, когда, желая приписать впечатлѣніе ученію, и не упомянувъ, подобно Лукѣ, что Иисусъ ежедневно училъ во храмѣ, называетъ ученіемъ тѣ обличительныя слова, съ которыми Иисусъ изгналъ продающихъ и покупающихъ? καὶ ἐδίδασκε λέγων αὐτοῖς, ἅ ἡγορεῖται и т. д. Почему же Маркъ считаетъ недостаточнымъ—очищеніе храма, о которомъ только онъ и говоритъ, выставить какъ причину впечатлѣнія, которое Иисусъ произвелъ на народъ? Или почему онъ не слѣдуетъ здѣсь Матѳею? И откуда, какъ не изъ Луки, эта искусственная его вставка (Kunstliche Einflechten слова «διδάσκειν»?)—т. е. не найдя болѣе достаточныхъ основаній, Бауръ хочетъ воспользоваться однимъ выраженіемъ, чтобы доказать свое положеніе о зависимости Марка отъ Луки и въ этой 11-й гл., какъ и въ предшествующихъ.—Но гдѣ же та натяжка, которую хочетъ видѣть Бауръ въ 17 ст, 11 й гл. Марка? Гдѣ основаніе утверждать, что слово δίδασκειν, искусственно будто бы вставленное Маркомъ въ свое повѣствованіе, взято не иначе, какъ изъ Луки? Дѣйствительно Маркъ не говоритъ о ежедневномъ ученіи Спасителя въ храмѣ, которому, по Лукѣ, дивился народъ, но почему онъ не могъ, не прибѣгая къ натяжкѣ, назвать ученіемъ тѣ обличительныя слова, которыя произнесъ Спаситель, изгоняя изъ храма продающихъ и покупающихъ,—именно: «не написано ли: домъ Мой домомъ молитвы наречется для всѣхъ»

народовъ; а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ? Чѣмъ же, какъ не ученіемъ были эти слова въ устахъ Спасителя, который, произнося ихъ предъ всѣмъ народомъ, хотѣлъ внушить ему подобающее уваженіе къ дому Божію и выяснитъ всю тяжесть проступка тѣхъ, которые изъ дома молитвы сдѣлали разбойничій вертепъ и далѣе—почему же эти слова при всей ихъ краткости, не могли произвести сильнаго впечатлѣнія на народъ и расположить его въ пользу Спасителя, о чемъ говорить Маркъ? Слова эти были сказаны съ необыкновенною силою въ духѣ величайшей ревности по славѣ Божіей, такъ что тѣ, кому были онѣ сказаны, не осмѣлились возразить на нихъ что либо; за тѣмъ онѣ были направлены противъ такихъ дѣйствій, которыя безъ сомнѣнія возмущали многихъ истинно благочестивыхъ людей изъ среды народа, и которыя доселѣ не встрѣчали себѣ противодѣйствія даже со стороны книжниковъ и фарисеевъ—этихъ представителей внѣшней праведности. Притомъ нужно замѣтить, что евангелистъ Маркъ, назвавши ученіемъ обличительныя слова Спасителя, не сказалъ, что ученіе Его, которому дивился народъ, состояло единственно изъ этихъ словъ. Поэтому очень возможно предположить, что Маркъ, говоря о удивленіи народа ученію Спасителя, разумѣлъ здѣсь не одни Его обличительныя слова но и другія наставленія, хотя эти наставленія Маркъ и не помѣстилъ въ своемъ разсказѣ. Предположеніе это имѣетъ въ свою пользу то, между прочимъ, что Маркъ вообще въ своемъ евангеліи имѣетъ въ виду болѣе событія изъ жизни Спасителя, нежели Его ученіе. А что Спаситель послѣ обличительныхъ словъ, обращенныхъ Имъ къ изгнаннымъ изъ храма, предложилъ и другія наставленія,—объ этомъ не безъ основанія можно заключать изъ 19,47 Луки, откуда, по Бауру, Маркъ заимствовалъ выраженіе — *διδάσκειν*, именно здѣсь Лука, непосредственно за приведенными имъ обличительными словами Спасителя, говоритъ: «и училъ (Иисусъ) каждый день во храмѣ (и почему же недопустить что въ самый день очищенія храма), но при этомъ не излагаетъ самаго ученія.

ГЛАВА 12.

(Содерж. притча о злыхъ виноградаряхъ 1—12; вопросъ Фарисеевъ и Иродіанъ о данн Кесарю и отвѣтъ на него Спасителя 13—17; вопросъ Саддукеевъ о воскресеніи и отвѣтъ на него 18—27; вопросъ книжника о первой изъ всѣхъ заповѣдей въ законѣ и отвѣтъ на него 27—34; вопросъ о Христѣ, какъ сынѣ Давида, обращенный къ народу 35—37; обличительная рѣчь противъ книжниковъ 38—40; рассказъ о вдовицѣ, положившей двѣ ленты въ сокровищницу храма 41—44.).

Разсмотрѣніе 12 гл. Марка Бауръ начинаеть такъ: въ концѣ отдѣленія заключающаго въ себѣ притчу 12, 1—12 Маркъ до такой очевидности согласенъ съ Лукою, что зависимость одного отъ другаго не подлежитъ сомнѣнію. У обоихъ послѣднія слова, — *ἐγνώσαν γὰρ, ὅτι πρὸς αὐτὸς τὴν παραβολὴν ταύτην εἶπε* по смыслу могутъ быть отнесены не къ *ἐφοβήθησαν*, непосредственно предшествующему, но лишь къ отдаленнѣшему *ἐζήτησαν* и т. д. или *ἐζήτην* и т. д.... Такъ какъ это мѣсто само по себѣ не имѣеть никакого значенія, то на вопросъ: кто здѣсь находится въ зависимости одинъ отъ другаго?—можно отвѣтить лишь по аналогіи съ болѣе выдающимися мѣстами; но если такъ, то несомнѣнно, что именно Маркъ... не удержался здѣсь отъ того, чтобы не воспользоваться словами своего предшественника“. ¹⁾ Но такъ какъ и при разборѣ болѣе выдающихся мѣстъ мы не находили достаточныхъ основаній признать Марка зависимымъ отъ Луки, то нѣтъ причинъ и здѣсь заключать о такой зависимости.

Далѣе Бауръ останавливается на тѣхъ разностяхъ, которыя отличаютъ содержаніе 12 гл. Марка отъ параллельныхъ мѣстъ въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки вмѣстѣ. Преимущественно Бауръ останавливается на 35—37 ст. Отличіе этого мѣста въ 12 гл. Марка отъ параллельныхъ мѣстъ у Матѳея и Луки состоитъ въ томъ, что, по Марку, Спаситель съ вопросомъ о Христѣ, какъ сынѣ Давида, обращается къ народу, по Матѳею

¹⁾ Markusevang. 92. 93.

же и Лукѣ—къ книжникамъ и Фарисеямъ (Мѡ. 22, 41; Лук. 20, 40). Въ этомъ то отличіи Бауръ и видитъ признакъ зависимости Марка отъ двухъ другихъ синоптиковъ. Вопросъ о Христѣ, какъ сынѣ Давида, вопросъ чисто діалектической, по словамъ Баура; онъ могъ быть предложенъ Спасителемъ лишь своимъ противникамъ съ цѣлію привести ихъ въ затрудненіе и такимъ образомъ посрамить ихъ. Только книжники и фарисеи могли обсудить его, понять его значеніе и сознательно дать или не дать на него отвѣтъ. Поэтому только предложенный имъ, онъ могъ имѣть смыслъ. По сказанію Маттея и Луки, Спаситель дѣйствительно и предлагаетъ его книжникамъ и фарисеямъ. По Марку же этотъ вопросъ предлагается народу? Но съ какою же цѣлію предлагать его народу? Очевидно, что вопросъ этотъ теряетъ значеніе вопроса діалекческаго въ той формѣ, въ какой находимъ мы его у Марка въ этой формѣ мы получаемъ лишь слабый отзвукъ (einen schwachen Nachklang) его первоначальнаго значенія ²⁾.—Но чтобы видѣть всю несостоятельность этого объясненія, направленнаго Бауромъ противъ самостоятельности Марка, достаточно привести слѣдующія слова Мейера: “.... вопросъ о Христѣ сынѣ Давида, предложенный народу, есть не иное что, какъ возраженіе, открывающее предъ всѣми богословское безсиліе (theologische Rathlosigkeit) книжниковъ, обнаруженное ими въ молчаніи, къ которому они были вынуждены тѣмъ, что одинъ изъ нихъ выразилъ полное свое одобреніе Иисусу (Мр. 12, 28—32). Книжники находятся еще здѣсь. Но Иисусъ предлагаетъ свой вопросъ не имъ только, но высказываетъ его предъ народомъ, прямо однако же имѣлъ въ виду *grammatisch*. Книжники такимъ образомъ имѣютъ возможность и предъ народомъ дать отвѣтъ, если только они въ состояніи дать его. Если же они не дадутъ, то тѣмъ полнѣе окажутся побѣжденными и посрамленными. Но они не могутъ сказать ничего“.... ³⁾.

²⁾ Marksevg. 96. 97. Здѣсь мы приводимъ слова Баура не буквально, но въ сокращеніи.

³⁾ Mayer komment. 1. Thls. 2. Abth. S. 162.

Что касается другихъ разностей, отличающихъ содержаніе 12 гл. Марка отъ параллельныхъ мѣстъ, то Бауръ прямо, не приводя никакихъ основаній, объясняетъ ихъ вліяніемъ на Марка повѣствованій Матѳея и Луки. Такъ напр. по Матѳею, законникъ, предложившій Спасителю вопросъ о первой изъ всѣхъ заповѣдей, искушалъ Его, по примѣру прочихъ своихъ собратій Мѳ. 22, 35; между тѣмъ изъ разсказа Марка мы узнаемъ, что этотъ законникъ былъ расположенъ къ Спасителю, почему онъ и одобрилъ данный ему Спасителемъ отвѣтъ, сказавши: хорошо, Учитель! истину сказалъ Ты и т. д... Мрк. 12., 28., 32. Бауръ объясняетъ это различіе слѣд. образомъ: поводъ къ такому пониманію дѣла быть можетъ данъ былъ Марку разказомъ же Матѳея, такъ какъ у Матѳея представляется не довольно яснымъ, какимъ образомъ законникъ, предложившій вопросъ съ цѣлію искусить Іисуса, могъ имѣть эту цѣль при подобномъ вопросѣ (т. е. при вопросѣ о первой изъ всѣхъ заповѣдей). Еще болѣе, кажется, даль къ этому поводъ Лука. То, что, по Лукѣ, нѣкоторые изъ книжниковъ отвѣтили Іисусу въ заключеніе Его рѣчи о воскресеніи: *διδάσκαλε, καλῶς εἶπας* 20, 39,—это самое очень замѣтно просвѣчиваетъ въ словахъ книжниковъ у Марка: *καλῶς, διδάσκαλε, ἐπ—ἀληθείας εἶπας*.—Не говоря о чемъ нибудь другомъ, — одни уже выраженія Баура „быть можетъ“ „кажется“ избавляютъ насъ отъ труда останавливаться на соображеніяхъ, подобныхъ приведенному. Соображенія такого рода могутъ имѣть смыслъ развѣ только въ глазахъ того, къѣмъ они измышлены.

ГЛАВА 13.

(Содержаніе: пророчесвенная рѣчь І. Христа о разрушеніи Іерусалима и о кончинѣ міра).

13-я глава Евангелія Марка по содержанію имѣетъ существенное сходство съ параллельными главами у Матѳея и Луки. Впрочемъ при такомъ сходствѣ нельзя не замѣтить между названными главами и значительнаго различія. Различіе состо-

ить въ томъ, что рѣчь Спасителя у Марка является болѣе краткою, нежели у другихъ синоптиковъ. У Марка мы не находимъ нѣкоторыхъ частей рѣчи, встрѣчающихся у Луки и особенно у Матѳея (ср. Мар. 13, 31—37; Матѳ. 24, 35—51; Лук. 21, 33—36). Далѣе у Марка нѣкоторыя части рѣчи Спасителя изложены въ болѣе краткомъ видѣ, нежели у двухъ другихъ синоптиковъ, напр. Мар. 13, 8; ср. Лук. 21, 10. 11.; Марк. 13, 24. 25. Лук. 21, 25. 26. Матѳ. 24, 29. 30; Марк. 13, 21—23; Матѳ. 21., 23—26. нѣкоторыя мысли Спасителя переданы не въ одинаковыхъ выраженіяхъ, напр. Марк. 13, 12. 13. Лук. 21, 16—19; Матѳ. 24, 9—10; Марк. 33—37; Матѳ. 24, 42—44; Лук. 21, 36.

При разборѣ 13 гл. Марка Бауръ ведетъ дѣло иначе, нежели какъ вель онъ его, въ большинствѣ случаевъ, прежде, анализируя предшествующія главы. Заканчивая анализъ Евангелія Марка Бауръ, какъ кажется, пришелъ къ тому убѣжденію, что имъ вполне доказана зависимость Марка отъ Луки, а также вполне удовлетворительно объяснены не въ пользу самостоятельности Марка тѣ разности, которыя отличаютъ его повѣствованіе отъ повѣствованія главнаго (будто бы) его руководителя — Матѳея. Поэтому не вдавался въ какія либо соображенія, онъ прямо указываетъ у Матѳея и Луки тѣ мѣста, которыя Маркъ внесъ будто бы въ свое Евангеліе при составленіи 13-й гл., указываетъ даже отдѣльныя выраженія, которыя Маркъ на этотъ разъ заимствовалъ у своихъ предшественниковъ. Приведемъ подлинныя слова Баура: „въ 5—8 стт. (13 гл.) не смотря на полное почти сходство этого мѣста у всѣхъ трехъ Евангелистовъ, у Марка встрѣчаются отдѣльныя выраженія, которыя принадлежатъ лишь одному кому либо изъ двухъ остальныхъ—или Матѳею или Лукѣ, какъ на примѣръ: *ὅτι ἐγὼ ἐπι* ст. 6. ср. Лук. ст. 8, *αρχαὶ ὁδίων ταῦτα* ст. 8. ср. Матѳ. ст. 8.... стт. 9—13... здѣсь Лука далъ поводъ уклониться отъ Матѳея.... съ 14 ст. Маркъ оставляетъ Луку, чтобы слѣдовать одному Матѳею. Стихи 14—22 неболѣе какъ бук-

вальное почти повтореніе параллельнаго мѣста Матѳея ст. 15—36 "... и т. д. Точно такой же приѣмъ употребляетъ Бауръ, останавливается на тѣхъ замѣчаніяхъ, на тѣхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ и словахъ, которыя находятся у одного только Марка. Онъ прямо говоритъ, что эти исключительно Марку принадлежащія слова и выраженія его собственныя произвольныя добавленія, поводъ къ которымъ дали ему руководители Матѳея и Лука. Такъ—Маркъ говоритъ 23, 3. 5, что пророчесвенная рѣчь Христа была обращена лишь къ четыремъ ученикамъ, между тѣмъ по Матѳею и Лукѣ онъ обращаетъ ее ко всѣмъ. По поводу этой особенности Марка Бауръ замѣчаетъ, что только выраженіе Матѳея *κατ' ἰδίαν*—на единѣ—Мтѳ. 24, 3. навело Марка на мысль—ограничить кругъ учениковъ, къ которымъ обращена была рѣчь, только четырьмя. Марку будто бы показалось, что безъ такого ограниченія не будетъ вполне исчерпаннымъ смыслъ выраженія Матѳея: *κατ' ἰδίαν*. Искать же другаго источника для объясненія указанной особенности Марка, прибавляетъ Бауръ, кромѣ выраженія *κατ' ἰδίαν* " было бы противно всякой аналогіи. Далѣе у Марка ст. 32 читается: „о дне же томъ... никто не знаетъ ни ангелы небесные, ни Сынъ, но только Отецъ“. Только у Марка находится выраженіе: ни Сынъ—*ὁ υἱὸς*; въ параллельныхъ мѣстахъ у Матѳея и Луки этаго выраженія мы не встрѣчаемъ. „Источникъ этаго прибавленія, говоритъ Бауръ, не трудно открыть. Слова *ὁ υἱὸς* суть не иное что, какъ прямое слѣдствіе словъ Матѳ. 24, 36: *ὁ υἱὸς οὐδὲν, ὁ υἱὸς οἱ ἄγγελοι τῶν οὐρανῶν εἰ μὴ ὁ πατήρ μόνος*—никто не знаетъ, ни Ангелы небесные а только Отецъ Мой одинъ. Если о томъ знаетъ только одинъ Отецъ: то значить и Сынъ не знаетъ. Самъ Маркъ даетъ очевидное доказательство того, что онъ своимъ добавленіемъ *ὁ υἱὸς* хотѣлъ лишь выяснитъ смыслъ слова *μόνος*. Слова *μόνος* при словѣ *πατήρ* у него пѣтъ.

Но подобнаго рода краткія безосновательныя замѣчанія не могутъ, — какъ уже мы говорили, имѣть для насъ значенія.

Для насъ напротивъ тѣ вышеуказанныя разности, которыя существуютъ между 13 гл. Марка и параллельными мѣстами въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки, суть неоспоримыя доказательства самостоятельности Марка относительно двухъ другихъ синоптиковъ, хотя Бауръ и не придаетъ никакой цѣны этимъ разностямъ.

14, 15, 16 гл.

(Содержаніе: исторія страданій, смерти, воскресенія и вознесенія на небо Господа Иисуса).

При обзорѣ послѣднихъ трехъ главъ Евангелія Марка 14, 15 и 16-й Бауръ употребляетъ тотъ же пріемъ, какой употребленъ имъ при обзорѣ 13-й гл. Такъ—тѣ указанія на нѣкоторыя частныя обстоятельства, которыя мы находимъ у одного лишь Марка, Бауръ называетъ произвольными добавленіями, которыя сдѣланы Маркомъ единственно изъ желанія пополнить рассказы двухъ остальныхъ синоптиковъ и особенно рассказы Матѳея; что же касается сходства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій Марка съ выраженіями въ параллельныхъ рассказахъ Луки, то это сходство для Баура—очевидное доказательство вліянія на Марка повѣствованія Луки, вліянія отъ котораго Маркъ не можетъ освободиться не смотря на то, что главнымъ образомъ руководствуется Матѳеемъ, особенно въ 14 и 15 гл., при изложеніи страданій и смерти Спасителя.

Такъ какъ мы уже ознакомились съ подобнаго рода замѣчаніями между прочимъ при обзорѣ 13 гл. Марка, то мы считаемъ излишнимъ воспроизводить здѣсь то, что сказано Бауромъ по поводу послѣдняго заключительнаго отдѣленія разсматриваемаго нами Евангелія. Вмѣсто того мы укажемъ тѣ особенности, которыя отличаютъ рассказы Марка о послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя отъ параллельныхъ рассказовъ двухъ остальныхъ синоптиковъ. Такъ какъ, по словамъ Баура, Маркъ въ 14 и 15-й гл. почти исключительно руководствовался Матѳеемъ, то мы укажемъ то, чѣмъ отлича-

ются эти главы отъ паралельныхъ имъ въ Евангеліи Матѳея 26 и 27 главъ.

По Марку 14, 3. женщина, помазавшая Спасителя, не только возливаетъ мѹро на Его главу, но и разбиваетъ алавастровый сосудъ; мѹро, заключавшееся въ этомъ сосудѣ было не просто мѹρον πολύτιμον (Мѳ. 26, 7.) но *νάργος πιστικῆ πολυτελής*, и между тѣмъ какъ, по Матѳею, ученики, негодовавшіе на женщину, говорятъ только, что мѹро могло быть продано за большую цѣну (Мѳ. 26, 9), Маркъ указываетъ опредѣленную цѣну мѹра—именно триста динаріевъ и говоритъ не о негодованіи только, но и о ропотѣ учениковъ на женщину (ст. 5); въ словамъ πάντοτε γὰρ τῆς πτωχῆς ἔχετε μετέαυτῶν Спаситель, по Марку, присоединяетъ еще: *καὶ ὅταν θέλητε δυνάσθε αὐτῆς εἶ ποιῆσαι* (Мр. ст. 7) и о женщинѣ говоритъ, что она ὃ ἔσχεν, ἐποίησε и *προέλαβε μυρίσαι μὲ τὸ σαμα εἰς τὸν ενταφιασμαν* (Мр. ст. 8), вмѣсто чего у Матѳея сказано только: *πρὸς τὸ ενταφίωσαι μὲ ἀπέτησεν*. Въ 23 ст. у Марка вмѣсто словъ πίετε αἶμα αὐτῶ πάντες (Мѳ. ст. 27) стоитъ *καὶ ἔπιον ἐξ αὐτῶ πόντες*; въ ст. 24 не достаесть словъ *εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν* (Мѳ. 28 ст.) въ 3 ст. о Петрѣ сказано, что онъ началъ говорить *ἐκπερισσὴ μᾶλλον*, въ ст. 30, по Марку, Спаситель опредѣленно говоритъ Петру *πρὶν ἢ δις ἀλέκτορα φώνησαι* и Маркъ ст. 72 опредѣленно замѣчаетъ *καὶ εὐθέως αὖ δευτέρῃ ἀλέκτωρ ἐφώνησε* послѣ того какъ имъ прежде было замѣчено ст. 68 *ἀλέκτωρ ἐφώνησε*.—Молитвенныя слова Спасителя, произнесенныя Имъ въ саду Геосиманскомъ, у Марка помѣщены въ одномъ только мѣстѣ 36 ст., тогда какъ у Матѳея въ двухъ Мѳ. 26, 39. 42; Мѳ. 26, 52—54., мы не находимъ у Марка, но только Маркъ упоминаетъ о юношѣ, который, завернувшись въ покрывало, слѣдовалъ за Спасителемъ изъ Геосиманскаго сада Мр. 14, 51. 52.; слова жесвидѣтелей у Марка изложены иначе, нежели у Матѳея; такъ у Марка 14, 57 читаемъ: *„ἡμεῖς ἠκνωόμεν αὐτῶ λέγοντες, ὅτι ἐγὼ καταλύσω τὸν ναὸν τούτον τὸν χειροποίητον, καὶ αἰὰ τριῶν ἡμερῶν ἄλιον ἀχειροποίητον*

οἰκοδομήσω,—у Мѳ. 26, 61: ἕτος ἔφη. Λύναμαι καταλύσαι τον ναόν τв θεв καὶ διὰ τριον ἡμερον οἰκοδομήσαι αὐτόν. — Изъ того, что заключается въ 27 гл. Матѳея мы не находимъ въ 15 гл. Марка разсказовъ: о судьбѣ предателя Мѳ. 27, 3—10; о сновидѣніи супруги Пилата—19; о умовеніи Пилатомъ ружь—24. 25; о просьбѣ первосвященниковъ и фарисеевъ приставить стражу ко гробу Спасителя—62—66. Далѣе въ 15 гл. мы встрѣчаемъ замѣчанія, принадлежація одному только Марку. Такъ ст. 21 Маркъ замѣчаетъ, что Симонъ Киринаеянинъ былъ не иной кто, какъ отецъ Александра и Руфа, ст. 25. указываетъ опредѣленно на время распятія Спасителя, именно говорить, что былъ третій часъ дня, когда Его распяли.

Указавши на тѣ особенности, которыя отличаютъ 14 и 15 гл. Евангеліе Марка отъ паралельныхъ имъ главъ въ Евангеліи Матѳея 26 и 27-й, считаемъ не излишнимъ сказать слѣдующее: 1) въ концѣ анализа первой главы Евангелія Марка Бауръ исчисливъ подобнаго же рода особенности, находящіяся въ этой главѣ, высказалъ ту мысль, что вопросъ о значеніи подобнаго рода особенностей тѣсно связанъ съ вопросомъ о самостоятельности или несамостоятельности Марка, такъ что чѣмъ неопровержимѣе будетъ доказана зависимость Марка отъ остальныхъ двухъ синоптиковъ, тѣмъ менѣе цѣны должны имѣть въ нашихъ глазахъ тѣ частности, которыя исключительно принадлежатъ Марку и отличаютъ его повѣствованіе отъ повѣствованій Матѳея и Луки. Но мы видѣли, что Бауромъ не было сказано ничего, чтобы неопровержимо говорило о несамостоятельности Марка; видѣли также, при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ подробностей въ Евангельскихъ разсказахъ Марка, что подробности эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны произвольными добавленіями. Поэтому и тѣ указанія на нѣкоторыя частныя обстоятельства, которыя мы встрѣчаемъ между прочимъ въ 14 и 15 гл. Евангелія Марка и которыя принадлежатъ только этому Евангелисту, должны имѣть для насъ полную цѣну какъ доказательства независимости Марка

отъ Матѳея и Луки. 2) Если за тѣмъ Бауръ считаетъ себя вправѣ, говоря о несамостоятельности Марка, не придавать никакого значенія особенностямъ его Евангелія, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ не придавать значенія сходству въ отдѣльныхъ выраженіяхъ между Маркомъ и Лукою; такое сходство далеко не всегда можетъ говорить о зависимости одного писателя отъ другаго, хотя Бауръ единственно на основаніи этого сходства доказываетъ зависимость Марка въ 14 и 15 гл. между прочимъ отъ Луки.

Что касается 16 гл., то въ ней Евангелистъ Маркъ является, вполнѣ своеобразнымъ. 16-я гл., заключающая въ себѣ изложеніе обстоятельствъ воскресенія Спасителя, Его явленій по воскресеніи и Его вознесеніе, рѣзко отличается отъ паралельныхъ главъ въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки. Такъ только одинъ Маркъ упоминаетъ о разговорѣ женъ мѣроносицъ на пути ко гробу Мр. 16, 3., одинъ только онъ говоритъ о явленіи Спасителя Маріи Магдалинѣ — 9; у него одного находимъ слова Господа, сказанныя Имъ предъ вознесеніемъ о знаменіяхъ, которыя будутъ сопровождать увѣровавшихъ—17. 18; а также указаніе на проповѣдь апостоловъ послѣ вознесенія—20. Правда Маркъ, какъ и Лука, говоритъ о явленіи Воскресшаго двумъ ученикамъ бывшимъ въ пути, о Его явленіи одинадцати—12—14; но Маркъ только упоминаетъ о этихъ явленіяхъ, особенно о первомъ, между тѣмъ какъ Лука подробно излагаетъ всѣ сопровождавшія ихъ частныя обстоятельства Лук. 24, 13—49.—Послѣ этого тѣмъ болѣе должно показаться страннымъ отношеніе Баура къ рассматриваемой нами 16 гл. Марка. Правда, Бауръ сознается, что повѣствованіе Марка, заключающееся въ 16 гл., отличается своеобразнымъ характеромъ, кромѣ того онъ замѣчаетъ, что послѣдніе стихи 16 гл. (начиная съ 9-го) не имѣютъ значенія для рѣшаемаго имъ вопроса, такъ какъ подлинность ихъ оспаривается; тѣмъ не менѣе онъ старается показать, что 16 гл. Евангелія Марка составлена исключительно подъ вліяніемъ Луки. „Подобно Лукѣ, такъ говоритъ Бауръ, рассматривая 16 гл.,—Маркъ упоминаетъ объ ангелѣ, явившемъ-

ся мруносицамъ при гробѣ ст. 5 (но Лука говоритъ не объ одномъ, а о двухъ мужахъ, представшихъ мруносицамъ въ свѣтлыхъ одеждахъ (Лук. 24, 4.); о семи бѣсахъ, которыхъ изгналъ Иисусъ изъ Маріи Магдалины, рассказываетъ также и Лука хотя и ранѣе. 8, 2., по Лукѣ 24, 11 ученики недовѣрчиво относятся къ свидѣтельству женъ, точно также какъ, по Марку—11, къ свидѣтельству Маріи Магдалины ¹⁾ и т. д. Но доказывать на основаніи подобнаго сходства зависимость Ев. Марка отъ Луки въ 16 гл. значить обнаруживать крайнее ослѣпленіе предвзятою мыслью. Пусть указанное Бауромъ сходство существуетъ, но очевидно что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ ослабить значенія особенностей, отличающихъ 16 гл. Марка отъ Луки. И потому имѣя въ виду эти особенности, мы не обинуясь должны признать Марка самостоятельнымъ по отношенію къ Лукѣ и въ послѣднихъ заключительныхъ разсказахъ его Евангелія, подобно тому какъ мы признали его таковымъ во всемъ его повѣствованіи, не смотря на всѣ усилія Баура доказать противное.

Мы окончили посильный разборъ анализа, которому подвергъ Бауръ 2-е каноническое евангеліе, съ цѣлію доказать зависимость писателя этаго Евангелія Марка отъ двухъ другихъ синоптиковъ—Матѳея и Луки, а главнымъ образомъ отъ послѣдняго. Результатъ нашего разбора—тотъ, что соображенія Баура не могутъ быть признаны состоятельными и что самостоятельность Марка относительно Луки не должна подлежать сомнѣнію. Но вотъ вопросъ: если Маркъ вполне самостоятеленъ относительно Луки: то можно ли сказать о немъ тоже самое относительно Матѳея? Что касается Баура; то для него зависимость 2-го канонич. Евангелія отъ 1-го выше всякаго сомнѣнія. Поэтому онъ въ своемъ анализѣ Евангелія Марка обращалъ вниманіе лишь на разности, отличающія разсказы Марка отъ параллельныхъ разсказовъ Матѳея—съ цѣлію доказать, что эти разности нисколько не говорятъ въ пользу самостоя-

¹⁾ Mrksevg. 109 110.

тельности Марка, что поводовъ къ нимъ пужно искать въ тѣхъ же разсказахъ Матѳея, которыми Маркъ руководствовался, но которые иногда онъ считалъ нужнымъ измѣнять, пополняя и сокращая.—Правда мы видѣли, что взглядъ Баура на разности, существующія между Маркомъ и Матѳеемъ, не вѣренъ; Бауръ не могъ удовлетворительно доказать его правильности, вслѣдствіе чего мы неоднократно считали себя въ правѣ въ указанныхъ разностяхъ видѣть доказательство независимости Марка отъ Матѳея; тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что между Евангеліями Матѳея и Марка въ общемъ существуетъ очень большое сходство. Такъ все то, что входитъ въ составъ Евангелія Марка, мы, за немногими сравнительно исключеніями, находимъ въ Евангеліи Матѳея. При этомъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ евангеліи отдѣльные рассказы расположены въ большинствѣ случаевъ, въ одинаковомъ порядкѣ и переданы въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Это то и даетъ Бауру основаніе ставить выше всякаго сомнѣнія полную зависимость Марка отъ Матѳея. Но какъ бы ни было значительно сходство между Матѳеемъ и Маркомъ, оно не даетъ права заключать о зависимости послѣдняго отъ перваго—заключать съ такою рѣшительностію, съ какою дѣлаетъ это Бауръ. Существуютъ данныя, на основаніи которыхъ мы въ правѣ заключать, что Маркъ, при всемъ сходствѣ съ Матѳеемъ, находился внѣ зависимости отъ этаго Евангелиста при составленіи своего Евангелія.

Такъ сличая между собою 1-е и 2-е каноническія Евангелія, мы не можемъ не замѣтить, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ Евангеліи находится не мало отличительныхъ и очень не маловажныхъ особенностей придающихъ каждому изъ этихъ Евангелій опредѣленный и притомъ своеобразный характеръ. Особенности эти слѣдующія:

1) Излагая исторію Христа Спасителя, Матѳей старается указать въ Немъ того обѣтованнаго Мессію, котораго ожидали Іудеи и который издревле былъ предвозвѣщенъ пророками. Съ этою цѣлію Матѳей сопоставляетъ ветхозавѣтныя пророчества съ новозавѣтными событіями, выясняетъ истинный смыслъ этихъ

пророчествъ и доказываетъ, что они исполнялись въ различныхъ обстоятельствахъ жизни Спасителя, въ тѣхъ или другихъ Его дѣйствіяхъ. Такъ Христосъ Спаситель, по Матоею, есть сынъ Давида и Авраама 1, 1, рожденный въ Виелеемѣ отъ Дѣвы 1, 22. 23, Исаія. 7, 14; 2, 4—6; Мих. 5, 2; какъ новорожденный царь, Онъ бѣжитъ отъ лица Ирода, искавшаго Его умертвить, въ Египетъ 2, 15. 18; Осія 11, 1. Иерем. 31, 15; возрастаетъ въ Назаретѣ 2, 23; Суд. 13, 5; имѣетъ своимъ предтечею Іоанна, 3, 3. 11, 10. Исаи 40; 2. Малах. 3, 1; дѣйствуетъ въ презрѣнной Галилеѣ 4. 13 и дал. Исаи 9, 1. 2; исцѣляетъ, какъ всемилосердый чудотворецъ, немощныхъ 8, 16. 17. Исаи. 53, 4; 12, 15 и дал. Ис. 42, 1—3; излагаетъ свое ученіе въ приточной формѣ 13, 13 и дал. Ис. 6, 9. 10. какъ Мессія входитъ въ Іерусалимъ 21, 5. 15, Исаи 62, 11. Зах. 9, 9; но народъ отвергаетъ Его 21, 42; псал. 118, 22. 23; и Его, связаннаго и взятаго, оставляютъ Его ученики 26, 31. 56; Зах. 13, 7; а одинъ изъ нихъ еще прежде предаетъ Его за тридцать сребренниковъ 27, 9. Іер. и все это согласно съ писаніемъ,—съ древними ветхозав. пророчествами. Вслѣдствіе этого въ Евангеліи Матоея мы встрѣчаемъ очень много ветхозав. пророчествъ, которыя онъ обыкновенно приводитъ съ предварительными характеристическими словами: да сбудетъ реченное отъ Господа чрезъ пророка. Что же касается Марка, то онъ напротивъ излагаетъ новозав. Евангельскія событія внѣ всякой связи съ ветхозав. ихъ подготовкой, внѣ связи съ древними пророчествами о нихъ; онъ изображаетъ Спасителя въ Его божественномъ величіи, но не старается доказать, что Спаситель—Мессія, предвозвѣщенный Израильскими пророками. Спаситель, по Марку, прежде всего сынъ Божій—ὁὸς τῆς θεῆς 1, 1, что обнаруживается изъ Его необыкновенныхъ божественныхъ дѣйствій. Поэтому въ Евангеліи Марка мы не встрѣчаемъ указаній на ветхозав. пророчества за исключеніемъ двухъ мѣстъ—именно 1, 2. 3, гдѣ Маркъ приводитъ пророчества, относящіяся къ Іоанну Крестителю п 15, 28, гдѣ послѣ разсказа о распятіи Спасителя съ двумя разбойниками,

дѣлается ссылка на слова пророка Исаи: „и къ злодѣямъ причтенъ“—(Ис. 53, 12.).

2) Матѳей въ своемъ Евангеліи постоянно имѣетъ въ виду ту историческую почву, на которой впервые явилось и начало развиваться христіанство. Въ Евангеліи Матѳея христіанство представляется въ тѣсной генетической связи съ современнымъ его появленію Іудействомъ; онъ выясняетъ тѣ отношенія, въ какія сталъ Христосъ—провозвѣстникъ новаго откровенія къ религіозной жизни, къ религіознымъ воззрѣніямъ своихъ современниковъ—Іудеевъ. Отсюда въ Евангеліи Матѳея мы постоянно встрѣчаемъ изреченія и цѣлыя рѣчи Спасителя, въ которыхъ Онъ то выясняетъ истинный смыслъ древнихъ заповѣдей закона въ новомъ Евангельскомъ духѣ, какъ напр. 5, 20—44, то обличаетъ извращеніе Іудеями понятій о истинномъ благочестіи и частныя заблужденія въ сферѣ религіозной жизни, какъ напр. 6, 2. 16, то вооружается противъ фарисейзма и его представителей, въ своемъ ослѣпленіи не понимавшихъ истиннаго духа ветхозав. Откровенія 23 гл. Иное у Марка. Если онъ, будучи вѣренъ исторіи, и говоритъ о дѣятельности Христа Спасителя среди Іудейскаго народа, о его столкновеніяхъ съ книжниками и фарисеями: то все это, если можно такъ выразиться, лишь виѣшнія рамки, въ которыхъ, но внѣ связи съ ними, тѣйствуетъ *ὁὸς τῆς Θεῆς*, принесшій на землю новое ученіе (1, 27), пришедшій избавить отъ всѣхъ бѣдъ силою своего божественнаго всемогущества не одного Израиля, но и всѣ народы 7, 26—29; всѣмъ народамъ возвѣститъ свое Евангеліе 13, 10. всѣхъ ихъ призвать въ свой домъ для молитвы 11, 17. и принять подъ сѣнь своего царства 4, 32.

3) Излагая исторію Спасителя, Матѳей, съ одинаковою обстоятельностью говоритъ какъ о Его дѣлахъ, такъ и о ученіи. Поэтому въ своемъ Евангеліи онъ на ряду съ событіями изъ жизни Спасителя, излагаетъ и Его Божественное ученіе, излагаетъ Его рѣчи и бесѣды съ народомъ и учениками (напр. 5—7; 11; 10), очень многія притчи (13; 21, 28 и дал. 22, 1 и дал.) обличительныя рѣчи, направленные противъ фарисеевъ

(напр. 23). Что касается Марка, то онъ хотя и представляетъ въ своемъ Евангеліи І. Христа Учителемъ, но не знакомитъ подробно съ Его ученіемъ,—ограничиваясь изложеніемъ однѣхъ существенныхъ чертъ ученія, онъ не помѣщаетъ у себя Его обширныхъ рѣчей и бесѣдъ.

Такъ изъ того, что мы находимъ въ Евангеліи Матѳея, у Марка нѣтъ: нагорной проповѣди (Мѳ. 5—7), большей части рѣчи, обращенной къ Апостоламъ при посланіи ихъ на проповѣдь (Матѳ. 10, 16—42), рѣчи, по поводу посольства Іоаннова (Матѳ. 11), обпирной обличительной рѣчи, направленной противъ фарисеевъ (Матѳ. 23), большей части притчей (Матѳ. 13, 24—52, 21, 28—32; 22, 1—13). И главное, на что Маркъ обращаетъ вниманіе въ своемъ Евангеліи,—это фактическая сторона общественной дѣятельности Христа Спасителя; его цѣль—обстоятельно изложить событія земной жизни Господа. Фактичность, поэтому, отличительная характеристическая черта Евангелія Марка по сравненіи съ Евангеліемъ Матѳея. — Кромѣ этихъ, указанныхъ нами, особенностей въ содержаніи Евангелій Матѳея и Марка, въ нихъ нельзя не примѣтить и другихъ особенностей, касающихся общаго характера или тона изложенія, а также слововыраженія.

4) Евангелистъ Матѳей относится къ событіямъ, которыя онъ излагаетъ, какъ къ событіямъ давно минувшимъ, сдѣланнымъ достояніемъ исторіи. Они хранятся главнымъ образомъ въ его воспоминаніи и изъ обстоятельствъ того или другаго событія онъ вноситъ въ свое повѣствованіе лишь важнѣйшія, имѣющія отношеніе къ главной, доказываемой имъ мысли—именно, что Христосъ Іисусъ есть обѣтованный Мессія. Обстоятельства частныя, второстепенныя онъ опускаетъ. Вслѣдствіе этого изложеніе въ Евангеліи Матѳея отличается прежде всего вполне спокойнымъ характеромъ, событія въ немъ смѣняются одно другимъ съ правильностію, слѣдуя другъ за другомъ, такъ сказать, ровной чередой. За тѣмъ изложеніе событий не отличается особенною наглядностію, отчетливостію и живостію—свойствами, которыя даютъ пищу нашему воображенію и которыя

сообщаются разсказу сопоставленіемъ съ главными обстоятельствами обстоятельствъ мелкихъ, побочныхъ. Повѣствованіе Маттея даетъ намъ возможность узнать фактъ въ главныхъ его чертахъ, но не представить его живо въ его дѣйствительной полнотѣ.—Совершенно иными свойствами отличается изложеніе Евангелія Марка. Событія, о которыхъ повѣствуетъ Маркъ какъ бы постоянно предносятся предъ его умственнымъ взоромъ и притомъ во всей своей совокупности; они для него—одно неразрывное цѣлое. Онъ живетъ съ ними и ими, какъ будто они еще совершаются предъ нимъ и онъ принимаетъ въ нихъ ближайшее участіе. Частныя обстоятельства и событія имѣютъ для него такое же значеніе, какъ и главные; излагая послѣднія онъ всегда въ своемъ повѣствованіи даетъ мѣсто и первымъ; поэтому изложеніе въ Евангеліи Марка отличается особенною живостію; въ краткихъ, но сильныхъ, полныхъ жизни и производящихъ глубокое впечатлѣніе очеркахъ, представляетъ Маркъ событія изъ жизни Спасителя; излагаемыя событія слѣдуютъ одно за другимъ съ быстротою, даже съ стремительностію, представляются совершающимися какъ бы въ настоящемъ; переходя отъ одного событія или обстоятельства къ другому, Маркъ очень часто употребляетъ слово „тотчасъ“ и о дѣйствующихъ въ его разсказѣ лицахъ выражается въ настоящемъ времени. Такъ напр. повѣствуя о вступленіи Спасителя съ учениками въ Капернаумъ, онъ говоритъ: „и приходятъ въ Капернаумъ; и тотчасъ въ субботу вошелъ Онъ въ синагогу и училъ 1, 21; и далѣе: „вышедши тотчасъ изъ синагоги, пришли въ домъ Симона и Андрея.... Теща же Симона лежала въ горячкѣ: и тотчасъ говорятъ Ему о ней“ 1, 29. 30; и под. Далѣе—событія въ повѣствованіи Марка представляются въ высшей степени наглядными; повѣствователь живописуетъ ихъ во всей ихъ полнотѣ и подробности; предъ нами вмѣстѣ съ главнымъ фактомъ выступаютъ и частныя, окружающія и пополняющія его обстоятельства. Такъ напр. въ разсказѣ о утишеніи бури (о которомъ говорили мы выше) мы видимъ лодку, въ которой отплываютъ Спаситель и Его уче-

ники, окруженною другими судами, видимъ Спасителя спящимъ на кормѣ на возглавіи; въ разсказѣ о насыщеніи 5 тысячъ—предъ нами народъ, расположившійся группами на зеленой травѣ 6, 39, 40. и т. д. (ср. 1, 20; 11, 4; 13, 3 и т. д.).

5) Что касается слововыраженія, то у Матѳея и Марка мы находимъ такіе обороты, фразы и отдѣльныя слова, которые употребляются или исключительно кѣмъ либо однимъ изъ нихъ или же очень часто употребляемые однимъ почти не встрѣчаются у другаго. Такъ Матѳеи очень часто начинаетъ предложеніе съ причастія и большею частію продолжаетъ безъ прибавленія вводнаго предложенія въ опредѣленномъ времени (гл. 1, 24; 2, 3. 7. 9. 10. 11. 12. 16. 22. 23; 3, 7. 16; 4, 2. 12. 14. 18. 20. 21. 22; 5, 1. 2; 8, 1. 5. 10. 14. 16. 18. 25. 28. 32. 33; и т. д.), причастіе λέγων употребляетъ вообще безъ дательнаго приведенной личности (1, 20; 2, 2. 13. 20; 3, 2. 14. 17; 5, 2; 6, 31; 8, 2. 3. 6. 25. 27. 29. 31 и т. д.). У одного только Матѳея встрѣчаются фразы: ἡ βασιλεία τῶν αἰῶνων; (5 разъ), ἵνα πληρωθῆ τὸ ῥηθὲν (при приведеніи всѣхъ Мессіанскихъ мѣстъ изъ В. Завѣта), τὸ δὲ ὄλον γέγονεν, ἵνα... Гότε—обыкновенная переходная частица при означеніи времени у Матѳея употребляется весьма часто; вообще τῷ τε у него встрѣчается 90 разъ, между тѣмъ какъ у Марка только 6 разъ. Довольно часто употребляетъ Матѳеи также ἰδὼν послѣ genit. absol. (родит. самост.), σφόδρα (σφόδρα у Марка только встрѣчается однажды); и т. д. Маркъ относительно слововыраженія представляетъ слѣдующія особенности. Онъ часто соединяетъ въ одномъ мѣстѣ нѣсколько отрицаній (1, 44; 7, 12; 9, 8; 11, 14; 12, 35; 14, 25; и т. д.), повторяетъ сказанное или тѣми же словами (2, 15. 19; 3, 7; 4, 32; 6, 55 и т. д.) или чрезъ присоединеніе противоположнаго (1, 22. 45: „Иисусъ не могъ уже явно войти въ городъ, но находился внѣ“; 2, 27; 3, 28; 10, 8. 14. 45; и т. д.), говорить въ настоящемъ времени (1, 21. 30. 40. 41 и т. д.), отдѣльные разсказы соединяетъ простою соединительною частицею καὶ (1, 21. 39. 40; 2, 1. 2. 3. 13. 18.

23; 3, 1. 7. 13. 20. 22. 23; и т. д.) или *πάλι* (2, 1. 13; 4, 1; 5, 21; и т. д.), очень часто употребляетъ слово *ἐυθέως* (Соно употреблено имъ 42 раза) и т. д. ¹⁾).

Такія-то особенности находимъ мы въ Евангеліяхъ Матѳея и Марка при сличеніи этихъ Евангелій между собою. Но очевидно, что всѣ указанная нами особенности, взятая вмѣстѣ, придають каждому изъ Евангелій, только ему принадлежащій, опредѣленный характеръ и такимъ образомъ дѣлають различіе между ними очень значительнымъ. Вслѣдствіе этого мы въ правѣ признать, что Маркъ не былъ компиляторомъ, взявшимъ большую часть содержанія для своей Евангельской исторіи изъ Евангелія Матѳея, — какъ это утверждаетъ Бауръ, что напротивъ онъ былъ самостоятельнымъ писателемъ, находившимся внѣ всякой зависимости отъ Матѳея. И признать это мы въ правѣ тѣмъ болѣе, что буквальное почти сходство многихъ мѣстъ Евангелія Марка съ параллельными мѣстами въ Матѳеевомъ повѣствованіи не даетъ еще основанія заключать о зависимости Марка отъ Матѳея. Могли бытъ и дѣйствительно были причины, вслѣдствіе которыхъ Маркъ будучи писателемъ вполне самостоятельнымъ могъ однакоже помѣстить въ своемъ Евангеліи рассказы буквально или почти буквально сходные съ рассказами другаго повѣствователя.

Въ первомъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ 15, 1—3) которое самъ Бауръ признаетъ подлиннымъ и написаніе котораго относитъ къ 1-му вѣку, мы читаемъ слѣдующее: „напоминаю вамъ, братіе, Евангеліе, которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли, въ которомъ вы и утвердились, которымъ и спасаетесь, если преподанное удерживаете такъ, какъ я благовѣстилъ вамъ, если только не тщетно увѣровали. Ибо я первоначально преподалъ вамъ, что и самъ принялъ“. Достаточно одного этого свидѣтельства для признанія неоспоримымъ того факта, что служители и самовидцы Словесе (Лук.

¹⁾ У Герике подробно исчислены особенности Матѳея и Марка, касающіяся языка. См. „Введеніе въ новозав. книги св. Писанія стр. 107. 108 и 125. 126.

1, 2.) въ началѣ своего апостольскаго служенія не иначе, какъ посредствомъ устной проповѣди, распространяли Евангеліе, слѣдуя примѣру Господа Іисуса, который посредствомъ живаго слова возвѣстилъ міру глаголы живота вѣчнаго. Иначе и не могло быть. Все, что передается посредствомъ живаго, отъ сердца исходящаго слова, скорѣе и глубже проникаетъ въ душу человѣка, сильнѣе дѣйствуетъ на все его существо, нежели тоже самое, предаваемое письмени. Все это конечно хорошо знали первые проповѣдники Евангелія какъ изъ примѣровъ своего Божественнаго Учителя, такъ и по своимъ собственнымъ первымъ опытамъ и потому естественнѣе всего было обратиться имъ къ устной проповѣди при прохожденіи апостольскаго служенія: при томъ же и слушатели первыхъ благовѣстниковъ христіанства нуждались въ такомъ именно способѣ передачи Евангелія. То были люди съ одной стороны крайне нуждавшіеся въ духовной помощи, съ другой—по большей части бѣдные и непросвѣщенные—такимъ образомъ люди, для которыхъ потребно было и неукоснительное и непосредственное назиданіе, непосредственное руководство и для которыхъ несравненно менѣе пользы принесло бы заключенное въ письмена благовѣстіе. И не въ 1-мъ только вѣкѣ господствовалъ устный способъ передачи Евангелія. Въ началѣ 2-го пока были въ живыхъ ученики апостоловъ, Евангельскія сказанія передавались также устно и многіе изъ желавшихъ узнать что либо о словахъ и дѣлахъ Господа съ большею, чѣмъ къ письмени, охотою обращались къ живымъ и надежнымъ носителямъ преданія. Вотъ что говоритъ Папій въ предисловіи къ своему сочиненію „изъясненіе Господнихъ изреченій“, о которомъ упоминаетъ Евсевій въ своей церковной исторіи: „я не премину изложить, что хорошо узналъ отъ старцевъ и хорошо запомнилъ, и присоединить объясненіе для подтвержденія истины; потому что.... я соображался не съ тѣми, которые припоминаютъ чужія заповѣди, а съ тѣми, которые держатся заповѣдей, преданныхъ отъ Господа для вѣры и происходящихъ отъ самой истины. Если мнѣ приходилось встрѣчать кого либо обра-

щавшагося со старцами, то я заботливо спрашивалъ объ ученіи старцевъ напр. что говорилъ Андрей, что—Петръ, что—Филиппъ, что Ѳома или Іаковъ, что Іоаннъ или Матѳей, либо кто другой изъ учениковъ Господа... Ибо я полагалъ, что книжныя свѣдѣнія не столько принесутъ мнѣ пользы, сколько живой и болѣе вѣдряющійся голосъ"...—Но не подлежитъ сомнѣнію, что Евангельскіе рассказы, распространяясь посредствомъ живаго слова, не потерпѣли чрезъ это существенныхъ измѣненій и искаженій, не оразнообразились во вредъ существенному ихъ содержанію. Напротивъ необходимо предположить, что при устной передачѣ очень скоро установилось нѣкоторое однообразіе въ изложеніи Евангельскихъ рассказовъ, что Евангельскія повѣствованія какъ въ частности, такъ и въ цѣлой совокупности своей скоро облеклись въ одну опредѣленную внѣшнюю форму и въ этой формѣ стали переходить изъ устъ въ уста въ средѣ вѣрующихъ, будучи охраняемы отъ существенныхъ измѣненій и искаженій благочестивою ревностію какъ самихъ служителей Слова, такъ и просвѣщенныхъ ими.—Установленію такого однообразія прежде всего должна была способствовать необходимость часто повторять Евангеліе, такъ какъ служители Слова повсюду встрѣчали жатву, ожидавшую жателѣй; за тѣмъ — естественная забота благовѣстниковъ передать всѣмъ своимъ слушателямъ одно и тоже Евангеліе, дабы между ними, имѣвшими составить одно стадо, не произошло впоследствии разногласія и раздѣленія. — Теперь, когда вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ настала нужда въ записи Евангельскихъ сказаній,—изъ какого другаго источника, какъ не изъ этого, по всюду распространеннаго устнаго преданія всего естественнѣе было Евангелистамъ почерпать содержаніе для своихъ Евангелій? Изъ него конечно они и почерпали. Ибо преданіе это безъ сомнѣнія было на языкѣ и въ сердцѣ первыхъ послѣдователей Христовыхъ, изъ коихъ одни задачею всей своей жизни поставляли распространять, другіе—проводить въ жизнь и дѣятельность его содержаніе; между тѣмъ, какъ записи Евангельскихъ рассказовъ, если и существовали въ пер-

вья времена христіанства, то составляли достояніе небольшого числа вѣрныхъ, съ одной стороны по медленности распространенія въ то время всѣхъ вообще рукописей, съ другой по немѣняю въ нихъ настоятельной нужды, такъ какъ ихъ вполне могли замѣнить самовидцы Слова или ихъ ближайшіе ученики. И если,—какъ мы сказали,—при устной передачѣ Евангельскихъ разсказовъ должно было вскорѣ установиться однообразіе въ ихъ изложеніи: то не могли ли Евангелисты, пользуясь самостоятельно первоначальнымъ устнымъ преданіемъ, внести въ свои Евангелія одни и тѣже повѣствованія, расположить ихъ въ одинаковомъ порядкѣ, передать ихъ въ буквально сходныхъ выраженіяхъ? Конечно такъ. Одного желанія съ точностію заключить въ письмена то, что уже было передано вѣрующимъ посредствомъ живаго слова въ извѣстныхъ опредѣленныхъ формахъ достаточно было для того, чтобы сдѣлать почти неизбѣжнымъ для Евангелистовъ при всей ихъ независимости другъ отъ друга, значительное сходство въ ихъ Евангеліяхъ,—сходство, подобное тому, которое мы находимъ между синоптиками вообще и въ частности между Маркомъ и Матѳеемъ. И понятно, что для этого имъ не было надобности условливаться между собою, или же списывать другъ у друга, что съ такою увѣренностію утверждаетъ Бауръ о Маркѣ относительно Матѳея. Впрочемъ, признавая несомнѣннымъ, что Евангелисты пользовались, при составленіи своихъ Евангелій, первоначальнымъ устнымъ преданіемъ, какъ единственнымъ источникомъ, мы не должны однакоже видѣть въ нихъ простыхъ, такъ сказать, пассивныхъ передатчиковъ, руководившихся однимъ лишь желаніемъ дословно записать то, что они знали и слышали, и не имѣвшихъ при этомъ въ виду ничего болѣе. Напротивъ это были люди, водившіеся опредѣленными, вполне сознанными цѣлями, знавшіе какъ достигнуть этихъ цѣлей, обратившіе вниманіе на потребности тѣхъ лицъ, для которыхъ они трудились, слѣдовательно люди, дѣйствовавшіе самостоятельно—такъ покрайней мѣрѣ говорятъ намъ ихъ Евангелія. Но поэтому-то они должны были свободно, самостоятель-

но отнести къ тому источнику, которымъ всё они пользовались, — не къ существенному конечно его содержанию, но къ тому, что было въ немъ второстепеннымъ и главное къ внѣшней его формѣ. Отсюда — тѣ особенности, тѣ разности, которыми, иногда довольно значительно, отличаются одно отъ другаго между прочимъ синоптическія Евангелія.

Дѣлая замѣчаніе на гипотезу Гизелера, который въ первый разъ обстоятельно и безъ выдающихся крайностей раскрылъ мысль о устномъ преданіи, какъ источникѣ нашихъ Евангелій, съ цѣлю объяснить сходство и различіе между синоптическими Евангеліями, Бауръ въ своихъ «*Krit. untersuch.*» говоритъ между прочимъ: „гипотеза Гизелера не рѣшаетъ вопроса, который этотъ ученый думаетъ рѣшить. Принятіе устнаго Евангелія довольно хорошо объясняетъ различіе, существующее между синоптиками, но ни какъ не согласіе. Ибо какъ объяснить то, что три Евангелиста, если они содержаніе своихъ Евангелій почерпнули изъ общаго преданія, вполне согласны не только въ содержаніи, но и въ выраженіяхъ? И какъ понять то, что это согласіе существуетъ не между всѣми тремя синоптиками, а главнымъ образомъ между двумя? Если согласіе въ словахъ, существующее только между двумя Евангелистами имѣетъ свое основаніе въ преданіи, то нужно допустить различные виды преданія. Если же преданіе раздѣлялось и раздроблялось, то отсюда можно далѣе заключить, что устное преданіе вообще есть нѣчто измѣнчивое, принимающее различныя формы; изъ этого же въ свою очередь слѣдуетъ, что полнѣйшее сходство въ выраженіяхъ, встрѣчающееся у Евангелистовъ все еще остается нисколько неразгаданною загадкой“... Но излишне останавливаться на этомъ замѣчаніи Баура. Оно опровергается уже тѣмъ, что мы сейчасъ оказали для объясненія сходства и различія между синоптиками.

Заключивъ анализъ Маркова Евангелія, Бауръ говоритъ: „результатъ предшествовавшаго изслѣдованія тотъ, что возник-

повеніе Маркова Евангелія вполне удовлетворительно можетъ быть объяснено только предположеніемъ, что составитель его имѣлъ предъ собою Евангелія Матѳея и Луки и пользовался ими. Основываясь на двухъ Евангеліяхъ Матѳея и Луки, Евангеліе Марка имѣетъ отличающій его отъ двухъ названныхъ, своеобразный характеръ, отчасти вслѣдствіе комбинаціи въ немъ двухъ источниковъ, отчасти благодаря всему тому, что мы должны причислить къ его литературнымъ особенностямъ“. Мы же послѣ сказаннаго нами по поводу анализа Баура признаемъ за собою полное право сказать: происхожденіе Маркова Евангелія не можетъ быть объяснено зависимостью Марка отъ Матѳея и Луки. Маркъ долженъ быть признанъ самостоятельнымъ по отношенію какъ къ Лукѣ, такъ и къ Матѳею. Въ пользу этого положенія говорятъ особенности Евангелія Марка; сходство же этого Евангелія съ двумя другими синоптическими Евангеліями и особенно съ Евангеліемъ Матѳея несколько не подрываетъ его справедливости.

Если теперь Маркъ долженъ быть признанъ самостоятельнымъ по отношенію къ двумъ другимъ синоптикамъ, то естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же руководствовался онъ при составленіи своего Евангелія? На этотъ общій вопросъ уже данъ нами отвѣтъ, также общій; именно мы сказали, что единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали Евангелисты, а слѣдовательно и Маркъ содержаніе для своихъ Евангелій, слѣдуетъ признать (кромѣ конечно высшаго источника—богодухновенности) первоначальное устное преданіе. И вотъ частный вопросъ: не извѣстенъ ли тотъ хранитель и провозвѣстникъ этого преданія, изъ устъ котораго Маркъ непосредственно слышалъ записанное имъ въ своемъ Евангеліи? Да, извѣстенъ. Основываясь на древнихъ отеческихъ свидѣтельствахъ и на внутреннихъ признакахъ, заключающихся въ Евангеліи Марка, мы признаемъ, что ап. Петръ былъ руководителемъ Марка, признаемъ, что именно въ нашемъ 2-мъ ка

ноническимъ Евангеліи изложена устная проповѣдь этого апостола. Но понятно, что Бауръ не могъ признать ничего подобнаго послѣ того, какъ онъ постарался доказать и, какъ ему кажется, основательно доказалъ зависимость Марка отъ Матѳея и Луки. Поэтому-то онъ, какъ мы уже видѣли, и утверждаетъ, что Евангеліе Марка, какъ составленное единственно на основаніи двухъ другихъ синоптическихъ Евангелій, очевидно не могло имѣть никакого отношенія къ проповѣди ап. Петра и дѣйствительно не имѣло, такъ какъ о подобномъ отношеніи не говорятъ ни свидѣтельства древнихъ отцевъ, ни внутренніе признаки, заключающіеся въ Марковомъ Евангеліи; ибо древнія отеческія свидѣтельства, которыя обыкновенно прилагаютъ къ 2-му каноническому Евангелію вовсе къ нему не приложимы; что же касается внутреннихъ признаковъ, заключающихся въ Евангеліи Марка, то между ними рѣшительно нельзя найти такихъ, которые дѣйствительно указывали бы на непосредственное отношеніе ап. Петра къ этому Евангелію. Но такъ ли это? И прежде всего: дѣйствительно ли свидѣтельства древнихъ отцевъ, которыя мы относимъ къ нашему каноническому Евангелію отъ Марка, къ нему не приложимы?

Важнѣйшія свидѣтельства древности о Евангеліи отъ Марка принадлежатъ Папію Іерапольскому, св. Иринею, Клименту Александрійскому и Оригену. Вотъ эти свидѣтельства. Папій: „пресвитеръ (т. е. Іоаннъ) говоритъ и то, что Маркъ, истолкователь Петра, съ точностію записалъ, сколько запомнилъ, то, чему училъ и что творилъ Христосъ, хотя и не по порядку, потому что самъ не слушалъ Господа и не соучествовалъ Ему. Впослѣдствіи правда онъ былъ, какъ сказано, съ Петромъ, но Петръ излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по порядку. Посему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ припоминалъ ихъ; онъ заботился только о томъ, какъ бы не пропустить чего нибудь изъ слышаннаго, или не переименовать“. Иринею: „по отшествіи ихъ (Петра и Павла), Маркъ, ученикъ и истолко-

ватель Петра, проповѣданное Петромъ передалъ намъ въ письмени“. Климентъ: „когда Петръ въ Римѣ всенародно проповѣдывалъ слово Божіе, тогда многіе изъ бывшихъ тамъ просили Марка, давняго его спутника, помнившаго все сказанное имъ,—написать: что онъ имъ проповѣдывалъ. Маркъ написалъ Евангеліе и передалъ его нуждавшимся. Узнавъ объ этомъ, Петръ явно не противился этому дѣлу и не склонялъ къ нему“.— Тотъ же Климентъ въ другомъ мѣстѣ: „Петръ обрадовался ревности Римлянъ и одобрилъ Евангеліе (Марка) для чтенія въ цеквахъ“. Оригенъ: ... „второе Евангеліе Марка, который написалъ его по сказаніямъ Петра.

Первое, что говорятъ намъ эти свидѣтельства,—это то, что Маркъ спутникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ученикъ и истолкователь Апостола Петра заключилъ въ письма устную проповѣдь этого Апостола. Поелику же лица, которымъ принадлежать приведенныя нами свидѣтельства, жили въ различныхъ, удаленныхъ одна отъ другой, странахъ, а нѣкоторые изъ нихъ были предстоятелями церквей, то слѣдуетъ, что вся древняя вселенская церковь знала о записи устной проповѣди Апостола Петра и приписывала составленіе этой записи спутнику Апостола Марку. Но что же это за запись? Древняя вселенская церковь не знала никакой другой записи Евангельскихъ событій, составленной Маркомъ—спутникомъ Апостола Петра, кромѣ нашего втораго каноническаго Евангелія. По крайней мѣрѣ въ древнихъ памятникахъ письменности какъ первыхъ четырехъ вѣковъ, такъ и послѣдующихъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека на другую какую либо запись съ именемъ Марка. Если же такъ, то всѣ исчисленныя нами свидѣтельства относились и нами должны быть отнесены къ нашему Евангелію Марка и должны быть признаны вполне приложимыми къ нему. Что же касается достовѣрности древнихъ свидѣтельствъ о Евангельской записи Марка, то въ этомъ отношеніи они таковы, что на нихъ вполне можно положиться. Обратимъ вниманіе на то, кто были лица, оставившія ихъ намъ. Двое изъ нихъ—Папій и Ириней были близки ко временамъ

Апостоловъ. Они обращались съ учениками Апостоловъ и передавали другимъ то, что узнавали отъ этихъ Апостольскихъ мужей. Двое другихъ — Климентъ и Оригенъ отличались всестороннею ученостію, обширнымъ знаніемъ всего, что касалось церкви и ея интересовъ; кромѣ того они были—особенно Оригенъ—весьма осторожными при сообщеніи тѣхъ или другихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ преданій, и если что сообщали, то не иначе, какъ будучи увѣренными въ справедливости сообщаемого. Но на свидѣтельства подобныхъ людей можно безъ сомнѣнія положиться. Правда въ свидѣтельствахъ названныхъ нами лицъ мы встрѣчаемъ разности и какъ бы противорѣчія, трудно примиримыя. Такъ Папій свидѣтельствуемъ, что Маркъ тщательно записывалъ то, что запомнилъ (изъ проповѣди Петра), не указывая,—принималъ ли въ этомъ какое нибудь участіе Апостольскій Петръ. Таково же свидѣтельство Оригена. По Иринею, Маркъ написалъ Евангеліе по смерти Апостоловъ Петра и Павла въ римѣ (μετά τῆν τελευτῶν ἑξῆσον). По Клименту же, Евангеліе Марка написано еще при жизни Апостола Петра. Притомъ Климентъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „узнавъ объ этомъ (о написаніи Евангелія), Петръ явно и не противился этому дѣлу и не склонялъ къ нему“, въ другомъ же замѣчаетъ: „Петръ обрадовался ревности Римлянъ и одобрилъ Евангеліе (Марка) для чтенія въ церквахъ“. — Но указанные разности таковы, что онѣ не могутъ говорить въ ущербъ достовѣрности свидѣтельствъ, въ которыхъ онѣ находятся. Онѣ не касаются чего либо существеннаго, притомъ же легко могутъ быть примирены, хотя съ перваго взгляда это и кажется труднымъ. Дѣло въ томъ, что изъ указанныхъ разностей видно только то, что преданіе о происхожденіи Евангелія Марка нѣсколько оразнообразилось въ подробностяхъ и причина этого разнообразія заключается, какъ кажется, не въ постороннихъ обстоятельствахъ—не въ несправедливости напр. котораго либо изъ свидѣтельствъ, а въ самомъ фактѣ. Весьма вѣроятно, что Маркъ началъ свое Евангеліе при жизни Петра, и въ этомъ случаѣ, конечно, не безъ его соизволенія и уча-

стія, и окончилъ послѣ его смерти. Отъ этого дѣйствительно могло оразнообразиться и преданіе о подробностяхъ происхожденія этого Евангелія, т. е. одни изъ свидѣтелей, давая свое свидѣтельство, могли имѣть въ виду преимущественно начало труда Маркова, другіе — его окончаніе. Что касается разногласія въ свидѣтельствахъ Климента, то точно также очень можетъ быть, что въ первомъ случаѣ Климентъ указываетъ на то, какъ отнесся Петръ къ труду Марка при его началѣ, въ послѣднемъ же какъ отнесся онъ къ нему по его окончаніи. Предполагать же, что древніе отцы и учителя церкви, — давая свои свидѣтельства о Евангелии отъ Марка, имѣли цѣлю во что бы то ни стало придать Апостольскій авторитетъ записи какого то неизвѣстнаго Марка, вслѣдствіе чего между прочимъ они и впади въ разногласіе между собою, — рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Извѣстно, что въ древней церкви не было рѣшительно никакаго сомнѣнія относительно записи Марка (а запись съ именемъ Марка — была — какъ мы сказали — только одна — именно наше второе канонич. Евангеліе); притомъ — какія же побужденія могли руководить отцевъ и учителей церкви — придать Апостольскій авторитетъ не имѣвшему его Евангелію послѣ того, какъ церковь обладала Евангеліями съ авторитетомъ несомнѣнно Апостольскимъ? — И такъ относя древнія свидѣтельства отцевъ и учителей церкви о Евангельской записи съ именемъ Марка къ нашему второму канонич. Евангелію, мы можемъ быть вполне увѣрены въ ихъ достовѣрности, въ достовѣрности того сообщаемого ими факта, что въ названной записи или что тоже въ нашемъ второмъ канонич. Евангеліи изложена устная проповѣдь Ап. Петра спутникомъ этого апостола — Маркомъ.

Въ одномъ только случаѣ можно было бы затрудниться отнести древнія свидѣтельства о Евангельской записи Марка при всей ихъ достовѣрности къ нашему второму канонич. Евангелію, — именно въ томъ, если бы въ немъ не нашлось тѣхъ свойствъ, на которыя названныя свидѣтельства указываютъ. Но въ нашемъ Евангелии отъ Марка находится все то, на что встрѣ-

чаемъ мы указанія въ древнихъ свидѣтельствахъ о Евангельской записи, сдѣланной спутникомъ и истолкователемъ Апостола Петра—Маркомъ, такъ что становится не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что древніе отцы и учителя, характеризуя названную запись, имѣли въ виду именно наше второе каноническое Евангеліе.—Изъ всѣхъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ болѣе или менѣе обстоятельную характеристику Маркова Евангелія мы находимъ въ свидѣтельствѣ Папія. Что же именно находимъ мы въ этомъ свидѣтельствѣ? Маркъ, истолкователь Петра—говоритъ Папій или, точнѣе, пресвитеръ Іоаннъ, слова котораго приводятся Папіемъ,—съ точностію записаль, что запомнилъ... Онъ заботился только о томъ, какъ бы не опустить чего-либо изъ слышаннаго или не переименовать,—*Μάρκος ἐρμηνευτῆς Πέτρου γενόμενος, ὅσα ἐρμημόνευσεν, ἀκριβῶς ἔγραψεν...* ἐνὸς γὰρ ἐποίησατο πρόνοιαν, τῆ μὲν δὲν ὄν ἤκαστε παραλιπέιν ἠφεύσασθαι τι ἐν αὐτοῖς.—Видно, что свидѣтель, давая это свидѣтельство, не имѣлъ намѣренія ограничиться сообщеніемъ вѣрующимъ того только, что Маркъ спутникъ Петра написалъ Евангеліе, или что извѣстная Евангельская запись составлена именно этимъ спутникомъ Апостола; напротивъ то и другое онъ предполагалъ уже извѣстнымъ и главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы устранить возможность какихъ бы то не было сомнѣній въ достоинствахъ Евангелія, остающагося человекомъ, не слушавшимъ Господа и не бывшимъ очевидцемъ Его дѣлъ; поэтому онъ указалъ на совершенную точность (*ἀκριβῶς ἔγραψεν*) въ изложеніи повѣствуемаго, какъ на такое достоинство, которое можетъ поставить Евангеліе Марка въ ряду съ Евангеліями, составленными слушателями Господа и очевидцами дѣлъ Его. Свидѣтель говоритъ какъ бы такъ: то, что сообщилъ Маркъ въ своемъ собственномъ Евангеліи, не должно считать изобрѣтеніемъ его собственной фантазіи или смѣшаніемъ дѣйствительнаго съ вымышленнымъ; напротивъ Маркъ изложилъ устную проповѣдь Ап. Петра, которую сохранилъ въ своей памяти, и изложилъ притомъ съ совершенною точностію, простирающеюся не только на главные факты и событія, но и частныя подробности и

обстоятельства этихъ фактовъ и событій, и это потому, что Маркъ, будучи вполне способнымъ къ тому, чтобы вѣрно передать слышанную имъ проповѣдь Петра (ἐρημηνευτής Πέτρον γενόμενος), только о томъ и заботился, какъ бы не опустить чего либо изъ слышаннаго или не переиначить.

Характеризуя далѣе Евангельскую запись, Папій или пресвитерь Иоаннъ продолжаетъ:—«Маркъ съ точностію записалъ, хотя не по порядку, то, чему училъ и что творилъ Христосъ, потому что самъ не слушалъ Господа и не соучествовалъ Ему. Въ послѣдствіи, правда, онъ былъ, какъ сказано, съ Петромъ, но Петръ излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по порядку. Посему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ припоминалъ ихъ... ἀκριβῶς ἔγραψεν ἢ μέντοι τάξει, τὰ ὑπο τῷ Χριστῷ ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα. ὅτε γὰρ ἤκυσσε τοῦ Κυρίου, ὅτε παρηκολούθησεν αὐτῷ, ὕστερον δὲ, ὡς ἔφη, Πέτρῳ, ὡς πρὸς τὰς χρείας ἐποιεῖτο τὰς διδασκαλίας, ἀλλ' οὐχ ὡσπερ σύνταξιν αὐτῶν κυριακῶν ποιούμενος λόγιων. ὥστε εἰδὲν ἡμάρτε Μάρκος ἕτῳς ἕνια γράψας ὡς ἀπεμνημόνευσεν. Говоря это, свидѣтель имѣетъ въ виду дать надлежащее понятіе о томъ, въ какомъ порядкѣ изложены въ записи Марка Евангельскія событія и указать причину, по которой они изложены такъ, а не иначе. «Не по порядку ἢ μέντοι τάξει».—Эти слова не могутъ быть отнесены къ предшествующимъ ὅσα ἐμνημανεусе, какъ будто бы ими сказано: «Маркъ хотя съ точностію записалъ свои воспоминанія, но не въ порядкѣ». Этому не позволяетъ сдѣлать размѣщеніе какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ выраженій. Послѣ в μέντοι τάξει слѣдуютъ новыя управляемыя слова το ὑπο τῷ Χριστῷ ἢ λεχθέντα πραχθέντα безъ новаго управляющаго глагола; поэтому предъ ними долженъ быть подразумѣваемъ предшествующій управляющій глаголъ ἀκριβῶς ἔγραψε, но лишь одинъ, безъ предшествующихъ и зависящихъ отъ него словъ ὅσα ἐμνημοναеусе; поэтому же, ἢ μέντοι τάξει должны быть от-

несены къ «το ὅπο το Χριστα ἦ λεχθέντι ἢ πραθέντα». Но какой же, послѣ этого, будетъ смыслъ всѣхъ словъ? Словомъ «τάξι» обозначается извѣстный опредѣленный порядокъ, при которомъ каждый отдѣльный предметъ занимаетъ ему принадлежащее и ему свойственное мѣсто, но не вообще порядокъ какой бы то не было. Поэтому въ выраженіи ἡ μέτοι τάξι говорится не то, что въ Еванг. записи Марка нѣтъ никакого порядка вообще, а только то, что нѣкоторыя (ἐμα) отдѣльныя рѣчи и дѣла Спасителя помѣщены въ ней хотя и въ порядкѣ, но не соотвѣтствующемъ дѣйствительности. Свидѣтель какъ бы хочетъ*сказать: тѣ, которые читаютъ Еванг. запись Марка должны быть увѣрены, что они знакомятся съ дѣйствительными рѣчами и дѣлами Спасителя; но они не должны думать, что рѣчи и дѣла Спасителя изложены Маркомъ въ исторической связи и послѣдовательности, что порядокъ ихъ въ записи есть порядокъ соотвѣтствующій дѣйствительности. Маркъ не могъ бытъ настолько вѣрнымъ дѣйствительности. Но это не должно быть поставлено ему въ вину, не должно говорить въ ущербъ достоинствамъ его записи. Ибо Маркъ не былъ ученикомъ Господа; онъ слушалъ лишь Ап. Петра и заботился о точной передачѣ слышаннаго; но Петръ, проповѣдуя, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ потребности слушателей, а не историческую связь и послѣдовательность словъ и дѣлъ Спасителя.

Тѣмъ образомъ Палій, или пресвитеръ Іоаннь, ученикъ Господень, характеризуя Еванг. запись Марка, указываетъ, какъ на неоспоримое ея достоинство, на ея особенную точность; за тѣмъ говорить, что слова и дѣла Господа изложены въ ней хотя и въ порядкѣ, но въ такомъ, который не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но не находимъ ли мы всего этого въ нашемъ второмъ каноническомъ Евангеліи отъ Марка? Мы видѣли, что Маркъ—и только онъ одинъ изъ всѣхъ синоптиковъ—съ особенною заботливостію излагаетъ побочныя обстоятельства, имѣющія отношеніе къ дѣйствующимъ или упоминаемымъ въ его Евангеліи лицамъ (1, 20; 6, 39. 40;), называетъ ихъ по именамъ (15, 21), чаще и съ большею обстоятельно-

стію, чѣмъ другіе синоптики обозначаетъ мѣсто (4, 38; 10, 10.) и время (2, 1; 11, 11. 12. 19. 20; 15, 25.) совершенія того или другаго событія, съ большею подробностію описываетъ обстоятельства совершенія Спасителемъ того или другаго чудеснаго исцѣленія (7, 33 и слѣд.; 8, 23 и слѣд.). Но не есть ли это та особенная точность, на которую указываетъ свидѣтельство Папія? Видно, что составитель втораго канонич. Евангелія считалъ пужнымъ изложить въ своемъ Евангеліи какъ главные событія, такъ и частныя обстоятельства этихъ событий, видно, что онъ старался о томъ, какъ бы не опустить чего-либо изъ узнаннаго имъ и не переименовать. — Что касается порядка, то неоспоримо, что въ Евангеліи Марка слова Господа и событія изъ Его жизни и дѣятельности изложены въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ; но неоспоримо также и то, что этотъ порядокъ не вездѣ находится въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностію. Такъ напр. очевидно, что событія, о которыхъ говорится у Марка во 2 гл. ст. 18—28 и въ которыхъ упоминается о ученикахъ Спасителя, какъ объ извѣстныхъ, всегда находящихся при своемъ Учителѣ лицахъ, совершились послѣ избранія 12-ти апостоловъ; между тѣмъ о избраніи апостоловъ Маркъ рассказываетъ по изложеніи этихъ событий 3, 7—19. Не подлежитъ, равнымъ образомъ, сомнѣнію, что притчи, заключающіяся въ 4 гл. 1—32. не были произнесены Спасителемъ въ одно и то же время; хотя онѣ и соединены вмѣстѣ, ибо изъ ст. 33, видно, что всѣ онѣ въ указанномъ мѣстѣ приведены съ цѣлію охарактеризовать приточный способъ изложенія ученія, которымъ Господь въ большинствѣ случаевъ пользовался при раскрытіи Евангельскихъ истинъ.

И такъ, древнія свидѣтельства о Еванг. записи Марка вполне приложимы, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ, къ нашему второму канонич. Евангелію и потому основывался на нихъ мы можемъ, вопреки мнѣнію Баура, утверждать съ полнымъ правомъ, что Евангелистъ Маркъ, будучи самостоятельнымъ относительно Маттея и Луки, пользовался при составленіи своего Евангелія единственно устною проповѣдію апостола

Петра и что слѣдовательно къ этой устной апостольской проповѣди наше 2-е каноническое Евангеліе имѣло ближайшее отношеніе при своемъ возникновеніи.

Теперь другой вопросъ: дѣйствительно ли въ Евангеліи Марка вовсе не существуетъ внутреннихъ признаковъ, которые бы свидѣтельствовали о ближайшемъ отношеніи этого Евангелія къ устной проповѣди ап. Петра? Для Баура это выше всякаго сомнѣнія; но и на этотъ разъ мы не можемъ согласиться съ Бауромъ. Мы въ состояніи указать въ нашемъ 2-мъ каноническомъ Евангеліи признаки, ясно свидѣтельствующіе о томъ, что это Евангеліе составлено подъ непосредственнымъ руководствомъ ап. Петра. Конечно, такихъ признаковъ немного; тѣмъ не менѣе однакожь они существуютъ и во всякомъ случаѣ подтверждаютъ справедливость того, что знаемъ мы изъ древнихъ свидѣтельствъ о происхожденіи Маркова Евангелія.

Такъ прежде всего мы не можемъ не замѣтить, что въ Евангеліи Марка чаще, чѣмъ въ другихъ Евангеліяхъ упоминается объ апостолахъ Петрѣ, (Мар. 1, 36 ср. Лук. 4, 42; Мар. 11, 21 ср. Матѣ. 21, 20; Мар. 13, 3. ср. Матѣ. 24, 3 и Лук. 21, 7. Мар. 14, 37. ср. Лук. 22, 45 и Матѣ. 26, 40; Мар. 16, 7 ср. Матѣ. 28, 7. 10.). Далѣе мы находимъ, что въ Евангеліи Марка съ большею точностію изложены нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Петра. Такъ напр., пророчество Господа объ отреченіи Петра, и исполненіе этого пророчества у Марка изложены точнѣе, чѣмъ у Матѣея и Луки. Тогда какъ у Матѣея и Луки вообще говорится, что прежде, чѣмъ пропоеть пѣтухъ, Петръ трижды отречется отъ Христа, и такъ исполнилось (Матѣ. 26, 34. 75; Лук. 22, 34, 60. 61.), у Марка повѣствуется раздѣльнѣе: прежде, чѣмъ пѣтухъ пропоеть дважды, Петръ отречется отъ Христа трижды, что въ точности и исполнилось (Марк. 14, 30. 72). Правда Бауръ, отстаивая свое мнѣніе, указываетъ на то, что у Марка о призваніи Петра рассказано далеко не съ такою обстоятельностью, какъ у Луки (Мар. 1, 10. 17; ср. Лук. 5, 2—10), въ рассказѣ же о исповѣданіи Петра совсѣмъ опущены слова Господа, сказан-

ныя Петру по поводу его исповѣданія, тогда какъ Матѳеей помѣстили эти слова въ своемъ Евангелии. Но эти опущенія не только не дають основанія сомнѣваться въ близкомъ отношеніи устной проповѣди ап. Петра къ Евангелію Марка, а напротивъ служатъ новымъ доказательствомъ несомнѣности такого отношенія. Въ самомъ дѣлѣ и обыкновенный повѣствователь, хотя нѣсколько обладающій естественнымъ чувствомъ скромности, никогда не позволитъ себѣ выставить на видъ свою личность при изложеніи событій, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе, въ которыхъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ скорѣе всего предоставитъ это другимъ и если упомянетъ о себѣ, то не иначе, какъ по требованію необходимости, для того, чтобы не сдѣлать существеннаго пробѣла въ рассказѣ. Но если такъ, то возможно ли ожидать, чтобы ап. Петръ, во всю жизнь помнившій о своемъ малодушномъ отреченіи отъ своего Божественнаго Учителя, и вслѣдствіе этого всегда проникнутый чувствомъ глубокаго сокрушенія, — рѣшился говорить подробно о себѣ, особенно о своихъ достоинствахъ. Напротивъ естественно и необходимо предположить, что слушатели ап. Петра никогда не слыхали отъ него подробнаго изложенія тѣхъ событій, въ которыхъ личность его выступала на видъ въ особенно благоприятномъ свѣтѣ, а затѣмъ естественно также предположить, что указанные опущенія, сдѣланныя Маркомъ, сдѣланы имъ потому, что онъ былъ слушателемъ апостола и его именно проповѣдь внесъ въ свое Евангеліе.

Н. Елеонскій.